

Сесиль фон Зигесар

СПЛЕТНИЦА

ТЫ – ВСЕ, ЧТО Я ХОЧУ

Annotation

Престижные шмотки и вечеринки, романы и измены, алкоголь и наркотики, секс в пентхаусе и пропущенные уроки — ничто не скроется от всевидящего ока Сплетницы. Никто не знает, кто она такая, но все доверяют новостям ее блога. Она раскрывает любую тайну и делает достоянием общественности все скандалы.

Почтовые ящики Верхнего Ист-сайда переполнены пухлыми письмами из самых престижных колледжей и университетов. Старшеклассники привилегированной частной школы с замиранием сердец вскрывают эти долгожданные письма и надеются на заветные приглашения. Однако проблема «кто куда поступил» не может затмить другой вопрос, вызывающий поголовный интерес: «кто с кем спит». И уж поверьте, Сплетница знает об этом все — для нее не существует никаких секретов.

Но главная интрига так и остается тайной: кто же такая Сплетница?..

- [Сесиль фон Зигесар](#)
 -
 - [Б — ЗВЕЗДА СВОЕГО ФИЛЬМА](#)
 - [Н ХОЧЕТ ПОПРОБОВАТЬ НА ВКУС ЕЕ БЛЕСК ДЛЯ ГУБ](#)
 - [Д СПАСАЕТ В ИЛИ НАОБОРОТ](#)
 - [О, КАК ХОРОШО БЫТЬ МОЛОДЫМ И БЕЗЗАБОТНЫМ](#)
 -
 - [НА СТАРТ, ВНИМАНИЕ, ВСКРЫТЬ!](#)
 - [НОВОСТИ Н СЛИШКОМ ХОРОШИ, ЧТОБЫ ИМИ ДЕЛИТЬСЯ](#)
 - [И ПОБЕДИТЕЛЕМ СТАНОВИТСЯ...](#)
 - [ОНА СЧАСТЛИВА, ЕСЛИ ОН СЧАСТЛИВ](#)
 - [БУДТО ОНА НА САМОМ ДЕЛЕ ХОТЕЛА ПРАЗДНОВАТЬ?](#)
 -
 - [Н ЕСТЬ В ЧЕМ ПРИЗНАТЬСЯ](#)
 - [ОНА ПОТЕРЯЛА ЧУВСТВО ЛЮБВИ](#)
 - [ВСЕ, ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ, — ЭТО СБРОСИТЬ ОДЕЖДУ](#)
 -

- ЕСЛИ ДЖ ЖЕЛАЕТ, ОНА ЭТО ПОЛУЧИТ
- ТО, О ЧЕМ НИКОМУ НЕ СТОИТ ЗНАТЬ
-
- ГАРВАРДСКИЙ ЗУБРИЛКА КРАДЕТ СЕРДЦЕ С
- Б ВЫДЕЛЯЕТСЯ В ДЖОРДЖТАУНЕ
- КАК СИЛЬНО ОНИ ЕГО ХОТЯТ?
- ПОБЕГ ИЗ ВЕРХНЕГО ВЕСТ-САЙДА
-
- ТРИДЦАТЬ СЕКУНД НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ
- Б УЧИТСЯ ЧЕМУ-ТО В КОЛЛЕДЖЕ
- Н — ЗНАЧИТ НЕГОДЯЙ
- С ВЫБИРАЕТ НЕПРОТОПТАННЫЕ ДОРОЖКИ
- Б ВСТУПАЕТ В ЗАКРЫТОЕ СЕСТРИНСТВО
- ДВОЕ — КОМПАНИЯ, ТРОЕ — ТОЛПА
-
- НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО
- НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, ЧАСТЬ 3
- НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, ЧАСТЬ 4
- БОЛЬШОЙ ДЕБЮТ ДЖ
- ЙЕЛЬ ХОЧЕТ УВИДЕТЬ Н В БАНДАЖЕ
- ЙЕЛЬ ПЕНИЕМ ПРОКЛАДЫВАЕТ ПУТЬ К СЕРДЦУ С
-
- Б ЗАСЛУЖИВАЕТ МЕДАЛЬ
- Н И С СКУЧАЮТ ПО СТАРОЙ ТРОИЦЕ
-
- РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ
- МАЛЕНЬКИЕ ПУШИСТЫЕ ДРУЗЬЯ Д
- Н ОБНАЖАЕТ... СВОЮ ДУШУ
-
- ПОКАЖИ-РАССКАЖИ
- ГЛИНДА, ДОБРАЯ ВОЛШЕБНИЦА, И ЕЕ ПОМОЩНИЦА
— ЛИЛИПУТ
-
- А ОН И НЕ ДУМАЛ, ЧТО КТО-ТО ПРИДЕТ
- Б И Н
- ДЖ ПУТЕШЕСТВУЕТ СО СВИТОЙ
- С НЕ МОЖЕТ СПРАВИТЬСЯ С МАЛЬЧИКАМИ
- ПОГРЕМУШКА Б ЗАВОДИТ Н
- ДЖ ГОТОВИТСЯ К СКАНДАЛЬНОМУ БУДУЩЕМУ
- Д ОТКРЫВАЕТ В СЕБЕ НОВЫЙ ТАЛАНТ

- В ВЫШВЫРИВАЕТ ВСЕХ ВОН
 - Д И В ДЕЛАЮТ НА СЛОВАХ
 - Б И Н ЗАНИМАЮТСЯ ЭТИМ НА САМОМ ДЕЛЕ
 -
-

Сесиль фон Зигесар

Ты — все, что я хочу

И если есть любовь, то какова она?

И если благо в ней, откуда ж муки эти?

Джеффри Чосер. «Троил и Крессида»

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, дабы защитить невинных. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Знаете выражение: «Сегодня первый день твоей оставшейся жизни»? Я всегда считала его тупым и банальным, но теперь оно кажется мне глубокой мудростью. А что такого плохого в банальностях? Это вполне нормально — пожелать дворецкому удачного дня, когда он утром открывает тебе дверь. И почему бы не остановиться и не понюхать сирень на Пятой авеню? Пока вы делаете это, не стесняйтесь, отломите веточку и положите ее себе за ухо. Еще только апрель, но уже вполне можно носить вне дома новые мятно-зеленые сандалии от «Коач», — ну те, с маленькими желтыми розочками, которые вы таскали дома уже целый месяц. Конечно, вы вляпаетесь в неприятности из-за того, что они несоответствуют школьной форме, но как иначе продемонстрировать свой новый бразильский педикюр?

Знаю, знаю. Вы думаете, что я сошла с ума, если говорю сейчас об этом, ведь на этой неделе нам предстоит узнать, приняты мы или нет в те университеты, о которых мечтали. Ведь это — самое важное событие в нашей жизни. И с этого момента на нас навесят ярлыки выбранных нами учебных заведений или, точнее, учебных заведений, которые выбрали нас: зубрила, попавший в Йель, лесбиянка-хорошистка-волейболистка, принятая в Браун. Все, о чем я хочу сказать, — почему бы не посмотреть на это с другой, светлой стороны? Письма уже отправлены, что сделано — то сделано, и я за

то, чтобы идти дальше.

Глупые игры, в которые мы играли когда-то (и тайно играем до сих пор)

Вступительные экзамены почти позади, настало время сосредоточиться на чем-то столь же важном: на нашем личном фронте. Пришло время тебе и мальчику твоей мечты (пожалуйста, добавь к каждой фразе слова «в постели»):

пить «отвертку» и не спать до утра
кормить друг друга мороженым
смотреть старые фильмы
выдувать колечки дыма
играть в твистер
делать друг другу временные тату
придумывать имена своим будущим детям
прогуливать спортивные тренировки
пробовать Бикрам-йогу

Я отнюдь не призываю вас совершать что-либо противозаконное. Сейчас еще не время надеть глупостей и все испортить. Вы ведь слышали о той многообещающей молодой актрисе, поступившей в Гарвард в прошлом году, а затем сбежавшей в Лос-Анджелес, где она тусовалась со своим бойфрендом весь май? Прием в Гарвард... аннулирован! Вышеизложенный список — просто самый лучший из известных мне способов избавиться от давящих на нас килограммов стресса. Вот на такую диету я готова сесть!

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Просто хочу поблагодарить за поддержку, оказанную мне в тот момент, когда я была в полной прострации. Я не знаю, как дела у тебя, но я подала документы в двенадцать колледжей, и вчера мне

приснилось, что ни в один из них меня не приняли. Как ты думаешь, может, мне лучше сбежать в Мексику? Ты суперкрутая.

— роза

Дорогая роза,

Мексика — звучит неплохо, но двенадцать колледжей? Перестань, ты точно попадешь хотя бы в один, если не во все двенадцать! И если ты чувствуешь, что готова прыгнуть с моста до прихода всех двенадцати писем, держись поближе к друзьям... если только не боишься, что они сами готовы тебя подтолкнуть! Это очень нелегкое время для всех нас.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Так эта сумасшедшая из рехаба в Коннектикуте уже, типа, пропала из жизни Н? Если он свободен, я точно займусь им.

— напролом

Дорогая напролом,

Сорри, дорогуша, придется постоять в очереди — и никаких окольных путей, пожалуйста! К несчастью для нас, кое-кто уже сцапал его. В общем-то, она всегда была там и, скорее всего, всегда там будет. Думаю, ты понимаешь, о ком я. Но не завидуй слишком сильно: ее жизнь — какая угодно, но точно не идеальная.

— Сплетница

Под прицелом

Н гуляет и загорает на ступенях Метрополитен. Кажется, теперь, когда он стал капитаном команды по лакроссу и больше не встречается с той наркоманкой, можно расслабиться и насладиться собой. Б пропускает утреннее школьное собрание и бежит домой в надежде, что люди из Йеля так сильно хотят видеть ее у себя и отправили ей письмо с курьером. Если это не клиника, то что?! Также

Б была замечена в отделе белья «Барниз», где она выбирала себе «счастливый» комплект. С грызет ногти, загораю на лужайке в Центральном парке, а вокруг нее множество озабоченных мальчиков пускают слюни. Чем она так обеспокоена, в конце концов? Д и В прикидываются, будто не замечают друг друга в очереди за билетами на новый фильм Кена Могула в «Анжелике». Дж примеряет туфли Маноло Бланика из кожи питона (которые делаются только на заказ) в «Бергдорф Гудман». Интересно, где она возьмет деньги на них и куда собирается в них пойти? Может, она и девятиклассница, но уж точно с амбициями.

На случай, если вы хотите освежить эти моменты...

В снимает документальный фильм обо всем этом поступлении-в-колледж. Воспринимайте это как возможность высказаться и оказаться в центре внимания. Следующие две недели она будет снимать после занятий у фонтана Вифезды в Центральном парке.

Мои пальчики на руках и ногах скрещены. Всем удачи!

Ты знаешь, о чем я,

Сплетница

Б — ЗВЕЗДА СВОЕГО ФИЛЬМА

— Просто расскажи, что ты чувствуешь сейчас. Ну, знаешь, все эти письма из приемных комиссий, которые должны прийти на этой неделе, и все такое.

Ванесса Абрамс посмотрела в камеру и настроила объектив так, чтобы сережки Блер с нефритами и кристаллами Сваровски попали в кадр. Стоял нежный апрельский день, и парк был похож на сумасшедший дом. На ступенях перед фонтаном Вифезды группа старшеклассников из «Сент Джудс» гонялась за фрисби (летающий диск (прим. ред.)), обливаясь потом и толкая друг друга в неистовом «в-ожидании-писем-из-университетов» стрессе. Вокруг фонтана растянулись идеально загорелые и наманикюренные старшеклассницы с Верхнего Ист-Сайда, затягиваясь сигаретным дымом и нанося на ноги новый крем для загара «Ланком», пока крылатая бронзовая дама в центре фонтана понимающе смотрит на них.

Ванесса нажала кнопку записи: — Можешь начать в любой момент. Блер Уолдорф облизала блестящие губы и заправила за уши локоны, отросшие, как у эльфа. Под черную рубашку поло и форменную серую юбку она надела бирюзовый шелковый с кружевом комплект из лифчика и стрингов, купленный в отделе белья «Барниз». Она прижалась спиной к фонтану и поерзала задницей по полотенцу, которое подложила Ванесса.

Жара и стринги. Неудачное сочетание.

— Я пообещала себе, что если поступлю в Йель, мы с Нейтом наконец-то сделаем это, — начала Блер. Она опустила глаза и принялась крутить вокруг пальца свое рубиновое кольцо. — Мы на самом деле даже не пара. Пока что. Но мы оба знаем, что хотим быть вместе. И как только придут письма... — Она взглянула в камеру, не обращая внимания на уставившуюся на нее странную бритоголовую, обутую в чёрные армейские ботинки Ванессу. — Но для меня это не просто секс. Это все мое будущее. Йель и Нейт. Это то, что я всегда хотела.

Она вздернула голову. В общем-то, она много чего хотела. Но, если не считать Той пары серебристых босоножек на платформе от

Кристиана Лубутена, это были ее самые сокровенные желания.

«Хороший бросок, лузер!» — донесся возглас старшеклассника, перехватившего фрисби прямо перед носом у своего друга.

Блер захлопнула свои голубые глаза, а затем резко открыла.

— А если я не поступлю... — она выдержала драматическую паузу, — кому-то, твою мать, придется за это заплатить.

Похоже, на этой неделе ей нужно носить намордник. Блер вздохнула, запустила руку под рубашку и поправила бретельку лифчика.

— Кое-кто из моих друзей — вроде Серены и Нейта — абсолютно не переживает по поводу колледжа. Но это все потому, что они не живут со своей слишком старой для беременности мамочкой и жирным стремным отчимом. У меня ведь теперь даже своей комнаты нет! — Она смахнула слезу и мрачно уставилась в камеру. — Это мой единственный шанс быть счастливой. И мне кажется, я его заслужила, понимаешь?

Аплодисменты.

ОН ХОЧЕТ ПОПРОБОВАТЬ НА ВКУС ЕЕ БЛЕСК ДЛЯ ГУБ

Дойдя до конца обсаженной вязами аллеи, идущей к лужайке и фонтану Вифезды, Нейт Арчибальд затоптал косяк и прошел мимо своих друзей, играющих во фрисби. В десяти шагах от него у фонтана, скрестив ноги, сидела Блер и говорила в камеру. Она выглядела взволнованной и даже, можно сказать, невинной. Ее изящные руки дрожали у маленького, острого личика, а короткая серая школьная юбка едва прикрывала крепкие бедра. Он откинул золотистые волосы со своих изумрудно-зеленых глаз и засунул руки в карманы брюк песочного цвета. Она выглядела очень сексуально.

Естественно, в этот момент мысли всех девушек в парке, как и мысли Блер, были только об одном — о нем.

Нейт едва знал эту странную бритоголовую девушку с камерой. Вообще-то, у Блер не было с ней ничего общего, но она всегда участвовала во всем, где можно поговорить о себе. Блер нравилось внимание, и даже после расставания с ней и — надцати измен Нейту по-прежнему было приятно оказывать ей знаки внимания. Он опустил руку в фонтан, подошел к ней сзади и брызнул несколько капель на ее голую руку.

Блер обернулась, увидела Нейта, как всегда неотразимого в своей бледно-желтой незастегнутой и незаправленной рубашке с закатанными рукавами, и развернулась к нему так, что могла любоваться его загорелыми мышцами и безупречным лицом.

— Ты ведь не подслушивал, что я говорила, а? — спросила она.

Он помотал головой, после чего она встала с полотенца, совершенно не обращая внимания на Ванессу. По мнению Блер, на сегодня они уже закончили.

— Привет. — Нейт нагнулся и поцеловал ее в щеку. Он пах дымом, чистым бельем и свежей кожей — всеми запахами, которыми должен благоухать правильный мальчик. Ням-ням.

— Здравствуй. — Блер одернула юбку. Какого черта ее не приняли в Йель сегодня?

— Я только что вспомнил, как прошлым летом ты просто жить не могла без брикета мороженого, — сказал Нейт. Внезапно у него появилось острое желание слизать сахарный блеск с ее губ и провести языком по ее зубам.

Блер сделала вид, что поправляет свои новые сережки, чтобы он их заметил.

— Я слишком нервничаю, чтобы есть, но лимонад сейчас был бы очень кстати, — сказала она.

Нейт улыбнулся, и Блер взяла его под руку — так же, как она это делала тогда, когда они встречались. По ее телу пробежала знакомая дрожь. Так всегда было, когда они снова начинали встречаться, — приятно и возбуждающе одновременно. Они подошли к продавцу, стоявшему на вершине лестницы, и Нейт купил две баночки лимонада «Каунтри Тайм». Они присели на стоявшую неподалеку скамейку, после чего Нейт достал из своей оливково-зеленой холщовой сумки от Джека Спейда серебряную флягу

Время коктейлей!

Блер отказалась от лимонада и схватила флягу.

— Чего ты дергаешься? — спросил Нейт. — Ты ведь, типа, лучшая ученица в своем классе.

Нейту, вообще-то, было по барабану, куда его примут. Он подал заявления в пять университетов, и ему действительно хотелось попасть в каждый из них, но он был совершенно уверен, что где бы он ни оказался, все равно классно проведет время.

Блер сделала еще один глоток из фляги, прежде чем вернуть ее.

— Если помнишь, я завалила оба чертовых собеседования, — сказала она.

Нейт знал о ее небольшом нервном срыве, случившемся на первом собеседовании, когда она на прощанье поцеловала члена комиссии. Также он слышал и о ее мимолетном флирте в гостиничном номере с выпускником университета — членом комиссии. Он понимал, что отчасти вина за эти два случая лежит и на нем. Каждый раз, когда они расставались, Блер становилась совершенно неконтролируемой.

Нейт протянул руку и поправил рубиновое колечко на ее пальце.

— Расслабься. Все будет хорошо, — искренне сказал он. — Обещаю.

— Ладно, — согласилась Блер, хотя на самом деле и не думала успокаиваться, пока письмо о приеме в Йель не будет висеть над ее кроватью в серебряной рамочке от Тиффани. Она поставит новый альбом «Рейве», будет громко до отвращения, но это заведет ее, она ляжет на кровать и станет перечитывать письмо вновь и вновь, пока Нейт будет покрывать поцелуями ее голое тело...

— Вот и хорошо. — Нейт потянулся к ней и принялся целовать, прерывая ее маленькую порно-фантазию.

Блер чуть не застонала. Если бы только она могла отдаться ему прямо здесь и сейчас, на грязной старой деревянной скамейке в Центральном парке! Но ей надо дожидаться ответа из Йеля. Это была сделка с самой собой.

Д СПАСАЕТ В ИЛИ НАОБОРОТ

Ванесса терпеливо ждала, пока Чак Басс поправлял красный воротничок на шее своей снежной обезьянки так, чтобы монограмма «П» попала в кадр. Чак подошел к фонтану сразу после того, как ушла Блер. Он даже не поздоровался, просто сел на полотенце со своей обезьянкой и принялся рассказывать.

— Лучше бы гребаный Нью-йоркский университет принял меня, потому что я хочу остаться жить в квартире, которую мне на днях купили родители. И тогда мы с Пупсичком останемся вместе. — Чак погладил короткую белую шерстку, пуская солнечных зайчиков своим кольцом с монограммой. — Я знаю, он всего лишь обезьянка, но он — мой лучший друг.

Ванесса направила объектив на логотип «Прада» на черных сандалиях Чака. Его ногти были свежештополированными, на лодыжке болталась тонкая золотая цепочка, подчеркивая искусственный загар. Ванессу приняли в Нью-Йоркский университет еще в январе, и то, что она может оказаться в одной группе с Чаком, ее совсем не радовало.

— Конечно, я буду снимать квартиру, где бы я ни оказался, — продолжал Чак. — Но дизайнер на днях закончил отделку моей квартиры в Армани Каса, да и кто, черт побери, захочет жить в каком-то Прови-мать-твою-денсе, штат Род-Айленд?

* * *

Дэниел Хамфри бросил окурок «кэмела» в кучу влажных зеленых листьев на краю аллеи. Зик Фридман и толпа других его одноклассников играли в хоккей на роликах, и у него на секунду даже мелькнула мысль присоединиться к ним. В конце концов, Зик был лучшим другом Дэна — ну, пока Дэн не познакомился с Ванессой — еще одним его лучшим другом. А теперь он был совсем без друзей, все это осталось где-то далеко, в прошлом. Он отвернулся, прикурил еще одну сигарету и продолжил гулять по парку так, как он делал это каждый день после уроков.

Фонтан Вифезды в солнечный день был для него «чужой

территорией» — слишком много обдолбанных придурков носятся вокруг, сняв рубашки, а загорелые девочки в бикини от Миссони слушают свои айподы, — но это был солнечный день, и ему все равно больше некуда было податься.

Здесь же его младшая сестра Дженни и ее подружка по школе «Констанс Биллард» Эллис Уэллс делали друг другу маникюр. А козел Чак Басс, его одноклассник из школы «Риверсайд», развалился у основания фонтана, держа обезьянку на своих коленях, и разговаривал с...

Дэн провел дрожащей рукой по своим отпущенным по богемной моде волосам и глубоко затынулся. Ванесса терпеть не могла солнце и тем более не переносила мальчиков вроде Чака, но она готова была на все ради хорошего фильма. Готовность страдать ради искусства — это, среди прочего, объединяло их с Дэном.

Он порывлся в своей курьерской сумке, достал ручку и кожаный блокнот, которые всегда носил с собой, и набросал несколько строчек о том, как Ванесса носила свои ботинки, пока не стерлись их носки и не стал проглядывать металл. Возможно, это было начало новой поэмы.

черные ботинки
с металлическим носком
мертвые голуби
грязный дождь

— Я снимаю документальный фильм, иди сюда, если хочешь попасть в него! — позвала его Ванесса, обрывая Чака на полуслове. На Дэне была пропаленная сигаретами белая майка и старые мешковатые штаны. Он выглядел как тот неряшливый, взъерошенный поэт, которого она раньше знала и любила. После того как его шедевр «Шлюхи» был опубликован в «Нью-Йоркере», Дэн стал больше внимания уделять своей внешности, покупая одежду во французских бутиках вроде «Агнес Б.» и «ЭйПиСи». И тогда же он изменил Ванессе с той анорексичной, желтозубой поэтессой-шлюхой Мистери Крейз. Но теперь Мистери была в прошлом, и, может быть, Дэн вернулся навсегда.

Сама мысль о том, чтобы сесть лицом к лицу с Ванессой, пугала его, но если они просто сосредоточатся на фильме, то тогда им не

придется разгребать старое дерьмо. Дэн глянул на Чака, который самозабвенно расчесывал обезьянку розовым черепаховым гребешком от Мэзон Пирсон.

— А разве?.. — промямлил Чак.

— Мы закончили, — оборвала его Ванесса, — возвращайся, когда узнаешь что-нибудь.

Ей не нужно было ничего говорить. Чак обязательно вернется. Все они вернутся. Это выше их сил. Заставить самовлюбленных людей делиться собственным бредом так легко, что это нужно запретить.

— Но я ведь еще не рассказал о том, как нанял пресс-агента для Пупсичка, — надул губы Чак. — Мы собираемся протолкнуть его на ТВ...

— Прибереги это на потом, — отрезала Ванесса. Она закатала рукав своей черной рубашки, делая вид, будто смотрит на часы, хотя Дэн прекрасно знал, что их у нее нет. — Следующий.

Чак встал и пошел прочь вместе с сидевшей у него на плече обезьянкой. Дэн расположился напротив камеры. Его руки вспотели и нервно дрожали.

— Так о чем фильм? — спросил он.

Девушка, нежившаяся у фонтана, уронила зажигалку, и Ванесса подтолкнула ее своим ботинком.

— Еще не знаю. Я хочу показать, как все сейчас с ума сходят. Ну, ты знаешь, из-за колледжа и всего такого, — пояснила она, — Но не только.

— Ну да, — кивнул Дэн. Чем бы ни занималась Ванесса, это было сложно понять и объяснить. Он порылся в сумке, достал еще одну сигарету «кэмел» и закурил. — должен сказать, что в последнее время меня стали раздражать эти письма.

Ванесса уставилась в камеру и начала снимать. В лучах яркого солнца бледное лицо Дэна выглядело таким ранимым, что трудно было поверить, что он изменял ей, что он вообще способен на что-то плохое.

— Продолжай, — сказала Ванесса.

— Больше всего меня бесят разговоры моих одноклассников, вроде «чувак, я буду так по тебе скучать в следующем году». — Дэн глубоко затаился. В этот момент он посмотрел на яблочно-белые руки Ванессы и забыл, о чем говорил. «Яблочно-белые» — это хорошо.

— Почему ты остановился? — спросила Ванесса. Дэн выпустил дым точно в объектив камеры.

— Никто не будет скучать по мне, и я ни по кому скучать не буду, разве что по папе и, может быть, по сестре... — Он запнулся и тяжело вздохнул. «И по тебе, и по твоим яблочно-белым рукам», — хотел добавить он, но решил, что это лучше записать.

Ванесса хотела промолчать, но эта маленькая речь искренне страдающего человека зацепила ее, даже без упоминания о ее яблочно-белых руках.

— По мне тоже никто не будет скучать, — протянула она, держа лицо прямо перед видеоискателем, так, чтобы не встретиться с Дэном глазами.

Дэн бросил окурок на землю и затоптал его своей протертой кроссовкой «Пума». Было странно говорить с Ванессой так, будто все это происходит месяц назад, когда они были влюблены и у него был первый секс.

— Я буду по тебе скучать, — тихо признался он. — Я уже по тебе скучаю.

И какого черта он должен быть таким милашкой? Ванесса выключила камеру, прежде чем произнести то, что вертелось у нее на языке.

— Камера вырубилась, — резко сказала она. И добавила думая о том, что быть сучкой — не всегда приятно: — Приходи в другой раз.

Дэн встал и перекинул через плечо свою курьерскую сумку.

— Был рад снова увидеть тебя, — ответил он с неуверенной улыбкой.

Ванесса не удержалась и улыбнулась в ответ.

— И мне, — Она замялась. — Обещай, что вернешься, когда что-нибудь узнаешь.

Было приятно видеть, как она улыбается ему.

— Обещаю, — искренне ответил Дэн, прежде чем окончательно уйти.

Может быть Ванесса всего лишь настраивала объектив, но больше походило на то, что она снимает его удаляющуюся задницу.

О, КАК ХОРОШО БЫТЬ МОЛОДЫМ И БЕЗЗАБОТНЫМ

— Как мило со стороны твоего братца Дэниела остановиться и поприветствовать нас, — саркастично прокомментировала происходящее Эллис Уэллс. Она вытянула свои длинные веснушчатые руки над головой, а затем картинно позволила им упасть по бокам. — Думаю, он меня боится.

Дженни Хамфри отодвинула свою ногу от колена Эллис и осмотрела только что покрашенные ногти. Эллис размазала красный лак «МАК» по всему мизинцу, где ноготь был суперкрошечным, и теперь палец выглядел так, будто по нему хорошенько прошлись молотком.

— Дэн последнее время ведет себя как-то странно, — заметила она. — Мне неприятно говорить, тебе это, но вряд ли это связано с тобой. Ему на этой неделе придут ответы из колледжей.

Девочки сидели на противоположной от Ванессы стороне фонтана Вифезды. Дженни прикрыла глаза от солнца и выглянула из-за бортика фонтана посмотреть, что происходит вокруг.

Ванесса теперь снимала Ники Баттон — еще одну старшеклассницу из «Констанс Биллард». Ни для кого не было секретом, что Ники сделали уже две операции ринопластики. Это было ясно как божий день, не требовалось никаких доказательств: достаточно было просто посмотреть в школьном альбоме ее фотографии трехлетней давности.

— Она берет интервью только у выпускников, — констатировала Эллис. Она заправила свои тонкие, похожие на соломку светлые волосы за острые уши. — Я спрашивала у нее в школе на перемене. Дженни нахмурилась. Ну почему выпускникам достается все самое клевое? Она потянула вниз свой лифчик — он всегда подсакивал под мышками. В чашечках собрались капельки пота, отчего ей казалось, что на ней гидрокостюмЮ а не «суперподдерживающий» бюстгальтер «Бали» для большой груди.

— Типа, я сплю и вижу, как бы сняться в каком-то глупом фильме, — пробормотала она.

— Да ладно, — язвительно проговорила Эллис — Типа, ты же во всем хочешь быть похожа на Серену ван дер Вудсен, не так ли?

Эй, зачем так жестоко?

Дженни притянула колени к груди и с вызовом посмотрела на Эллис. Стала ли она всемирно известной моделью? Была ли она блондинкой? Носила ли она тренч от Берберри, курила ли французские сигареты и разгуливала ли с глуповатый видом, пока мальчики с высунутыми языками наблюдали за ней? Была ли она при этом втайне от всех самой умной девочкой в классе? Нет!

На самом деле Дженни была самой умной девочкой в классе, но это не было тайной.

— Назови хоть что-нибудь, что я повторила за Сереной, — сказала она.

Эллис открыла маленький флакончик лака для ногтей, стоявший на краю фонтана, и принялась красить ногти. Цвет казался кричащим и неуместным на фоне ее бледной, веснушчатой кожи.

— Ну, это не совсем то, что ты делала... — Эллис на секунду умолкла, а затем продолжила: — Я говорю о том, как ты подлизываешься к ней. Ну, типа, ты хочешь, чтоб все видели, что ты тусуешься с моделью. А еще ты вечно примеряешь все эти шикарные наряды в магазинах, будто бы тебе на самом деле есть куда их надевать, как Серене.

Она даже не упомянула о скоротечном романе с Нейтом Арчибалдом, а ведь это была «классика жанра»: о том, что девятиклассница по уши влюбляется в выпускника, стыдно даже было говорить.

Футбольный мяч появился неожиданно — словно из ниоткуда — и попал Дженни прямо в голову.

— Ай! — заорала она, густо краснея. Дженни встала и надела розовые замшевые шлепанцы от DKNY, купленные на последней распродаже в «Блумингдейлс», размазывая свой лак еще больше.

— Не знаю, в чем твоя проблема, — бросила она Эллис, — но я лучше буду тусоваться с моим конченым братом, чем слушать, как ты меня критикуешь.

Эллис была уже достаточно взбешена, но продолжала красить

ногти.

— Отлично, — выдохнула Дженни, уходя от фонтана в западную часть Центрального парка. «Копирую Серену, — усмехалась она про себя; ее огромная грудь дабл-Д подпрыгивала при каждом шаге. — Типа, я могу хоть приблизиться».

Дженни была не из тех, кто не реагирует на вызовы, и ей хотелось доказать Эллис, что она не просто какая-то малявка, безнадежно пытающаяся копировать Серену. Какой-то мальчик засвистел, когда она проходила мимо, но она откинула свои каштановые кудрявые волосы от лица и сделала вид, что не замечает его. Может, ее рост и не 180 сантиметров или даже больше и она не эффектная блондинка, но мальчики все равно свистят ей вслед. Значит, в ней что-то есть, разве не так? И ведь не все модели блондинистые и высокие. Дженни выпрямила спину и добавила немного уверенности походке, представляя себя моделью с канала «Метро». Эллис удивится, когда увидит ее фото на страницах «Вог» и «Элль». Она добьется успеха, и такого, что даже сама Серена лопнет от зависти.

Хотя вряд ли Серена будет завидовать той куче собачьего дерьма, в которую едва не вступила Дженни, намеревавшаяся стать новой Жизелью.

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Худшая идея в мире

И вот уже четверг, а мы так ничего и не слышали. Але? И во всем виновата эта конченная дурацкая идея американской Почтовой службы. По всей видимости, в прошлом году в это время на почту обрушились миллионы звонков от абитуриентов, обвинявших службу в утере писем из колледжей и даже в подделке их содержания. Ну да, будто какому-то почтальону и впрямь есть дело до того, поступишь ты в Принстон или нет. И в этом году они решили попробовать что-то под названием «Национальный фонд писем от приемных комиссий»;

звучит это гораздо более интеллигентно, чем является на самом деле. Смысл в том, что университеты должны отправлять свои письма по индексам скопом, так что почтовая служба доставит их все одновременно. Будто мы и без того мало страдали. Как бы то ни было, ходят слухи, что письма были отправлены в понедельник, а так как у нас всех один индекс, свои мы получим, типа... СЕГОДНЯ!!!

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Ты — бомба. К общему сведению: вечеринка в ресторане моего папы сегодня. «Тру Уэст», отель «Пьер», последний этаж, Уэст-стрит. Кроме того, я забронировала несколько номеров в отеле, так что будет достаточно места, чтобы оторваться по полной. Не скучайте.

— фифа

Дорогая фифа,

Нет, это ты — бомба. До встречи!

— Сплетница

Под прицелом

Б мучает почтальона. Именно из-за таких, как она, мы сейчас страдаем! С читает объявления о знакомствах в «Тайм Аут» во время педикюра в «Мандарин Ориентал Спа». Но что еще интереснее, она Застрыла на странице «Женщина ищет женщину». Д сидит на мраморном полу своего подъезда прямо под почтовыми ящиками, яростно записывая что-то в блокнот. Кажется, стресс добрался и до него. Н пьет виски с содовой со своими родителями в «Клубе Йеля». Празднует заранее? Дж покупает в журнальном киоске метровую стопку модных журналов. Это для домашней работы или очередного коллажа? А В берет интервью у всех и вся. Это будет совершенно безумный фильм! Если у вас есть большая собака, которая любит кусать почтальонов, пожалуйста, не спускайте ее с поводка. И, народ, помните, мы в этом все вместе.

*Ты знаешь, что ты любишь меня,
Сплетница*

НА СТАРТ, ВНИМАНИЕ, ВСКРЫТЬ!

— О господи, я не могу дышать. — Блер драматично ловила ртом воздух. Она прижала одну из набитых ячменной шелухой подушек Аарона к животу. — Меня сейчас вырвет.

Не впервой.

— Успокойся, — посоветовала Серена, кладя две маленькие стопки белых, кремовых и желтых конвертов на конопляное покрывало. Предчувствие по поводу того, что должно было произойти на этой мини-вечеринке-распечатывания-писем, ее не обмануло. Блер была слишком упряма, чтобы оставаться спокойной в такой момент.

— Сейчас сдохну, — простонала Блер, хватаясь за живот.

Девочки сидели, скрестив ноги на кровати в спальне Аарона, которая, собственно говоря, сейчас и до отъезда в колледж была спальней Блер. Ее комнату превратили в детскую для Йель, ее сестрички, рождение которой ожидалось в июне. Аарон перебрался к ее младшему брату Тайлеру. Блер раздражал «экологически дружелюбный» интерьер комнаты и вечный запах черствых соевых хот-догов и травяных сигарет. Она даже подумывала переехать в отель «Карлайл» на Мэдисон, по крайней мере до выпуска.

Кстати, это идеальное место для после-вступительного-в-Йель randevu с Нейтом! Но сначала к делу: ей нужно поступить.

На кровати между девочками лежали две стопки конвертов, лицевой стороной вниз, чтобы не был виден адрес отправителя. В стопке Блер было семь писем, а в стопке Серены — пять; тем не менее, стопка Серены была выше. Не было никаких сомнений: конверты Серены выглядели настоящими толстяками.

— О'кей. Ты готова? — спросила она, потянувшись к Блер, чтобы пожать ей руку на удачу.

— Погоди! — Блер схватила бутылку водки «Кетель Уан», украденную с ночного столика ее отчима, и зубами выдернула пробку.

— Чем дольше мы ждем, тем хуже будет, — сказала Серена,

теряя терпение.

Блер сделала глоток, затем закрыла глаза и потянулась к первому конверту:

— Твою мать. Ладно, поехали.

Вжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

Приемная комиссия с сожалением сообщает, что мы рассмотрели ваше заявление и не можем предложить Вам место в Гарвардском университете следующей осенью».

Вжжжжж!

«Дорогая мисс ван дер Вудсен,

Приемная комиссия рассмотрела ваше заявление и с удовольствием предлагает Вам место в Гарвардском университете...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

Спасибо за ваше заявление. В этом году в Принстонский университет подало документы огромное число абитуриентов. Нам всегда очень сложно принять решение о приеме того или иного соискателя. С сожалением сообщаем, что не можем предложить вам место в классе...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс ван дер Вудсен,

Благодарим за Ваше выдающееся заявление. Принстонский университет рад предложить Вам место в классе...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

С сожалением сообщаем, что Университет Брауна не может...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс ван дер Вудсен,

Приемная комиссия была впечатлена Вашим заявлением. Мы с удовольствием приглашаем Вас присоединиться к классу Университета Брауна...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

Мы рассмотрели Ваше заявление и решили не предлагать Вам место в Университете Уэслиана следующей осенью. Желаем успехов».

Вжжжжж!

«Дорогая мисс ван дер Вудсен,

Приемная комиссия Университета Уэслиана с удовольствием предлагает Вам место...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

Колледж Вассара — это небольшое учебное заведение и может принять лишь ограниченное число абитуриентов. К сожалению, мы не можем предложить Вам место в Вассаре следующей осенью».

Вжжжжж!

«Дорогая мисс ван дер Вудсен,

Благодарим за подачу документов в Йельский университет. Мы очень рады пригласить Вас присоединиться к классу...»

Вжжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

Благодарим за подачу документов в Йель. Приемная комиссия добавила Ваше имя в лист ожидания. Комиссия уведомит Вас о Вашем статусе до или после 15 июня».

Вжжжжж!

«Дорогая мисс Уолдорф,

Мы изучили Ваши документы и очень рады предложить Вам место в университете Джорджтауна следующей осенью».

Блер швырнула последнее письмо на покрывало и снова схватила бутылку водки. Лист ожидания в Йеле и основной список Джорджтауна? Но это ведь было только страховкой! Она ведь даже и не думала идти туда.

Сделай глоток и подумай еще раз, дорогуша.

Блер судорожно глотнула и передала бутылку Серене.

— Ну как ты? — спросила она.

Серена видела по испуганному выражению лица Блер, что новости были не самыми приятными. Она не знала, что ответить.

— Э-м-м, я поступила... э... фактически... везде...

Блер с сомнением уставилась на стопку писем в руках Серены.

На самом верху лежала кремовая бумага с характерной голубой шапкой Йельского университета. Все поплыло перед ее глазами.

— Стой, ты в Йель подавала заявление?

Серена кивнула.

— В последний момент решила, а почему бы и нет?

— И ты поступила?

Серена кивнула еще раз.

— Извини. — Она потянулась за пультом и включила телевизор Аарона. И сразу выключила. То, как Блер оскалилась, немного пугало Серену.

Блер продолжала смотреть на нее. Когда-то в первом классе она случайно отрезала ножом для мяса длинную прядь золотых волос Серены. И все эти годы она чувствовала себя виноватой за это — до этого момента. Теперь Блер мечтала отрезать на хрен всю белобрысую голову Серены. Она подняла бутылку и с яростью сделала еще один глоток водки. Что такого было у Серены, чего не было у нее? Она была лучшей ученицей своего класса, ходила на всевозможные подготовительные курсы. Она блестяще написала вступительный тест. Она занималась благотворительностью. Она руководила работой Французского клуба. Она имела разряд по теннису. Вся ее школьная карьера — практически вся ее жизнь — была посвящена поступлению в Йель. Ее отец учился там. Его отец учился там. Ее двоюродный дедушка подарил Йелю два здания и игровое поле. Серену же этой осенью выгнали из интерната. Она вообще не ходила на подготовительные курсы и почти не посещала факультативы, у нее были средние оценки и еще более низкий, чем у Нейта, результат вступительного теста. Отец Серены учился в Принстоне и Брауне — двух самых главных соперниках Йеля. И при всем при этом Йель принял Серену и поставил Блер в гребаную очередь! Может, Серена знала что-то такое, чего Блер не знала даже после двенадцати двухчасовых занятий с мисс Глос, строгой, носящей парик школьной репетиторшей, и четырнадцати недель подготовительных курсов?

— Я, скорее всего, туда даже не пойду, — заикнулась было Серена, надеясь спустить все на тормозах. — Мне нужно... это... посетить другие универы, прежде чем выбирать. — Она собрала свои шикарные белые волосы на макушке и нахмурилась. — Может, я

даже не сразу пойду в колледж. Я могла бы остаться в городе и попытаться стать актрисой или еще что-нибудь в этом роде.

Блер вскочила с кровати, разбросав письма с отказами. Серену приняли в Йель, а она даже не хочет идти туда?!

— Что за херня?! — заорала Блер, разливая водку по ковру из водорослей под своими ногами.

Серена собрала свои письма и спрятала за спиной.

— А как насчет других колледжей? Ты должна была...

В этот момент в двери показалась самодовольная растаманская голова Аарона Роуза — сводного брата Блер, которого уже давно приняли в Гарвард.

— Мне показалось, что здесь кто-то кричит. — Он покосился на письма в руке Серены. — Принята в Гарвард? — Аарон вошёл в комнату и протянул руку, чтобы протиснуть пятерню. — Клево! — Он повернулся к Блер. — А че там у тя, сестренка?

Блер еще не решила — убить их обоих или начать с себя.

— Я тебе не сестра! — гаркнула она и запустила полупустой бутылкой водки в буковый комод, едва не разбив ее. — Но если тебе так интересно, меня поставили в гребаную очередь в Йель. Меня приняли только в Джорджтаун. Конченный, тупой Джорджтаун.

Серена и Аарон на мгновение уставились на нее, в их широко раскрытых глазах отчетливо виднелся страх перед Блер, которая в эту минуту действительно была разъярена до предела и способна на все.

— Не так уж плохо, — наконец пробормотала Серена. Она мало что знала о Джорджтауне, но встречала нескольких симпатичных мальчиков оттуда, и потом, ведь это круто — жить в одном городе с президентом. — Я уверена, Йель просто набивает себе цену. И если ты в конце концов не попадешь туда, у тебя по крайней мере есть подстраховка.

Серене легко было говорить о подстраховках, когда ее подстраховками были Гарвард и Браун. Блер засунула ноги в свои новые сизые балетки от Евгении Ким и схватила с кровати черный кардиган на молнии от DKNY.

— Слушай, Блер, ну не будь такой ранимой неудачницей. Все равно в Нью-Хейвене полный отстой. Тебе там точно не

понравится. — Аарон сунул свои затвердевшие от игры на гитаре большие пальцы в карманы зеленых штанов. — По крайней мере, в Вашингтоне есть «Прада».

Но конечно же единственное, что услышала Блер, было слово «неудачница».

— Пошли на хрен, — бросила она и отправилась к Нейту. Скорее всего, его приняли только в какой-нибудь отстойный обдолбанный университет — вроде Хобарта или Нью-Хэмпшира. По крайней мере, Нейт ей посочувствует.

И возможно, даже предложит сочувственный секс. Но она была совсем этому не рада.

НОВОСТИ Н СЛИШКОМ ХОРОШИ, ЧТОБЫ ИМИ ДЕЛИТЬСЯ

Хотя дома никого не было, Нейт, не желая рисковать по-глупому, положил скрученное полотенце на деревянный пол под дверь своей спальни, прежде чем сесть на клетчатое постельное белье и раскурить косяк. Он глубоко затанулся, протянул руку за первым конвертом в небольшой стопке, лежавшей на прикроватном столике, и открыл его.

*«Поздравляем, мистер Арчибальд,
Университет Брауна счастлив предложить Вам..»*

Зачет!

Нейт бросил письмо на кровать, сделал еще одну затяжку и открыл следующий конверт.

*«Дорогой мистер Арчибальд,
Приемная комиссия рассмотрела Ваше заявление и с удовольствием приглашает Вас присоединиться к классу Бостонского университета...»*

Двойной зачет!

Он затанулся и положил косяк на край своего прикроватного столика. Следующий конверт.

«Хэмпширский колледж в этом году получил много заслуживающих внимания, интересных заявлений. Ваше было лучшим. Мистер Арчибальд, мы рады предложить Вам место в Хэмпшире следующей осенью.»

Тройной зачет!

Последний конверт — Нейт удосужился подать документы только в четыре места.

«Благодарим за Ваше заявление. Приемная комиссия Йельского университета рада предложить Вам место в классе...»

Четверной гребаный зачет!

Нейту не терпелось рассказать все Блер. Они могут поступить в Йель вместе, жить в семейном общежитии, как и мечтали. Возможно, они даже заведут собаку. Немецкого дога.

Нейт стал изучать остальные бумаги, вложенные, в конверты. К письмам о приеме в Браун и Гарвард прилагались послания от тренеров университетских команд по лакроссу, сулившие ему места в командах. «Ох, блин», — выдохнул Нейт, читая письма. Они не просто хотели его. Они дико хотели его.

Знакомая история.

Он потянулся к мобильнику, чтобы набрать Блер, и в этот момент телефон в его руке зазвонил. На экране высветился номер Блер.

— Привет. Я как раз собирался звонить тебе, — обрадовался Нейт. — Ну, что у тебя?

— Впусти меня, — резко ответила Блер. — Я, короче, в двух шагах от тебя.

Упс.

Нейт плюнул на пальцы и затушил тлевший косяк. Затем он брызнул в воздух немного туалетной воды «Eau d'Orange Verte» от Гермес, чтобы освежить комнату. Он не пытался замаскировать запах плана, просто не хотел, чтобы Блер стошнило от этого запаха.

Зазвонил звонок, и он впустил ее в дом.

— Я у себя, — сказал он в видеодомофон. — Поднимайся.

Письма лежали на кровати. Он собрал их, намереваясь похвастаться перед Блер своими сногсшибательными новостями: они

оба будут учиться в Йеле! От этой травы ему всегда хотелось секса. Может, Блер, наконец, будет готова переспать с ним, и они смогут отпраздновать по всем правилам, без одежды.

А может, и нет.

Дом Нейта был даже лучше, чем у Блер, — в конце концов, это был целый дом — с садом и со всем таким, а так как Нейт был единственным ребенком, у него был даже собственный этаж. Но лестница всегда раздражала Блер. Почему бы его родителям не установить какой-нибудь эскалатор?

— Подыхаю, — выдохнула Блер, взобравшись на последнюю ступеньку. Она вошла в комнату Нейта и бросилась на кровать лицом вниз. Затем переверну лась и уставилась в чистое голубое небо сквозь окно в потолке. — По крайней мере, мне хотелось бы сдохнуть прямо сейчас.

Если бы Блер попала в Йель, то вряд ли бы собиралась умереть здесь и сейчас. Нейт незаметно переложил свои письма на стол и присел рядом с ней. Он нежно провел пальцем по ее безупречно, гладкой щеке.

Спасибо тебе, крем «Ля Мер».

— Что случилось? — мягко спросил он.

— Эту тупую сучку Серену приняли в Йель и во все остальные гребаные университеты, в которые она подавала документы. А меня взяли только в долбаный Джорджтаун. Йель поставил меня в очередь. А все остальные мне отказали.

Блер подвинулась и прижалась лицом к ноге Нейта. Она думала, что этот день настал — день, когда она собиралась потерять девственность, но теперь было ясно: она была слишком большой неудачницей, чтобы хоть когда-нибудь заняться сексом.

— О, Нейт! Что же нам делать?

Нейт не знал, что сказать. Но одно было очевидно. Он ни за что не скажет Блер, что его тоже приняли в Йель. Она может задушить его подушкой или сделать еще что-нибудь в этом роде.

— Я знаю многих ребят, которых ставили в очередь в прошлом году. Большинство из них попали, — произнес он.

— Да, но не в Йель, — протянула Блер. — В этих дерьмовых

универсах супердлинные списки ожидающих, потому что все используют их в качестве страховки и не собираются там учиться на самом деле.

— О-о-о!

Как это типично для Блер. По ее мнению, дерьмовым был любой университет, кроме Йеля.

— В Йеле знают, что почти все, кого они приняли, будут у них учиться, так что их лист ожидания состоит, наверное, из двух фамилий, и эти люди наверняка никогда туда не попадут. — Блер вздохнула. — А что у тебя? Куда тебя приняли?

Нейт знал, что врать своей девушке — девушке, которую он любит, — это отвратительно, но он не мог заставить себя разбить ей сердце.

Или разозлить ее так, что она не захочет подурачиться?

— М-м-м, — зевнул он, будто это был самый скучный разговор в мире. — Хэмпшир. Бостонский. Браун. Бот и все.

Ну да, он забыл упомянуть Йель. Это же не ложь?

М-м-м, да?

Блер холодно уставилась на голый деревянный пол, она крутила свое рубиновое кольцо вокруг пальца так быстро, что у Нейта закружилась голова. Он лег рядом и обнял ее за талию.

— Джорджтаун — хороший универ.

Тело Блер было напряжено.

— Но он так далеко от Брауна, — протянула она.

Нейт пожал плечами и принялся массировать точку между ее плечами.

— Может, я пойду в Бостонский. Зуб даю, от Бостона до Вашингтона есть прямой рейс.

Слезы потекли из глаз Блер, и она ударила по матрасу каблуком.

— Но я не хочу учиться в Джорджтауне. Я ненавижу Джорджтаун!

Нейт прижал ее голову к груди и поцеловал в шею. Они с Блер не были вместе на его кровати уже несколько месяцев, и теперь ему

действительно очень хотелось секса.

— А ты ездила туда?

На самом деле Блер не была ни в одном университете, кроме Йеля.

— Нет, — призналась она.

Нейт провел языком по мочке ее уха. От персикового аромата ее шампуня у него по телу пошли мурашки.

— Я встречал много клевых девушек из Джорджтауна. Тебе стоит туда съездить. Может, тебе там понравится даже больше, чем в Йеле, — сказал он приглушенно, водя носом по ее шее.

— Ты прав, — с горечью в голосе ответила Блер.

Она понимала, что Нейт хочет ее, но была так расстроена, что чувствовала только его слюну у себя на ухе.

Нейт откинулся на кровать и затащил ее на себя. Его глаза были закрыты, а губы растянуты в обдолбанной, счастливой улыбке.

— М-м-м, — простонал он, наслаждаясь тем, как давит на него ее тело.

— Если бы только меня приняли в Йель, — прошептала Блер. Тогда она могла бы сбросить одежду и наконец-то заняться этим, именно так, как всегда себе представляла. Она положила голову на плечо Нейта и вдохнула его запах — приятный и дымный. Все, что ей нужно было сейчас, — хорошо пообниматься. Секса придется подождать.

Нейт открыл глаза и тяжело вздохнул. «Прерванный секс, эпизод XX», снятый специально для него Блер Уолдорф.

Не то чтобы он действительно заслуживал секса.

— Только пообещай, что съездишь в Джорджтаун, — сказал он так, как должен был сказать настоящий бойфренд, а не лживый сукин сын.

Блер крепко обняла его. Ее жизнь была жалкой кучей дерьма, ее лучшая подруга — коварной сучкой, но, по крайней мере, у нее был Нейт — очаровательный, заботливый, оптимистичный Нейт. И он был прав. Посещение Джорджтауна не убьет ее. В данный момент она была готова на все.

— Ладно. Обещаю, — согласилась она.

Нейт запустил руку в ее джинсы, но она оттолкнула ее.

Ну, почти на все готова.

И ПОБЕДИТЕЛЕМ СТАНОВИТСЯ...

— Я дома!

Зайдя в квартиру, Дэн услышал громкий шепот своей младшей сестры Дженни:

— Скорее!

Он швырнул ключи на шаткий старый стол в прихожей и снял свои кроссовки «Пума».

— Эй?! — позвал он, заглядывая на кухню, где всегда собиралась семья. Как обычно, Маркс, огромный черный кот Хамфри, лежал свернувшись на желтом обшарпанном кухонном столе; подушкой ему служило оранжевое полотенце. Полупустая кружка с кофе была там же, где Дэн оставил ее утром — у маленького нежного носика Маркса. На кухне горел свет, а недоеденный обезжиренный черничный йогурт «Данон» — любимый йогурт Дженни — стоял на кухонном столе.

Дэн почесал Маркса за пушистым черным ухом. На столе подозрительно не хватало привычной стопки почты, а Дженни была где-то вне поля зрения.

— Мы здесь, — донесся из столовой ее голос.

Дэн толкнул расшатанную дверь. За выдавшим виды типичным фермерским столом бок о бок сидели Дженни и их отец, Руфус. Он был одет в лилово-серую футболку «Метс», а его густая седая борода отчаянно нуждалась в расческе. На Дженни, был дорогой шелковый топ тигровой расцветки, ее ногти были покрыты красным лаком. Перед ними на столе лежала груда конвертов, а рядом — коробка шоколадных пончиков «Энтерманн» и бумажный стаканчик с кофе.

— Присаживайся, сынок. Мы ждали тебя, — сказал Руфус, несколько нервно улыбаясь. — Мы даже купили твои любимые пончики. Сегодня — особенный день!

Дэн моргнул от удивления. На протяжении последних семнадцати лет его отец жаловался на то, что на повседневные нужды и обучение двух неблагодарных подростков уходит слишком много денег, и постоянно запугивал их переездом в страну с бесплатными

медициной и образованием. Тем не менее, он отправил Дэна и Дженни в две самые дорогие частные школы Манхэттена, прицепил их табели к холодильнику и постоянно мучил стихами и латынью. Казалось, письма из приемных комиссий волновали его больше, чем самого Дэна.

— Люди, вы что, уже и мою почту вскрыли? — Спросил Дэн.

— Нет. Но вскроем, если ты, наконец, не сядешь, — ответила Дженни. Она указала красным ногтем на стопку. — Я положила Браун сверху.

— Хм, спасибо, — крикнул Дэн и сел. Будто и без этого спектакля весь этот процесс не заставлял его дергаться. Он и не помышлял, что почту ему придется открывать перед зрителями.

Руфус протянул руку к коробке пончиков и открыл ее.

— Давай же, — поторопил он, прежде чем запихнуть пончик в рот.

Дрожащими пальцами Дэн аккуратно вскрыл конверт из Брауна и вытащил из него письмо.

— О господи, тебя действительно приняли! — завизжала Дженни.

— Что там? Что? — возбужденно, спрашивал Руфус, нервно дергая густыми седыми бровями.

— Меня приняли, — тихо ответил Дэн и протянул письмо отцу.

— Конечно же приняли! — торжественно произнес Руфус. Он взял со стола открытую еще вчера и уже почти пустую бутылку кьянти, откупорил ее и сделал глоток. — Давай дальше, открывай следующее!

Второе письмо было из Нью-Йоркского университета, куда уже приняли Ванессу.

— Готова поспорить, что тебя взяли, — сказала Дженни.

— Ш-ш-ш! — зашипел отец, раздраженный прогнозами дочери.

Дэн вскрыл конверт. Он посмотрел на их нетерпеливые лица и спокойно произнес:

— Приняли.

— Опа! — воскликнул Руфус, ударив себя по груди, как это обычно делают гориллы. — Это мой мальчик!

Дженни потянулась к следующему конверту:

— А можно я открою этот?

Дэн закатил глаза. Выбора у него все равно не было.

— Конечно.

— Колледж Колби, — прочла Дженни. — А где это?

— Мэн, дурочка, — ответил ее отец. — Ты откроешь его, наконец?

Дженни хихикнула и провела пальцем под клапаном конверта. Это было весело, вроде объявления победителя Оскара или что-то в этом роде.

— И Оскар получает... Дэн! Тебя приняли!

— Клево, — пожал плечами Дэн. Он никогда не бывал в Мэне и не посещал Колби, но его учитель английского уверял, что там самая лучшая подготовка писателей на Восточном побережье.

Дженни схватила следующий конверт и вскрыла его, уже не спрашивая разрешения.

— Колумбийский. Упс. Они отказали.

— Сволочи, — проревел Руфус.

Дэн снова пожал плечами. Б Колумбийском была престижная и сложная программа писательского мастерства, к тому же этот университет находился близко к дому и Дэну не пришлось бы жить в общежитии... Но мысль о том, что ему придется в течение следующих четырех лет жить дома, вызывала у Дэна что-то вроде приступа клаустрофобии, и это совсем не радовало.

Последним был конверт из колледжа Эвергрин в штате Вашингтон, который находился так далеко, что решение отправиться туда приобретало некий романтический оттенок. Дэн подвинул конверт к Руфусу и взял свой подарочный стаканчик кофе,

— Открой, пап, — сказал он.

— Эвергрин! — закричал Руфус. — Бросаешь нас ради Северо-Западного побережья! Ты хоть знаешь, что там дожди идут круглый

год?

— Ну пап, — заныла Дженни.

— Ладно, ладно, — Руфус вскрыл конверт, надрывая и письмо. Он покосился на оборванный лист бумаги. — Принят! — Руфус схватил еще один пончик, засунул его в рот и толкнул коробку в сторону Дэна. — Четыре из пяти — не так уж плохо!

— Идемте куда-нибудь это отметим! — закричала Дженни, хлопая в ладоши. — На Орчед-стрит открылся новый, говорят крутой, ресторан. Все модели туда ходят.

Руфус посмотрел на Дэна.

— Пока тебя не было, твоя сестра объявила, что хочет стать супермоделью. Видимо, к концу месяца я буду разъезжать на своих скаковых лошадях и яхтах, которые она купит на все заработанные миллионы. — Он указал обмазанным шоколадом пальцем на Дженни: — Ты, наверное, и за колледж Дэна заплатишь, да?

— П-а-ап, — закатила глаза Дженни.

Руфус покосился на нее.

— Где ты взяла эту майку? — Его лоб был красным и лоснящимся — как всегда, когда он был возбужден. — Если ты не прекратишь тягать мою кредитку, я отправлю тебя в интернат. Слышишь?

Дженни опять закатила глаза.

— Тебе не придется меня отправлять. Я сама с удовольствием поеду.

Дэн шумно откашлялся и встал.

— Ребята, уgomонитесь. Вечером я иду на вечеринку, но пока можете побаловать меня китайской кухней. Там, где мне нравится, на Коламбус.

— Ску-ко-ти-ща, — заныла Дженни.

— Идет, — согласился Руфус, подмигивая сыну. — Кстати, я голосую за Нью-Йоркский университет. Так ты сможешь жить дома, я могу помогать тебе с учебой, а ты за это познакомишь меня с какой-нибудь башковитой преподавательницей английского.

В этот момент Дэну показалось, что он попал в тривиальный диснеевский фильм о сидящем дома и жаждущем любви папочке. Он выхватил пончик из коробки, собрал письма и пошел в свою комнату. На незастеленной кровати лежал пустой блокнот, ждавший, когда Дэн возьмет его и начнет заполнять страницы мрачной, измученной поэзией. Но Дэн был слишком счастлив, чтобы писать. Его взяли в четыре из пяти университетов! Он дожидаться не мог, чтобы поделиться новостью.

Одна проблема: с кем?

ОНА СЧАСТЛИВА, ЕСЛИ ОН СЧАСТЛИВ

— Что, если он дома в полном одиночестве вскрывает себе вены или что-нибудь в таком же духе? — громко переживала Ванесса. Она посмотрела на обтянутую кожей задницу своей двадцатидвухлетней сестры Руби.

Та прислонилась к дверному косяку спальни и одновременно разговаривала по домашнему и мобильному телефонам, занимаясь организацией тура своей группы.

— Исландия! — выкрикнула Руби. — Мы на пятом месте независимого чарта в долбаном Рейкьявике!

— Огромное гребаное ура, — буркнула Ванесса, в шестидесятый раз проверяя почту, хотя никто и никогда ей не писал. Она была уверена, что Дэна не приняли ни в один университет, и в данный момент он стоит на самом верху моста Джорджа Вашингтона и пишет прощальное письмо, прежде чем прыгнуть вниз. И даже если его приняли куда-нибудь, скорее всего, у него начался экзистенциальный апокалипсический кризис, и сейчас его тело входит в реку Гудзон у корабельной бухты, чтобы очиститься от убивающей вдохновение негативной кармы, прежде чем снова начать писать.

Если честно, она не так уж сильно и волновалась. Дэн был хорошим учеником и блестящим писателем. Он куда-нибудь поступит, в этом не было сомнений. На самом деле Ванессе просто нужен был повод, чтобы позвонить ему и поговорить опять, ведь с того понедельника, когда она встретила его в парке, он не выходил у нее из головы.

Ванесса подумывала позвонить ему под предлогом нового интервью для своего фильма, но это было так очевидно, что от одной мысли об этом ее бросало в жар. Еще она собиралась позвонить младшей Сестре Дэна, Дженни: якобы она хочет взять у нее интервью о том, каково быть очевидцем терзаний при поступлении в колледж. Затем Дженни разболтает Дэну, что звонила Ванесса и спрашивала о нем, а затем, возможно, Дэн сам позвонит ей или напишет по

электронке. Но, блин, что за детский сад?

Руби по-прежнему торчала в проеме и разговаривала по телефону. Она спала в гостиной, а Ванессе досталась единственная спальня: в этом и заключалось неудобство, ведь Руби принимала комнату Ванессы за свою гостиную.

— Погоди. Вторая линия, — сказала Руби кому-то на другом конце провода. Она зажала нос и попыталась изобразить голос телефонного оператора: «В данный момент все линии заняты...» Она замолчала, а затем продолжила нормальным голосом. — А, здравствуй, Дэниел. Ты не мог бы перезвонить? У меня очень важный разговор с моей группой. Мы покоряем мир.

Ванесса бросилась к телефону и вырвала его из рук Руби.

— Алло? — произнесла она дрожащим голосом. — Дэн? С тобой... все в порядке?

— Да. — До этого она никогда не слышала, чтобы Дэн говорил таким счастливым голосом. — Меня приняли везде, кроме Колумбийского.

— Ого! — отреагировала Ванесса, обрабатывая информацию. — Но ты ведь хочешь в Браун, да? Ну, типа, ты же не думаешь о Нью-Йоркском или других университетах на самом деле?

— Я не знаю, — ответил Дэн. — Нужно еще раз все обдумать.

На мгновение они оба замолчали. О том, что было очевидно, они поговорили, но то, что оставалось «за кадром», пугало.

— В любом случае, поздравляю, — выдавила из себя Ванесса, неожиданно почувствовав невероятную грусть. Дэн будет учиться в Брауне в Провиденс, Род-Айленд, где, скорее всего, встретит какую-нибудь длинноволосую тощую девицу из Вермонта, которая будет заниматься лепкой, играть на гитаре и вязать ему свитера, она же в это время останется в Нью-Йорке, будет учиться в Нью-Йоркском университете и мириться с идиотизмом своей сестры.

Руби выхватила у нее телефон.

БУДТО ОНА НА САМОМ ДЕЛЕ ХОТЕЛА ПРАЗДНОВАТЬ?

Блер вышла из лифта и уставилась на самодельный плакат, прикрепленный к двери пентхауса. «Эй, Блер! Мы так тобой гордимся!» — было написано на нем. Она открыла дверь и вошла. Муки, неутомимый коричнево-белый боксер Аарона, подбежал к ней и ткнулся влажным носом между ног.

— Пошел на хрен, — гаркнула Блер. На долю секунды ей показалось, что произошло чудо. Может быть, ее живший во Франции папочка-гей или какая-то другая великодушная фея позвонили в Йель, и ее тотчас приняли. Маловероятно, но...

— Серена все рассказала! — щебетала ее беременная мать, заметно пошатываясь на ходу. — Очередь-мочередь. Не могу понять, почему ты так расстраиваешься, дорогая. Можешь считать, что Йель принял тебя!

Блер сняла кардиган и бросила его на стоящее в углу антикварное кресло. Муки собрался было еще раз понюхать ее промежность, но она снова отпихнула его.

— Все не так просто, мам.

Из-за беременности крашенные светлые волосы Элеонор росли с невероятной скоростью и доходили теперь до плеч, что, по мнению Блер, было неуместной попыткой выглядеть моложе своих лет. Элеонор всплеснула украшенными драгоценностями руками.

— Ну же, мой хнюпик, мы все равно приготовили тебе небольшое семейное торжество. Все в столовой!

Семейное торжество. О господи!

Стол был сервирован лучшим хрусталем и серебром Элеонор, еда была из «Блу Риббон Суши» — любимого ресторана Блер. Сайрус и Аарон уже были навеселе от выпитого шампанского, и даже Тайлер, которому было всего двенадцать, казался слегка пьяным.

— А ты думала, что окажешься в Общественном колледже Норуолка? — сказал Аарон, наливая шампанское в бокал Блер. — Мы всегда знали, что ты способна на большее.

Сайрус подмигнул ей своим выпуклым, налитым кровью серо-голубым рыбьим глазом.

— Йель категорически отказал мне, когда я поступал. Теперь пришло время нанести им ответный удар. Если хочешь, я могу им задницы надрать из-за твоего заявления, и поверь — это доставит мне огромное удовольствие.

Блер скривилась. Нуда, ей, вроде, только того и надо, чтобы в Йеле знали, что они с Сайрусом родственники!

— А я не пойду в колледж, — заявил Тайлер, делая глоток шампанского. — Я стану диджеем и буду выступать в клубах по всей Европе. А потом открою казино.

— Это мы еще посмотрим, — сказала Элеонор, выкладывая двенадцати сантиметровой калифорнийский ролл себе на тарелку. — Ребенок опять проголодался, — хихикнула она.

Если бы ее мать не ела так много, подумала Блер, то не выглядела бы так, словно она на двадцатом месяце беременности, а не на седьмом. Она выпила залпом весь бокал шампанского и потянулась за нетронутой коробкой суши. Сперва она впихнет в себя ролл с угрем и выпьет столько шампанского, чтобы ее желудок вывернуло наизнанку. А потом встретится с Нейтом на этой дурацкой вечеринке на Уэст-трит, но только на десять минут, потому что созерцание веселящейся толпы сверстников, когда ей веселиться не с чего, вызовет у нее новый приступ тошноты... А потом она уснет под «Завтрак у Тиффани» — ее самый любимый фильм с участием ее самой любимой актрисы. Одри Хепберн вообще не училась в колледже, но тем не менее прожила сказочную жизнь.

Ее мать взяла ролл и вгрызлась в него, как в хот-дог. Они с Сайрусом были знакомы меньше года и женаты только с ноября, но Элеонор, по всей, видимости, переняла его манеру еды. Она положила остаток суши и промокнула губы белой льняной салфеткой.

— А теперь, когда мы все собрались, я хочу тебя кое о чем попросить, дорогая.

Блер перевела взгляд со своего ролла на мать. Оказалось, Элеонор, обращалась к ней.

Ох, блин.

— Ты знаешь, прошло уже много времени, и мой доктор советует мне походить на курсы по подготовке к родам, чтобы вспомнить, как это все происходит. Я записалась на интенсивный курс — четыре дня по два часа. Но дело в том, что Сайрус занят новым проектом в Хэмптонсе, да и в любом случае я все равно не смогу его уговорить. Так вот, дорогая, может быть, ты походишь вместе со мной на эти курсы? Мне нужен партнер, а займет это всего пару часов после школы.

Блер выплюнула недожеванный кусок угря в салфетку и потянулась за шампанским. Курсы по подготовке к родам? Что за фигня?

— Мне казалось, это Аарон мечтает стать доктором, — попыталась она перевести стрелки. — Почему бы ему не походить вместе с тобой?

— Ты всегда так заботишься о матери, — вмешался Сайрус.

— У меня репетиция группы, — сказал Аарон.

Можно подумать, он на самом деле собирался предложить свою кандидатуру.

— У меня тоже, — поспешно встрял Тайлер.

Безвыходная ситуация — Элеонор не могла попросить о помощи и кого-нибудь из своих подруг. Их дети были взрослыми, студентами, и для них беременность Элеонор была грандиозным, ужасным позором.

— Ладно. Я пойду, — мрачно согласилась Блер. Она отодвинула тарелку и встала. Она подумала, что еще одна минута общения с ними — и ее точно вырвет. К тому же все уже, похоже, забыли, что собрались по торжественному случаю. — Прошу меня извинить, — сказала Блер. — Мне нужно собираться.

Мать протянула руку и обняла ее.

— Конечно, дорогая. — Она сжала ее талию. — Ты — моя лучшая подруга.

Йоу!

Блер высвободилась и исчезла в своей так называемой спальне. По крайней мере, Джорджтаун находился дальше, чем Йель, — хоть один плюс в его пользу. Да и не умрет она, если позвонит и

договорится о посещении.

И почему она не подала документы в университет Австралии?

Блер сняла футболку и джинсы, натянула другие, более узкие и темные, и надела черную рубашку без рукавов — это была попытка хоть как-то принарядиться на вечеринку. Ее руки выглядели бледными и вялыми, и она со злостью ущипнула их.

— Эй, сестренка, — раздался из-за двери голос Аарона. — Можно войти?

Блер закатила глаза перед зеркалом.

— Тебя все равно не остановить, — вымученно ответила она.

Аарон, на котором была гарвардская футболка, выглядел как полный придурок, каковым он, собственно, и являлся. Носить одежду с эмблемой университета, в котором ты будешь учиться, — это было традицией. Но только сразу после получения результатов. Аарон же узнал о поступлении в Гарвард несколько месяцев назад.

— Я подумал, мы можем вместе пойти на вечеринку, — сказал он.

— О'кей, — вздохнула Блер. — Я почти готова.

Она взяла карандаш для глаз «Шанель» и подрисовала темно-серые линии на нижних веках. Затем нанесла немного блеска «МАК» и пальцами пригладила волосы. Всё. Готово.

— Ты футболку Йеля надеть не хочешь? — спросил Аарон, наблюдая за тем, как она роется под кроватью в поисках подходящих туфель. — Я никому не скажу об очереди.

— Ух ты! Вот спасибо, — отрезала Блер, всовывая ноги в пару скучных черных мокасин от «Коач». Она распахнула настежь дверь спальни и пошла по коридору, совершенно не беспокоясь о том, что узкие джинсы заставили ее большие хлопковые трусы собраться складками и сползти с задницы.

И куда исчезли те дни, когда наряды были важны?

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Как выбраться из очереди — и прямо в колледж твоей мечты

Устрой голодовку прямо перед, окнами приемной комиссии.

Пройди Тест еще раз, спиши и получи превосходный балл.

Научись играть «Янки Дудл» на скрипке и исполняй ее под офисом приемной комиссии, пока они не согласятся зачислить тебя, только бы ты прекратила.

Купи больше туфель, чем Имельда Маркое, попади в Книгу рекордов Гиннеса, напиши мемуары об этом и добейся Пулитцеровской премии.

Воспользуйся своей платиновой кредиткой и купи главе приемной комиссии тот новый БМВ-кабриолет, который хотят получить все твои знакомые мальчики на выпускной.

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Недавно на вечеринке в Нью-Йорке я познакомилась с одним парнем. Он всецело убедил меня, что идет в Джорджтаун в следующем году и будет капитаном команды по лакроссу. Он собирался оставить свою яхту где-то неподалеку, и мы бы плавали вместе к Флориде на весенних каникулах. Я больше никогда о нем не слышала, а теперь не уверена, что он вообще подавал документы.

— разбитоесердц

Дорогая разбитоесердц,

Думаю, он нашел другой порт, чтобы пришвартоваться. Сожалею.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Я слышала, эта тупая блондинка из «Констанс» поступила всюду потому, что переспала со всеми интервьюерами.

— чудовище

Дорогое чудовище,

Даже не знаю, об одной ли и той же блондинке из «Констанс» мы говорим. Но, возможно, она намного умнее, чем многие полагают.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Просто к твоему сведению и к сведению всех остальных: я работаю во вступительной комиссии женского колледжа Дорны Б. Рае в Брин-Море, Пенсильвания, и мы все еще принимаем документы. Над этим стоит задуматься!

— камил

Дорогая камил,

Заманчивое предложение. Я непременно удостоверюсь, что Б знает о вас. И все остальные, кто уже отчаялся.

— Сплетница

Под прицелом

Н с друзьями на террасе его дома отмечает поступление. А прохожие наслаждаются дымом их косяков. Та бывшая девушка Н из Гринвича — ну помните, сумасшедшая наследница-наркоманка? — в монастыре в Швейцарии, «на перевоспитании». Дж на бесплатной консультации у стойки «Клиник» в Блумингдейлс СоХо. Прежде чем стать известной супермоделью, очень важно знать размер своих пор и тип скраба, которым нужно пользоваться. В также в Блумингдейлс СоХо, преображается у стойки «МАК» с помощью гламурного трансвестита. Горячее свидание сегодня? С у банкомата, наполняет наличкой ярко-розовую сумку «Биркин» из кожи аллигатора. Взятка

приемным комиссиям? Пожертвование на благотворительность? Покупка в честь поступления подарка самой себе в одном из тех эксклюзивных бутиков района Митпэкинг-дистрикт, которые принимают только наличные? Д с отцом в винном магазине на Бродвее покупает полтора литра «Дома». А Б возвращает свой «счастливый» наряд в отдел нижнего белья «Барниз». Наверное, решила, что он приносит ей неудачу.

Думаю, и мне пора отпраздновать свое поступление.

Увидимся вечером на вечеринке!

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

Н ЕСТЬ В ЧЕМ ПРИЗНАТЬСЯ

«Тру Уэст» был одним из тех мест, которые всякий раз кажутся совершенно новыми, но в то же время благодаря своему классическому стилю выглядят так, будто существуют уже не один век. На стенах висели зеркала, на которых оранжевым мелком были написаны названия напитков и специальные предложения. Белые кожаные диваны в форме подковы были беспорядочно расставлены по залу, а скатерти на столах сделаны из искусственной оленьей кожи. Официанты, одетые в джинсовые туники от Драйса ван Нотена и бирюзовые ковбойские сапоги из змеиной кожи, подавали коктейли на винтажных оранжевых подносах. Звучала какая-то странная японская кантри-музыка, а за барной стойкой находилась стена из оранжевого стекла, выходящая на реку Гудзон.

Если бы не стертые армейские ботинки, Ванессу вряд ли можно было узнать в черной стрейчевой мини-юбке из искусственной кожи и мерцающей красно-черной рубашке под зебру. Благодаря милому консультанту-трансвеститу отдела «МАК» в Блуминг-дейлс СоХо ее губы были красными, а брови — впервые в жизни выщипанными. Она села на стул в дальнем конце бара и поставила камеру на плечо.

Атмосфера на вечеринке была такой же оживленной, как в первый школьный день. Девочки в одинаковых футболках Бостонского университета визжали и кидались друг на друга с объятиями. Мальчики в толстовках Брауна приветствовали друг друга ударами ладоней. Ванесса молча наблюдала за ними, она ждала, когда один из них подойдет и даст интервью.

— Думаю, мне есть что сказать, — сказал невероятно красивый мальчик в брюках песочного цвета и простой белой сорочке. Он поставил свой джин с тоником на стойку и присел на соседний стул. — Ты хочешь, чтобы я назвал свое имя и школу, в которой учусь, и все такое? — спросил он.

Ванесса направила камеру на его покрасневшие, но все же блестящие зеленые глаза.

— Только если ты этого хочешь, — ответила она. — Просто расскажи, чем для тебя был весь этот процесс поступления.

Нейт сделал глоток и посмотрел в оранжевое окно. За рекой, над

аэропортом Ньюарка, кружили самолеты.

— Самое смешное то, что я, в общем-то, до сих пор особо ни о чем и не волновался, — признался он. Он достал сигарету из пачки «Мальборо лайт», оставленной кем-то на барной стойке, и принялся катать ее по поверхности. — А самое глупое, что я и не должен волноваться. Я должен праздновать.

Он взглянул в объектив и отвернулся с самоуверенным выражением лица. Банкетки позади них постепенно заполнялись публикой. Вдруг музыка зазвучала так громко, что он едва мог слышать собственные слова.

— Не знаю, почему я не сказал ей, куда подал документы? — пробормотал он.

— Кому? — допытывалась Ванесса. — Куда?

— Моей девушке, — ответил Нейт. — Понимаешь, она хочет учиться в Йеле. Типа, это главная цель ее жизни. А я подал туда документы, потому что их новый тренер по лакроссу меньше чем за год сделал из дерьмовой команды второго дивизиона лучшую команду лиги. Короче, сегодня я узнал, что поступил, а ее поставили в лист ожидания. Я не говорил ей, что подавал заявление, а теперь боюсь сказать, что меня приняли. Ну, мы только недавно стали снова встречаться. И если я скажу, она опять уйдет от меня.

Он замолчал, ожидая, когда Ванесса отреагирует на его слова. Но реакции не последовало, и он снова потянулся к стакану.

— Тренеры из Йеля и Брауна на этих выходных приезжают посмотреть, как я играю. А Блер отправляется в Вашингтон знакомиться с Джорджтауном, так что, к счастью, мне не придется врать ей, откуда тренеры, и все такое.

Нейт раздвинул локти и положил голову на руки. А ведь паршиво быть лгуном, да? В этот момент до его ноздрей долетел знакомый аромат смеси эфирных масел.

— Мы сделали это, Нейти! — выдохнула Серена, обвивая руками шею Нейта. Ее белые волосы были затянуты в беспорядочный узел на макушке, а сама она одета в прозрачное пончо с белой и золотой бахромой и белые джинсы.

Что-то между лас-вегасской шоугерл и Одинокими Сердцами.

Нейт поцеловал ее в щеку и попытался придать себе взволнованный вид,

— Опа, — скривилась Серена, моментально просекшая, в чем дело. — Блер опять тебя кинула?

— Пока нет. — Нейт уже собирался рассказать обо всем, но на противоположном конце огромного ресторана из лифта вышла Блер и направилась к ним, буквально прожигая взглядом спину Серены.

На одной из банкеток группа старшеклассниц из «Констанс Биллард» принялась шептаться между собой.

— Я слышала, Блер написала реально тупой сценарий вместо эссе для подачи в Йель. Мисс Глос сказала ей изменить его, но она все равно отправила и потому не попала, — доложила Ники Баттон своей подруге Рейн Хоффстеттер. Рейн и Ники вместе шли в Вассар в следующем году и потому были обречены на то, чтобы смотреть друг на друга и визжать.

— Я слышала, что Блер написала эссе для Йеля за Серену. Потому она такая расстроенная. Она протолкнула Серену, а сама оказалась в листе ожидания, — сказала Изабель Коатес своей подруге Кати Фаркас. Кати и Изабель были приняты в Джорджтаун и Роллине, но Изабель попала и в Принстон и уже носила свою принстонскую футболку. Мысль о расставании была такой невыносимой, что они не переставали держаться за руки.

— Да, но я слышала, что Серена получила 1560 баллов за тест. Она прикидывается странной и тупой, но это всего лишь игра. Вот как ей удастся постоянно тусить и при этом совершенно не учиться. Ей это не нужно, — с завистью сказала Кати.

— О чем болтаете? — спросила Блер, дойдя до того места, где сидели Серена и Нейт. Она только пришла, но уже ненавидела эту вечеринку. Она ненавидела учеников в их идиотских университетских футболках, ненавидела фальшивую японскую кантри-музыку, грохочущую из дурацких оранжевых колонок над баром, и ее бесило то, как Серена разговаривала с Нейтом в этой интимной, с-руками-вокруг-него манере, в которой она всегда разговаривала с мальчиками.

— Ни о чем! — хором ответили Серена и Нейт.

Серена крутанулась на стуле.

— Ты все еще злишься?

Блер скрестила руки на груди.

— А чего это ты не надела футболку Йеля? Ах, да...

Тебя приняли, но ты, видимо, туда не пойдешь, — съязвила она.

— Не знаю, — пожала плечами Серена. — Я на этих выходных собираюсь посетить много мест. Надеюсь, это поможет мне определиться.

Нейт вдруг почувствовал, что его подмышки взмокли. Он соскочил со стула, положил руки на плечи Блер и поцеловал ее в лоб.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он, пытаясь отвлечь ее от мыслей о Йеле.

— Спасибо, — ответила Блер, хотя точно знала, что выглядит как никогда в жизни не развлекавшаяся злая и стервозная зубрилка. Господи, она даже сережек не надела! За стойкой группа девочек в одинаковых болотно-зеленых футболках с эмблемой Дартмута орали какую-то дурацкую дартмутскую песню, прежде чем опрокинуть в себя стопки с водкой.

— Десять минут, и я сваливаю, — резко сказала Блер Нейту. — Завтра в школу, в конце концов.

Будто это ее когда-либо останавливало.

Нейт поцеловал ее в висок. Он отчаянно хотел увести ее подальше от Серены, прежде чем та случайно не разболтает, что он тоже попал в Йель.

— Не хочешь посмотреть на закат или еще что-нибудь? — запинаясь, предложил он.

— Да мне пофиг, — ответила Блер, упрямо держа руки скрещенными на груди.

— Забудьте обо мне. — Серена повернулась на стуле и оказалась лицом к Ванессе. — О'кей, зайка, звезда готова к съемке.

Ванессе ничего не пришлось настраивать. Она снимала все время.

ОНА ПОТЕРЯЛА ЧУВСТВО ЛЮБВИ

— Кажется, я должна быть счастлива, — начала Серена.

Ванесса медленно снимала безупречное лицо Серены, а потом опустила объектив вниз, пытаясь найти какой-нибудь физический дефект или какую-нибудь странность в ее поведении, чтобы снять крупным планом. Но бесполезно. И тут Серена поднесла большой палец ко рту и принялась грызть ноготь.

Вот!

Она убрала палец и нахмурилась.

— Я счастлива, — решительно заявила она, словно пытаясь саму себя убедить в этом. — Меня приняли во все колледжи, куда я подала документы. И им плевать, что меня выгнали из интерната в этом году. Просто... — Она осеклась, заметив целующихся у лифта мальчика и девочку в футболках Миддлбери. Она вздохнула. — Я просто хочу, чтобы мне было с кем отметить.

Японское кантри сменилось странными ритмами нового альбома «Рейве». Два парня в бейсболках университета Пенсильвании и желтых галстуках стащили с себя футболки, развернули кепки задом наперед и стали танцевать брейк-дэнс. Четыре пьяные девочки, размахивавшие флажками Вандербилта, тоже сняли с себя футболки и попытались последовать их примеру. Им это не удалось.

— Раньше я танцевала на столах, — призналась Серена, напоминая погружившуюся в раздумья никому не нужную сорокалетнюю певицу кабаре. — А теперь посмотри на меня.

Естественно, что девяносто девять процентов представителей сильного пола уже смотрели на нее, пытаясь придумать, как лучше подойти к ней и пригласить на танец. Кроме того, Серену оценивала низенькая, кучерявая, чрезвычайно грудастая девятиклассница, прикидывая, как к ней подобраться.

Дженни и Дэн только пришли, оставив своего чувствительного отца заливать ностальгию графином сладкого белого вина в китайском ресторане. Они стояли возле лифта, оценивая зал.

— Я же говорил, что тут будет, сумасшедший дом, — сказал Дэн

своей младшей сестре. Вообще-то, он терпеть не мог такие вечеринки, а эта и вовсе должна была вывести его из себя. Но в данный момент он целиком и полностью был доволен собой, и вечеринка идеально вписывалась в его настроение.

Однако глаза Дженни были прикованы только к Серене.

— Не волнуйся, я справлюсь, — ответила она. Подтягивая свой Тигровый топ, она пробиравалась сквозь толпу прямо к бару.

— Если я повременю с учебой, — размышляла Серена, — я смогу поработать моделью. Или даже актрисой.

Дженни прислонилась к барной стойке, выжидая удачного момента, чтобы спросить совета у Серены, как стать моделью. Она вся дрожала от нетерпения и казалась сама себе взволнованной дурочкой.

Дэн был вынужден идти за Дженни, он опасался, что она закажет себе какой-нибудь жуткий коктейль и ее придется тащить домой, еще до того, как придет Ванесса. Но тут он заметил, что Ванесса уже появилась и снимает Серену.

Ее губы были темно-красными, в ухе висела клипса в виде серебряной змеи, а узкая черная юбка плотно обтягивала бедра. Красно-черный топ спадал с ее голых плеч, обнажая яблочно-белую кожу. Дэн еще никогда не видел, чтобы Ванесса была одета так откровенно, по крайней мере на людях.

Не тратя времени на лишние размышления, он пробрался сквозь танцпол, подошел к Ванессе сзади и поцеловал ее в шею. Ее бледные щеки покрылись румянцем, и она повернулась к нему, едва не уронив камеру.

— Не обязательно же идти в университет прямо сейчас... — Серена запнулась на полуслове, уставившись на Дэна и Ванессу, обнимающихся, словно пара изголодавшихся по сексу зверей.

Снято!

В этот момент Дженни решила, что пришло ее время действовать. Она толкнула плечом сидящую Серену, пытаясь сделать вид, что сделала это совершенно случайно.

— Привет. Ну, поздравляю и все такое, — нервно выпалила она. — Очень клевая футболка.

Будь на месте Серены Блер или любая другая старшеклассница, она моментально бы отшила Дженни резким «спасибо», удивляясь наглости этой надоедливой малолетней выскочки, которая непонятно что делает на вечеринке в честь поступления в колледж. Но Серена никогда никого не отшивала. Именно это делало ее такой неотразимой или пугающей, в зависимости от того, кто вы и как сильно вы ее хотите. Ко всему прочему, Дженни была в той группе, над которой на пару с Блер шефствовала Серена, так что они в определенной степени были знакомы.

У Дженни была новая стрижка, с густой прямой челкой и вьющимся локоном до подбородка. Ее волосы были темные, а карие глаза — большие и круглые. Строгая стрижка была ей к лицу.

— Мне нравятся твои волосы! — Серена соскочила со стула, чтобы не только Дженни стояла. — Ты похожа на ту модель из новой рекламы «Прада».

Большие глаза Дженни едва не выпрыгнули из орбит.

— Правда? Спасибо, — сказала она, задыхаясь и чувствуя себя так, словно в этот момент добрая фея коснулась ее плеча волшебной палочкой.

Подошел бармен, и Серена заказала два бокала шампанского.

— Ты не против выпить со мной? — спросила она Дженни.

Дженни была поражена. Против? Это же такая честь! Она провела пальцами по влажному ободку своего бокала.

— Такты еще работала моделью? — спросила Дженни. — Мне на самом деле очень понравилась та съемка, с духами.

Серена вздрогнула и сделала глоток. Два месяца назад дизайнер Ле Бест предложил ей сняться в рекламной кампании своего нового парфюма и даже назвал духи «Слезы Серены». На фото Серена, на которой был только желтый сарафан (и это посреди зимы), плакала, стоя на деревянном мостике в Центральном парке. Несмотря на слова злопыхателей, слезы на ее щеках были абсолютно натуральными. Фотографию сделали в тот самый момент, когда Аарон Роуз, вегетарианец с дредами и брат Блер, порвал с ней; тогда-то и полились слезы.

— В общем-то, я думаю дальше поработать актрисой, — ответила она.

Дженни энергично закивала.

— Мне дико нравится, как естественно ты смотришься на том фото. Ну, типа, конечно, ты выглядишь потрясающе, но не так, будто тебя загримировали или фотографию потом отретушировали и все такое.

Серена хихикнула.

— О боже, на мне было столько макияжа — знаешь эту стремную бежевую штуку, которой обмазывают все лицо? И потом они убрали мою гусиную кожу. Я там нереально мерзла!

В этот момент свет над баром на секунду погас, присутствовавшие в зале ответили на это, заорав во всю глотку. Затем свет зажегся снова. Дженни на это никак не отреагировала, усердно делая вид, будто только тем и занимается, что ходит на подобные вечеринки.

— Честно говоря, — сказала Серена, испытывая облегчение от того, что на время можно отрешиться от переживаний за свое будущее, — кто угодно может быть моделью. Главное, чтобы у тебя была подходящая внешность.

— Наверное, — с сомнением ответила Дженни. Легко было Серене говорить, что каждая может быть моделью, когда она была вооружена ногами, как у жирафа, прекрасным лицом, восхитительными синими глазами и длинными шелковыми натурально-белыми волосами. — Но как узнать, подхожу я или нет?

— Ты идешь на так называемый кастинг, — пояснила Серена. Она покончила с шампанским и достала пачку «Галуаз» из своего золотого металлического клатча (маленькая сумочка, которую носят в руке (прим. ред.)) от Диор. Через мгновение подлетел бармен, наполнил, ее бокал и поднес зажигалку к сигарете.

Знаете, как говорят: Красота = Преимущества.

— Слушай, если тебе интересно, я могу поспрашивать и свести тебя с людьми, которых знаю, — предложила Серена.

Дженни уставилась на нее своими огромными карими глазами, еще не очень веря в то, что сейчас услышала. Это было именно то, что она Хотела услышать от Серены, и это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Ты имеешь в виду работать моделью? Мне?

В этот момент Серену отвлек стон, раздавшийся за ее спиной.

— Ребятки, — сказала она через плечо Ванессе и Дэну, — чтоб вы знали, внизу есть номера.

— Я всегда считала себя недоростком, — продолжила Дженни, беспокоясь, что Серена забудет, к чему вела.

— Да ну? Ты будешь супер, — заверила ее Серена. — Я позвоню кое-кому, а потом напишу тебе. Ладно?

— Правда?! — с восторгом закричала Дженни. Она все еще не могла поверить в то, что это реальность, а не сон. Дженни поставила бокал шампанского на стойку. Но теперь так много всего нужно сделать... Маникюр, педикюр, коррекция бровей, эпиляция усов, может быть, даже покраска хной, как она всегда хотела.

— Ты не будешь допивать? — спросила Серена, показывая на бокал Дженни.

Дженни покачала головой, неожиданно почувствовав себя совершенно неготовой к своему будущему успеху.

— Мне нужно домой, приводить себя в порядок, — проямлила она. А потом встала на носочки и чмокнула Серену. — Спасибо. Огромное, огромное спасибо!

Серена доброжелательно улыбнулась в ответ. Говорите, ее лучшая подруга злится на нее и она не влюблена? По крайней мере, она может получить удовольствие, помогая Дженни.

Как только Дженни ушла, трое мальчиков из «Риверсайд» встали позади Серены, подначивая друг друга пригласить ее вниз, в один из номеров.

— Ну и бомба, чувак. Как это у нее нет парня? — прошептал один из них.

— Почему бы тебе не спросить у нее? — спросил его друг.

— А почему бы не тебе? — вмешался третий.

Но либо они были слишком глупыми цыплятами, либо их слишком сильно поразила красота и ум Серены, чтобы они решились хотя бы приблизиться к ней. Серена взяла остаток шампанского Дженни и перелила в свой бокал.

Совсем не весело быть красивой, когда даже неудачники не разговаривают с тобой.

ВСЕ, ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ, — ЭТО СБРОСИТЬ ОДЕЖДУ

— Поверить не могу, что это происходит, — выдохнула Ванесса в тридцатый раз за этот вечер. Они с Дэном не прекращали целоваться с того момента, когда он подошел к ней и поцеловал ее в шею, а теперь они срывали друг с друга одежду в одном из номеров отеля

«Пьер». Она хотела сказать ему, как сильно по нему скучала и что глупо было вообще перестать общаться. Секс в отеле перед выпускным — это было пошло и банально, но сейчас это казалось лучшим вариантом.

Окна в номере, из которых открывался вид на Гудзон, были круглыми, на стенах висели кованые якоря, а пол был устлан зеленым, как море, ковровым покрытием. Мыло, шампунь и молочко для тела в ванной были сделаны на основе водорослей, а кровать — застелена светло-голубым постельным бельем. Металлические крылья вентилятора на потолке крутились без остановки, охлаждая то, что делало эту ночь очень жаркой.

Дэн вытянул пояс из джинсов и швырнул в дальний конец комнаты. Он был пьян от счастья и зверски хотел секса. Вскочив на кровать, он подпрыгнул на ней несколько раз.

— У-у-у! — завыл он. — У-ху-ху!

Ванесса схватила его за колени, он упал на нее сверху, вцепляясь за ее майку и стягивая ее через голову.

— Чувак! Я выжил! — кричал какой-то пьяный недоумок. В соседнем номере группа парней в футболках Боудена и Бэйтса играла в глупые пьяные игры и смотрела трансляцию спортивного матча по телевизору.

— Если бы мы жили вместе, то могли бы заниматься этим каждый день, — подумал вслух Дэн, наблюдая, как Ванесса расстегивает свой черный кружевной бюстгальтер.

Ванесса бросила лифчик на пол и скрестила руки на голой груди.

— Ты поговорил с отцом? — спросила она.

— Да, — довольно ответил Дэн. — Он разрешил. Но если мои оценки станут хуже и я не буду ужинать с ним и Дженни хотя бы раз в неделю, мне придется вернуться домой.

Он раздвинул руки Ванессы в стороны и нырнул головой между ее грудей. Ванесса обняла его лохматую голову и закрыла глаза. Весь вечер она пила только колу, но комната вокруг кружилась. Они с Дэном опять были влюблены. Они будут жить вместе. Они могут даже пойти вместе в Нью-Йоркский университет. Слишком идеально, чтобы быть правдой.

А как часто хоть что-нибудь остается таким идеальным?

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Я в восторге от того, что половина класса сегодня отсутствует. Я также хотела обратить ваше внимание на то, что вы могли пропустить во время вчерашнего дебоша. Кое-кто, на самом деле наш знакомый-с-пеленок друг, отсутствовал на вчерашнем мероприятии, и это подозрительно. И вот почему.

<i>Чувак, которого не взяли НИКУДА</i>

Он всегда и во всем был таким самоуверенным, ни у кого не было ни малейших сомнений, что он попадет туда, куда хочет. Нам никогда не приходило в голову, что его самоуверенность может раздражать учителей так сильно, что они откажутся написать ему рекомендации; что его чрезмерный подиумно-модельный стиль одежды и намеки на то, что его родители тотчас купят колледж, в который он захочет пойти, могли вызвать неодобрение членов приемных комиссий; что он был слишком самоуверенным или слишком ленивым (или и то и другое одновременно), чтобы ходить на подготовительные курсы чаще одного-единственного раза; или что вместо эссе он приложит к документам видеозапись своей бездарной игры в школьном мюзикле, где он исполнял даже не главную роль.

И вот, ему отказали. Не четыре или пять раз, а девять. Девять отказов. Вау! Даже последний кусок дерьма в такой ситуации заслуживает сочувствия. Но я уверена, он найдет способ пробраться куда-нибудь. Он всегда находит.

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Я — администратор престижного университета на Восточном побережье и еду в Нью-Йорк в эти выходные, чтобы встретиться с одним из будущих студентов. Наш университет хочет видеть его у себя следующей осенью, так что я обязана произвести хорошее впечатление. Надеюсь, ты не против, если я спрошу, что для тебя самое главное в колледже? И что гораздо важнее, — что мне надеть?

— админчик

Дорогая админчик,

Я прошла достаточно собеседований в университетах, чтобы не отвечать на твои вопросы, если я того не хочу. В ваших столовых вкусная картошка фри? По моему мнению, это крайне важно. А насчет одежды для завлечения этого столь желанного абитуриента... Оранжевый — новый черный.

— Сплетница

Под прицелом

Н провожает Б домой из «Тру Уэст», в то время как все остальные только начинают веселиться. С танцует одна на вышеупомянутой вечеринке — хотя я вполне уверена, несколько парней за ее спиной верят в то, что танцуют с ней. Дж затаривается лаками для ногтей, наборами для эпиляции и хной в круглосуточном «Дуан Рид» на Бродвее. В и Д выползают из «Пьера» сегодня утром, как раз во время занятий. Ч со своей обезьянкой пьет в одиночестве на террасе своих апартаментов на Саттон-плейс. Мы могли бы посочувствовать, если бы он хотя бы чуть-чуть заслуживал

сочувствия. Упс, звонок. Остальное потом!

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

ЕСЛИ ДЖ ЖЕЛАЕТ, ОНА ЭТО ПОЛУЧИТ

Дженни всегда хвалили за превосходный почерк и Детальные, аккуратные копии лучших работ классических художников. Польза от умения рисовать и копировать состояла в том, что она могла легко подделывать записки, вроде сегодняшней, в которой от имени ее отца говорилось о «приеме у аллерголога». Показывая ее своей учительнице по математике мисс Хинкл, она старательно хлюпала носом. Сидевшая в конце класса Эллис заправила свои соломенные волосы за уши и сделала вид, что ее совершенно не интересует разговор учительницы и ученицы.

— В следующий раз выбирай для своих приемов время после школы, — наставляла мисс Хинкл. Затем она отмахнулась от Дженни: — А теперь брысь.

— Спасибо, — робко ответила Дженни. Пожилая мисс Хинкл относилась ко всем девочкам как к собственным внучкам, угощала их овсяным печеньем и яблоками в карамели и дарила открытки на Рождество. Дженни было неприятно пользоваться добротой старой учительницы, но на кону была ее карьера. А это очень важно!

Кастинг, о котором ей написала Серена, проходил в фотостудии на Западной Шестнадцатой улице. Группка блондинок — высоких, худых, с полными губами, курила у входа. Модели, подумала Дженни, пытаюсь не выглядеть слишком перепуганной.

Она позвонила по домофону в студию на третьем этаже и вошла в темное помещение, напоминавшее какой-то склад. Дженни села в отделанный гофрированной сталью грузовой лифт и нажала кнопку третьего этажа.

— Привет. — Высокая женщина с острым подбородком в оригинальном белом кожаном берете, черных кожаных мини-шортах белых замшевых сапогах до колен встретила Дженни, когда та вышла из лифта. — Ты потерялась?

Дженни подумала, что следовало сменить свою школьную форму на что-то другое, но теперь было уже поздно,

— Я на кастинг... — ответила она.

Дженни до сих пор не знала, что, собственно, означает слово «кастинг», но звучало оно однозначно круто.

— О-о-о, — женщина окинула ее взглядом. — Могу я посмотреть твоё портфолио?

Дженни опустила глаза на свой ранец.

— Мое портфолио?

Женщина вновь осмотрела ее с ног до головы и указала на пустой стул между двумя скукающими моде-лями-блондинками.

— Садись: Я позову тебя, когда все будет готово.

Она зашла за белую ширму, за которой Дженни различала вспышки камеры идвигающиеся тени. Внезапно какофония истерического смеха отразилась от жестяного потолка студии и заставила Дженни вздрогнуть.

Она посмотрела на сидящую с ней рядом девушку. Та жевала жвачку, а ее веки были полуприкрыты, словно она всю ночь не спала. Дженни отвернулась и попробовала придать своему лицу такое же крутое выражение, но ее зрачки постоянно закатывались вверх. Получалось что-то в духе «Ночи Живых Мертвецов», а не знающей себе цену скукающей модели. Из-за ширмы вышла женщина в берете.

— Ты, — показала она на Дженни.

Дженни покраснела и виновато посмотрела на девушек, пришедших раньше, а затем встала и последовала за ширму.

Стены в этой части студии были покрашены бедой краской, а пол был деревянным. В центре помещения стояла красная бархатная кушетка под старину, окруженная прожекторами и светоотражающими экранами.

— Снимай свитер и ложись, — сказал коренастый мужчина с козлиной бородкой, направляя на нее объектив огромного «Полароида».

Сердце Дженни грохотало от волнения, она поставила сумку и положила на нее свой кардиган. Затем присела на край бархатной кушетки, стесняясь того, что при свете прожекторов ее колени выглядят бледными и слишком выпуклыми.

— Лечь?

— На спину, — ответил фотограф, становясь на колени в нескольких шагах от нее.

Лечь на спину? Но это невозможно, не в этом лифчике всего лишь средней поддержки. Ее груди сейчас вывалятся из чашечек, и это будет выглядеть просто кошмарно.

Она подвинулась назад и опустила локти, приняв почти лежащую позу, при этом стараясь как можно сильнее выпятить грудь.

— Очень хорошо, — бормотал фотограф, бросая готовые снимки на пол и подбираясь все ближе к Дженни.

Ода сдвинула ноги, ей не хотелось, чтобы было видно ее белье.

— Какое лицо мне сделать? — застенчиво спросила она.

— Без разницы, — ответил фотограф и бросил на пол еще один снимок. — Просто держи спину ровнее, а грудь повыше.

Руки Дженни тряслись от напряжения, но она не обращала на это внимания. Кажется, фотографу она нравилась. Он вел себя с ней как с настоящей моделью.

— Хорошо. Готово, — наконец произнес фотограф, вставая с пола. — А как тебя зовут вообще?

— Дженнифер, — ответила Дженни. — Дженнифер Хамфри.

Мужчина кивнул женщине в берете, и та записала что-то в своем блокноте.

— Могу я посмотреть фото? — спросила Дженни, показав на устилавшие деревянный пол снимки. Они были покрыты черной пленкой, которую нужно снять, чтобы увидеть изображение.

— Извини, дорогуша, это все мое, — ответил фотограф, самодовольно улыбаясь. — Я хочу видеть тебя в следующее воскресенье. В десять утра. Понятно?

Дженни активно закивала в ответ и натянула свитер. Она все еще сомневалась, но, кажется, ее взяли как фотомоделю!

По крайней мере, взяли ее часть.

— Так для чего был этот кастинг? — спросила Серена, когда они в тот же день встретились с Дженни в подшефной группе. — Просто

я не смогла ничего узнать. Мои подруги-модели обычно об этом не спрашивают.

Дженни хлопнула себя рукой по рту.

— Я совершенно забыла спросить. Но было супер. Все обращались со мной так мило, вроде я — настоящая модель, и все такое.

— Здорово, только ты все-таки узнай, для чего эта съемка, — посоветовала Серена. — Одна моя знакомая думала, что снимается в рекламе жвачки, а оказалось — прокладок. Думаю, она перепутала прокладки «Стейфри» и жвачку «Кэафри».

Дженни нахмурилась. Прокладки? Ей никто ничего не говорил про прокладки.

— И не позволяй стилисту одевать тебя в то, в чем тебе неудобно, — продолжала Серена. — Реклама Ле Бест — это супер, но е-мое, сарафан в феврале? Я потом болела три недели.

При этих словах остальные девятиклассницы подшефной группы вежливо хихикнули. Они обожали слушать рассказы Серены о модельном бизнесе, но дико завидовали Дженни и не хотели, чтобы у нее все было хорошо. Как это так, самая низкорослая девочка класса, с кучерявыми, скучными коричневыми волосами и этой нелепой огромной грудью теперь стала, типа, моделью? Это же бред!

— Спорим, что это для каталога лифчиков больших размеров, а она слишком тупа, чтобы понять это, — шепнула Вики Рейнерсон своим подругам Мери Голдберг и Кэсси Инвирт.

— А я думаю, что это для какой-нибудь чуши вроде апельсинового сока, — заверила Кэсси Дженни, пытаясь не рассмеяться при этом ей в лицо.

Эллис тоже завидовала, но изо всех сил старалась этого не показывать.

— А где Блер? — спросила она у Серены, пытаясь сменить тему.

Блер была еще одним лидером группы. Серена пожала плечами.

— Не знаю. Она сейчас вроде как злится на меня.

Мери, Кэсси и Вики толкнули друг друга под столом. Они обожали первыми узнавать о ссорах Серены и Блер.

— Я слышала, что Блер никуда не поступила. Отец отправляет ее во Францию сразу после выпуска, чтобы она работала на него.

Серена снова пожала плечами. Она знала, как появляются слухи и как быстро они разлетаются. Чем меньше она скажет, тем лучше.

— Кто его знает, куда она теперь подастся.

Дженни все еще обсасывала вопрос с прокладками.

Будет ли она на самом деле против, если съемка на следующей неделе окажется для какого-нибудь отстоя вроде замороженных обезжиренных ужинов или крема от прыщей? По крайней мере, это начало. Как еще она могла заявить о себе?

— Не сходи с ума, — прошипела ей Эллис, несмотря на то, что они не должны были разговаривать. С тех пор как они подружились два месяца назад, у Эллис открылась необъяснимая способность читать мысли Дженни.

А это раздражает.

Дженни глянула на Серену. Однажды известные фотографы сделали снимки неприличной части тела этой божественной красавицы, и этим изображением украсили автобусы и крыши такси по всему городу. Это превратило Серену в самую крутую девушку в целом городе, а может, и в целом мире! Реклама прокладок была тем же самым.

Ну да.

ТО, О ЧЕМ НИКОМУ НЕ СТОИТ ЗНАТЬ

«Забудьте о своей слишком чувствительной груди, о распухших лодыжках, о растяжениях. Представьте, что ваши ягодичы — это шарики, из которых выпустили воздух. Расслабьтесь. В-ы-ы-ыдох».

Блер не могла себе представить, что это будет выглядеть именно так — лежа на полу с толпой стонущих, как перекормленные коровы, беременных женщин в вонючих чулках. «А теперь сделаем ситуацию еще хуже и задействуем ягодичы».

— Разве не весело? — захихикала мать Блер, лежавшая справа от нее.

Просто кайф.

Блер захотелось ее чем-нибудь треснуть. Сославшись на «личные обстоятельства», она не пошла в школу: ее слишком расстроил лист ожидания в Йель, и ей противно было видеть одноклассниц, особенно Серену. Но после шести часов непрерывного просмотра «Молодоженов», целой упаковки обезжиренного шоколадного шербета «Хааген-Дазс», а теперь и этого, она мечтала поскорее оказаться в школе.

— Хорошо. Теперь, когда партнеры немного отдохнули, пришло их время поработать. Запомните, ребенка создает команда!

Модные курсы для беременных, которые находились в Верхнем Ист-Сайде, в ультрасовременном пентхаусе на Пятой авеню, вела бывшая медсестра по имени Рут — худая, как йог, и с вьющимися волосами. Она была замужем за модным дизайнером, создававшим холодильники, стиральные и посудомоечные машины, больше похожие на космические корабли и стоящие почти столько же, сколько и настоящий «шаттл». У них было пятеро детей, включая двойняшек; время от времени кто-нибудь из них проходил, не обращая ни малейшего внимания на раскинувшихся по полу беременных женщин, через гостиную, чтобы взять еду из огромного холодильника на кухне.

«Из них явно вырастут психически неустойчивые гинекологи», — подумала Блер.

Рут закатали свои странные черно-белые штаны для йоги от Йоши Ямамото, легла на пол и принялась сжимать лицо, пока не стала похожей на бабуина, пытающегося выпихнуть целое банановое дерево из своей задницы.

— Помните стадии родов, которые мы обсудили в начале занятия? Так выглядит третья стадия. Выглядит безобразно. После того как эпидуральная анестезия прекратит действовать, вы начнете толкать. Забудьте обо всем. В этот момент вы начнете орать мужу, что разрываете свадебный контракт. Может, дети и милые, но в их появлении на свет нет ничего милого. Потому это и называют родовыми муками.

Блер приподнялась на локтях. Неужели в наше время нет более технологически усовершенствованных способов? Нельзя, что ли, достать ребенка лазером.

— А сейчас пришло время удовольствий. Дамы, продолжайте расслабляться на полу. Партнеры, встаньте на колени у их ног, где вам и место. Теперь, дамы, приготовьтесь к чудесному массажу стоп!

Все остальные партнеры были мужьями беременных женщин, а не их семнадцатилетними дочерьми. Мужья должны делать массажи стоп. Это часть их работы. Не дочерей.

Блер уставилась на стопы своей матери. Они выглядели так же, как и ее собственные, за исключением гольфов телесного цвета.

— Начинать работать с правой пятки. Аккуратно возьми стопу в одну руку и поработай большими пальцами. Не бойся нажимать. Она весь день носила двоих людей. Ее ноги загрубели!

Блер как можно нежнее подняла правую ногу своей матери. Одно было ясно: после этих занятий она купит себе пару самых дорогих «Маноло Блаников» и расплатится за них маминой кредиткой. А также ей понадобится серия ударных спа-процедур, чтобы очистить себя от всех этих душещипательных разговоров о будущих родах, не говоря уже о вони от ног.

— Теперь поставьте ее ногу себе на грудь и похлопайте пальцами от ее большого пальца до колена. Это звучит странно, дамы, но ощущение сказочное.

Мужья принялись хлопать. Они уже втянулись во все это.

— Мне нужно в туалет, — объявила Блер. Она разжала руки,

отчего нога ее матери упала на мягкое мохнатое ковровое покрытие.

— Можно сходить в ванную, она рядом, в холле справа. Там есть и туалет, — сказала Рут, занимая место Блер.

— А-ах, — застонала Элеонор, когда Рут стала хлопать пальцами по ее ноге.

Ванная была большая и современная, как и весь дом, от пола до потолка она была забита «Клерасилом» и средствами для волос. На полу стоял серебристый пластиковый кошачий туалет, выглядевший так, будто ж его дизайн был сделан мужем Рут; при этом кучки кошачьего дерьма лежали на полу, а не в нем. Блер точно не знала, где у нее дома находился туалет Кошечки-Норочки, но точно не в ее ванной. Какая антисанитария!

Она встала у раковины и, глядя на свое отражение в заляпанном зубной пастой зеркале, включила воду. Уголки тонких губ были опущены, а небольшие голубые глаза были жесткие и злые. Короткие каштановые волосы отрастали медленнее, чем ей хотелось бы, и сейчас в ее прическе не было и намек на стиль. Она задрала топ и оценивающе себя осмотрела. Грудь казалась маленькой, а живот немного обмяк после целой зимы без тенниса. Нет, она не была толстой или что-то в этом роде. Но, может быть, если бы записалась на плавание и поддерживала форму, Йель принял бы ее, и тогда она наконец занялась бы сексом с Нейтом, а ее жизнь стала бы прекрасной вместо...

Внезапно дверь в ванную открылась и тринадцатилетние близнецы Рут, мальчик и девочка с брекетами и кучерявыми рыжими волосами, как у мамы, уставились на Блер. На девочке была серая форма «Констанс Биллард». Блер опустила топ.

— Мы ищем нашу кошку, — сказала девочка.

— Ты лесбиянка? — спросил мальчик, после чего близнецы захихикали в унисон. — Если да, то тогда как ты забеременела?

Простите?

Блер захлопнула дверь и закрыла ее на замок. Затем она опустила крышку унитаза и села. На полу лежала затасканная книга — это была «Джейн Эйр». Блер читала ее дважды. Первый раз, когда ей было одиннадцать, затем — на уроках английского в девятом классе. Она перечитала несколько первых страниц, и вдруг поняла,

что очень похожа на Джейн: взаперти, среди издевательств семьи, ее потрясающие умственные способности и чувства, совершенно недооценены. Если бы только в ванной было что-то типа потайного хода, выходящего на улицу... Она бы взяла такси прямо до аэропорта, села на самолет в Англию или даже в Австралию, сменила имя, устроилась работать официанткой или гувернанткой, влюбилась в своего начальника, совсем как Джейн, вышла замуж и жила долго и счастливо.

Но для начала следовало смыть с себя отвратительную вонь ног ее беременной мамы — вонь, которая, кажется, уже проникала под кожу. Совершенно не думая о том, что она делает, Блер закрыла книгу, встала с унитаза и включила воду в ванне. Она налила в ванну немного огуречного геля для ванн «Кильс», сняла одежду и залезла в воду. Бот так. Закрыв глаза, она представила, что лежит на австралийском побережье в том купальнике «Берберри» в бледно-розовую и темно-синюю клетку, который чуть не купила на прошлых выходных, и наблюдает за своим сексуальным мужем, катающимся на доске в Тихом океане. На закате они будут уплывать за горизонт на своей яхте, пить шампанское, есть устриц и заниматься сексом прямо на палубе, а его зеленые глаза будут сиять под светом луны. Зеленые глаза...

Блер села в ванне. Нейт! Ей вовсе не нужно было никуда убегать, у нее по-прежнему был Нейт. Ее телефон торчал в заднем кармане джинсов, скомканных на полу возле ванны. Она схватила его и набрала Нейта.

— Как жизнь? — спросил он обкуренным голосом.

— Ты будешь продолжать любить меня, даже если я не попаду в Йель? — промурлыкала Блер, опускаясь в пену.

— Конечно буду, — ответил Нейт.

— Ты считаешь меня жирной или бесформенной? — спросила она, вытягивая из воды сначала одну, а потом вторую ногу. Ее ногти были покрыты лаком цвета бургунди.

— Блер, — заворчал Нейт, — ты — антоним всего жирного.

Блер улыбнулась и закрыла глаза. Они с Нейтом говорили об этом уже тысячу раз, но это всегда придавало ей уверенности в себе.

— Эй, ты что, ванну принимаешь, или как? — спросил он.

— Ага. — Блер открыла глаза и потянулась за флаконом геля для ванн. — Жаль, что ты не со мной.

— Я могу прийти, — оживился Нейт.

Если бы только она на самом деле была дома, в собственной ванне.

— Дорогая, — раздался из-за двери голос Элеонор Уолдорф, — с тобой там все в порядке?

— Все отлично! — отозвалась Блер.

Я просто лежу в ванной «тренера» курсов для беременных моей матери и занимаюсь сексом по телефону со своим парнем.

— Не забывай, здесь множество беременных женщин с гиперактивными мочевыми пузырями!

Спасибо за напоминание.

— Черт, мне пора, — сказал Нейт. — Все эти тренеры по лакроссу постоянно названивают мне. Они приезжают на выходные, посмотреть мою игру.

Заметьте, как аккуратно он не упоминает, откуда эти тренеры.

— Это... я уезжаю в Джорджтаун завтра утром, но я могу тебе позвонить оттуда, ладно? — Блер отключила вызов, встала, расплескивая воду, вытерлась пушистым белым полотенцем, лежавшим на полке рядом с ванной, оделась и пригладила пальцами влажные волосы. Ее отражение в зеркале теперь выглядело гораздо лучше, а сама она пахла свежестью и огуречной чистотой. Возможно, в этом была заслуга ванны или телефонного флирта с Нейтом, но теперь она ощущала себя совершенно другим человеком.

В коридоре топтались беременные женщины, жевавшие доставленные из «Элис» мини-пиццы с козьим сыром и оливками. Блер остановилась у двери, нетерпеливо ожидая, когда Элеонор договорит с Рут о дизайне холодильников ее мужа.

Одна из двойняшек Рут, та, на которой была форма «Констанс Биллард», подошла к Блер. В руках у девочки была гималайская кошка.

— Это Жасмин, — сказала девочка.

Блер натянуто улыбнулась и поправила застёжки на своих

бриллиантовых сережках.

— У тебя нервный срыв? — не отставала девочка. — Я слышала, тебе пришлось уйти из школы.

В том, что секреты и тайны личной жизни распространялись по школе и за ее пределами, не было ничего нового. К понедельнику эта рыжая зубастая зараза расскажет всем, как Блер Уолдорф разглядывала свою грудь в ванной ее дома, а может, и кое-что похуже. В какой-то степени Блер ждала поездки в Джорджтаун. По крайней мере, там ее никто не знает и относиться к ней будут уважительно, так, как она того заслуживает.

— Ма! — поторопила она, — нам пора.

Все произошло так, как и предвещала Блер. Как только за ней захлопнулась дверь, малолетнее воплощение зла понеслось в свою комнату, включило компьютер и начало рассылать по сети сообщения.

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Честность преувеличена

Знаете, говорят, что честность — лучшая политика, и настоящие отношения — честные и открытые? Так вот, я думаю, что это бред. Нет, я не считаю, что вранье — это круто. Просто иногда чем меньше сказано — тем лучше. Послушай, будешь ли ты кому-нибудь интересной, если у тебя совершенно нет никаких секретов? Где же загадка? Элемент неожиданности? Признайтесь, нам нравится, когда наш бойфренд уезжает на выходные, и мы понятия не имеем, где он. Мы любим, когда парень, на котором мы помешаны, устраивает вечеринку, но проводит большую часть времени в одиночестве или выходит из комнаты, чтобы сделать загадочный звонок. Разве не интереснее считать, что все наши знакомые живут двойной жизнью? И подумайте сами, если бы все, чего мы хотим, было правдой, то тогда мы не выливали бы друг на друга столько грязи и не гордились бы этим так искренне, разве нет?

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Это звучит странно, но моя мама проводит курсы для беременных в нашей гостиной, и вчера здесь была та старшеклассница со своей мамой, которая, типа, слишком старая, чтобы заводить ребенка. Короче, эта девушка, типа, закрылась в ванной на, типа, час, а потом вышла вся мокрая. Все в моем классе так боятся ее и считают ее очень клевой, но теперь я знаю — она просто сумасшедшая. Неудивительно, что ее не приняли в колледж.

— важная новость

Дорогая важнаяковость,

Ты сказала старшеклассница? Детка, мы ВСЕ сумасшедшие.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Мой двоюродный брат учится в Йеле и работает там гидом для будущих студентов. Ему сказали, что никакого листа ожидания на самом деле нет. Они просто шлют эти письма, чтобы выполнить какой-то национальный норматив.

— кошма

Дорогая кошма,

Вау. Это звучит слишком страшно, чтобы быть правдой.

— Сплетница

Под прицелом

Д пьет прощальный кофе в забегаловке на Бродвее. Дж практикует походку-от-бедра в проходе автобуса, идущего по Семьдесят девятой улице. С садится в самолет «ЮС Эйр» до Бостона. Кажется, она весьма серьезно подходит к вопросу выбора учебного

заведения. Б пьет водку из миниатюрной бутылочки во время своего полета в Вашингтон — пытается настроиться на Джорджтаун. В выкидывает дверную табличку «Только для женщин», которую она стащила в туалете одного из баров Уильямсберга. Ч с папой в частном самолете. Хотят убедить какой-нибудь наивный колледж принять его? У папы в руках портфель — давайте просто представим, что он набит деньгами.

Люди, не забывайте, у нас остается целых три недели для выбора университета. Давайте используем это время с умом. Хе-хе. Вы же меня знаете!

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

ГАРВАРДСКИЙ ЗУБРИЛКА КРАДЕТ СЕРДЦЕ С

Серена вышла из лимузина, взятого напрокат в аэропорту Логан, и прошла по мощеной дорожке к офису приемной комиссии Гарварда. Во время перелета она под завязку накачалась кофеином из огромной порции капучино «Старбакс». Стояло солнечное весеннее утро — более прохладное, чем в Нью-Йорке, — и Кембридж наполняли уличные торговцы и стильные студенты богемного вида, сидящие на лавочках со стаканчиками кофе. В этот момент Гарвард казался Серене таким умиротворяющим и безопасным, и она удивлялась, откуда у него такая серьезная и даже немного путающая репутация.

Ее гид ждал прямо за дверью. Высокий, темноволосый, с очками в серебряной оправе — идеальный симпатичный интеллигентный зануда.

— Меня зовут Дрю, — произнес он, протягивая руку.

— А мне здесь нравится, — выпалила Серена, пожимая ее. Когда она была взволнована, то нередко говорила первое, что приходило в голову; правда, сейчас она не столько нервничала, сколько перебрала кофеина.

— Я могу провести стандартную двухчасовую экскурсию — предложил Дрю, — или, если хочешь, покажу то, что ты пожелаешь увидеть.

Его глаза были светло-карими, на нем был тонкий бежевый джемпер с узором и оливково-зеленые брюки с такими идеально выглаженными стрелками, что Серена тут же представила, как он получает посылку из «Джей Кру», отправленную мамой, и сразу надевает присланную одежду. Ей нравилось, когда мальчики уделяли внимание моде, но еще больше привлекало, когда мальчик выглядел сексуально, несмотря на свой занудный, только-что-купленный-мамочкой наряд.

— Меня, по правде говоря, интересует твоя комната, — ответила она, даже не задумываясь, что это звучит немного двусмысленно. В общем-то, это было правдой. Ей действительно было интересно

посмотреть, как выглядит общежитие.

Дрю побагровел, вслед за ним покраснела и Серена. И тут ее буквально озарило — она всю жизнь ходила в школу для девочек. Одни девочки на протяжении всех двенадцати лет. А в колледже полно мальчиков. Мальчики целый день, каждый день. Мальчики, мальчики, мальчики.

У-у-у-х!

— Ты есть не хочешь? — спросил Дрю. — В столовой готовят довольно неплохо. Я могу показать тебе одну из самых больших библиотек, потом мы прогуляемся и пообедаем, ну и посмотрим комнаты. Это совместное общежитие... — Он опять покраснел и поправил очки на носу.

— Отлично, — выдохнула Серена.

Дрю вывел ее из офиса приемной комиссии и повел по длинной аллее, разделяющей Гарвард-ярд. Роскошные газоны были заполнены студентами, играющими во фрисби или читающими книги. Под кленом работы студентов проверял один из профессоров.

— Это Уайденер, библиотека гуманитарных наук, — сказал Дрю, поднимаясь по величественным ступенькам. — Я специализируюсь в музыке и химии, так что здесь я нечастый гость, — пояснил он, открывая перед Сереной дверь. Они вошли в тихое, прохладное помещение, и Дрю показал на закрытый стеклянный стенд у дальней стены. — Здесь очень интересная коллекция оригинальных манускриптов. Ну, знаешь, древних греческих папирусов и всякого такого.

Папирусов?

Дрю спокойно стоял, засунув руки в карманы своих аккуратно выглаженных брюк, и ждал от Серены вопросов по поводу библиотеки. Но Серена была слишком поглощена им. Она при первом же взгляде решила, что Дрю милый, но мальчик, употребляющий слова наподобие «папирусы», был просто неотразим!

Серена накрутила локон светлых волос на палец и посмотрела на роскошный потолок библиотеки.

— Ты учишься музыке? Играешь? — спросила она.

Дрю опустил глаза в пол и что-то невнятно пробормотал.

Она подошла ближе.

— Прости, я не расслышала?

Он откашлялся.

— Ксилофон. Я играю на ксилофоне. В оркестре.

А она-то думала, что ксилофон — это игрушечный инструмент, придуманный только для того, чтобы в английском языке было хотя бы одно слово, начинающееся на букву «экс»! Серена восторженно хлопнула в ладоши.

— Я могу послушать твою игру? — спросила она.

Дрю неуверенно улыбнулся.

— У меня занятие в три, но, вообще-то, я пока только учусь. Тебе, наверное, не захочется тратить на это время...

У Серены была заказана машина, которая днем должна была доставить ее в Провиденс для знакомства с университетом Брауна, где учился ее брат — Эрик. Серена бывала там и раньше, но все ее визиты ограничивались вечеринками у соседей Эрика, теперь же он действительно хотел показать ей кампус. Но все же это был лишь Эрик. Он поймет, если она опоздает.

Когда тебе семнадцать и ты потрясающая блондинка, ты можешь опаздывать сколько угодно.

— Конечно захочется, — ответила Серена, взяла Дрю за руку и буквально вытащила из библиотеки. — Идем, я умираю с голоду!

Кому нужны библиотеки, полные папирусов, когда в Гарварде есть кое-что гораздо интереснее?

Б ВЫДЕЛЯЕТСЯ В ДЖОРДЖТАУНЕ

— Меня зовут Ребекка Рейли, я буду твоим гидом на этих выходных. Вот бейджик с именем, карта и свисток. Пожалуйста, всегда носи бейджик и держи при себе карту и свисток.

Перед Блер стояла невысокая крашеная блондинка, буквально переполненная энтузиазмом. Блер ничего не имела против энтузиазма как такового. Она и сама прибегала к нему, когда ей нужно было уговорить дизайнера типа Кейт Спейд пожертвовать подарочные наборы для одного из своих благотворительных вечеров. Или когда она просила учителя отпустить ее пораньше, чтобы попасть на распродажу «Хлоэ». Но искренний энтузиазм в среде своих сверстников выглядел жалким и безнадежным.

— Свисток? — переспросила Блер.

Во время перелета она размышляла над этой поездкой, главной целью которой было попытка придать уверенности себе по полной программе. Она проведет день с заторможенным гидом, по сравнению с которым почувствует себя изысканной и образованной. Потом она снимет номер в вашингтонском «Ритц-Карлтоне» или каком-нибудь другом отелей проведет ночь, плескаясь в ванне, распивая шампанское и наслаждаясь новой порцией секса по телефону с Нейтом.

— В Джорджтауне свистки есть у всех Студенток. У нас очень сильная женская организация взаимопомощи. И за последние два года на территории кампуса не произошло ни одного случая преследования или изнасилования! — объявила Ребекка; в ее произношении явно чувствовался южный акцент. Она смотрела на Блер сквозь густые, крашенные синей тушью ресницы. Ее искусственно-белые волосы пахли дешевым шампунем, а белые кожаные кроссовки «Рибок» выглядели такими новыми, будто первый раз оказались на улице.

Блер сняла волосинку с рукава своего нового розового пиджака от «Марни».

— Мне нужно заказать номер в отеле...

Ребекка схватила ее за руку.

— Не смейся людей, зайка. Ты останешься со мной и моими подружками. У нас компания просто божественная, ты проведешь с нами супер-пупер время, потому что сегодня у нас гулянка-девичник!

Опа. С каких это пор девичник — это гулянка?

— Супер, — ответила Блер, будучи уверенной как раз в обратном. И почему она не забронировала номер заранее? Она посмотрела на других гостей и их гидов. Это выглядело странно, но все они — и гости, и гиды — были как один похожи на Ребекку. Казалось, что они выросли в пригороде, где все были счастливы, светловолосы, чисты и совершенно бесхитростны. На их фоне черноволосая и коротко стриженная, стильная Блер выглядела немного циничной и утомленной иностранкой.

Собственно, это и был тот самый подъем самооценки, которого она ждала. Видите, я другая, я умнее и лучше, чем все эти девушки, говорила она себе. По крайней мере, она никогда не покрасит свои натуральные каштановые волосы в блонд.

— Идем на экскурсию! — Ребекка схватила Блер за руку, словно им было по четыре года, и вывела из административного здания. Солнце отражалось в реке Потомак, а над холмом гордо возвышались башенки древней университетской церкви. Блер пришлось признать, что старый кампус Джорджтауна очень даже ничего, а сам город — намного симпатичнее и чище Нью-Хейвена. Но здесь явно не хватало уникальной атмосферы Йеля, которая была буквально пропитана уверенностью в себе.

— Вверху, по левую сторону от тебя, здание в силе модерн. Это наша прославленная библиотека Лоингера. Тут самая большая коллекция... — Ребекка шла вперед спиной по главной аллее и заученным голосом бубнила нудные факты о Джорджтауне. Блер не обращала на нее внимания, сосредоточившись на потоке людей, передвигавшихся по кампусу. Мальчики и девочки, с ног до головы упакованные в «Брукс Бразерс» и «Энн Тейлор» и с набитыми книгами сумками «Коач», шли по направлению к библиотеке. Блер серьезно относилась к образованию, но, люди, сегодня все-таки суббота. Им что, больше нечего делать?

Внезапно Ребекка остановилась и прижала ладонь ко лбу.

— Зай, у меня такое похмелье, — сказала она. — От этого хождения задом наперед у меня так голова кружится, и вообще меня

тошнит!

Блер хотела сказать, как от всего этого тошнит ее, но не стала обострять ситуацию.

— Почему бы нам не присесть где-нибудь и не выпить... кофе, — предложила она, довольная тем, как естественно и дружелюбно она это сказала, хотя на самом деле она бы не отказалась от очень крепкого аперитива «водка-мартини».

Ребекка бросилась обнимать Блер.

— Моя сладкая! — завизжала она. — Я так обожаю карамельный, маккьято, а ты?

Вау.

Было всего два часа дня. Кофе может помочь.

— Тут есть что-нибудь поблизости? — спросила Блер.

Ребекка взяла ее под руку.

— Конечно же есть! — Она достала свою розово-белую блестящую «Нокию». — Я только позвоню и соберу девчонок. Почему бы не устроить гулянку спозаранку?

Блер скривилась и нащупала мобильный в своей мятно-зеленой сумочке «Прада». Она уже скучала по Нейту. И почему она не одолжила у него ту серебряную флягу, которую он вечно носит с собой, тогда у нее было бы напоминание о нем. И немного водки к ее маккьято.

Ребекка оторвалась от разговора со своими подругами и посмотрела на Блер, Она прикрыла рукой микрофон.

— Они уже в баре, — прошептала она, густо краснея. — Это дальше, на М-стрит. Ты не против встретиться с ними там?

— О'кей, — с готовностью отозвалась Блер. Дайте ей коктейль и сигарету, и она будет счастлива практически в любой компании.

КАК СИЛЬНО ОНИ ЕГО ХОТЯТ?

— Чувак, — ты никогда не говорил, что эти тренеры — телки, — крикнул Джереми Скотт Томпкинсон, один из друзей Нейта, бегущий на перехват длинного паса.

Нейт покрутил клюшкой над головой, подождал, пока Джереми промахнется, и поймал мяч сам. Этот прием был своего рода позерством, но позерством эффективным. Кроме того, со стороны он выглядел классно, а это было большим плюсом. Он бросил мячик обратно Джереми, показывая, что он, как и просил его тренер Майкле, может играть и на команду. После этого мальчики вместе побежали к центру поля.

— Высокая — тренер Йеля. Низенькая — из приемной комиссии Брауна, у которой я проходил собеседование, — пояснил Нейт. — Тренер из Брауна не приехал из-за игры.

— Но, чувак, они же телки! — повторил Джереми, трясая на бегу своей косматой, похожей на прическу рок-звезд гривой. — Неудивительно, что тебя приняли!

Вытирая пот со лба, Нейт усмехнулся сам себе. Может быть, кое-кто думает, что он не догадывается о своей привлекательности, но на самом деле Нейт прекрасно понимал, что он очень сексуален. Он просто не был кретином.

На кромке поля стояли, неотрывно наблюдая за ним, две женщины. Раздался свисток тренера.

— Мальчики, сегодня заканчиваем раньше! — закричал он, сплевывая в траву. — Мы с женой сегодня отмечаем сороковую годовщину. — Он сунул свои узловатые руки в карманы зеленой ветровки «Лэндс Энд» и, прежде чем еще раз сплюнуть в траву, кивнул

Нейту. — Арчибальд, иди сюда.

Нейт вместе с тренером подошел к женщинам.

— Было бы прекрасно иметь собственное поле, — сказал тренер и показал на газон Центрального парка, где его подопечные разбирали ворота. — Но когда играешь в городе, приходится

довольствоваться малым.

Да уж, бедняжка.

На стоявшей неподалеку скамейке невдалеке хихикали и перешептывались четыре десятиклассницы из «Ситон Арме», не отрывавшие глаз от Нейта.

— По крайней мере, в парке всегда есть зрители, — заметила тренер из Йеля — высокая женщина, с копной белых волос и красивым, но немного угловатым лицом. Рядом со скамейками уличный торговец продавал напитки и мороженое. Тренер открыла передний карман своего темно-синего рюкзака с серой эмблемой Йеля.

— Хотите «Гаторейд» или что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, мэм. Мне нужно возвращаться домой, к жене. — Тренер Майкле пожал руки обеим женщинам и похлопал Нейта по спине. — Талантливый парень. Дайте знать, если появятся вопросы.

Тренер ушел, после чего Нейт ударил по молодой траве своей клюшкой.

— Наверное, мне лучше пойти домой, принять душ, — пробормотал он, не представляя, что же задумали эти женщины. Бриджит, проводившая с ним интервью в Брауне, выжидательно смотрела на него. Она оставила сообщение на его голосовой почте, предлагая встретиться в пять часов в холле отеля «Уорвик Нью-Йорк» для того, чтобы «обсудить его возможности».

Что бы это значило?

Тренер из Йеля протянула голубую нейлоновую спортивную сумку с нашитой сверху большой белой кожаной буквой «У».

— Командный инвентарь, — сказала она. — Футболка и шорты, и все такое, всё там. Бандаж. Даже носки.

По изменившемуся лицу Бриджит было видно, что такого хода от соперницы она не ожидала.

— Насчет ужина все в силе? — быстро спросила она. — Я угощаю.

Ее светлые волосы отливали рыжиной, чего раньше Нейт не

замечал, и потому теперь задумался, а не покрасилась ли она. В общем-то, она выглядела гораздо симпатичнее, чем в первое их знакомство, и ему даже понравилось, что она не пытается соблазнить его целым мешком футболок из Брауна и прочей фигни. Даже если он и выберет Йель, понадобится ли ему на самом деле бандаж с символикой?

— Да, я буду, — ответил он, а затем протянул руку тренеру из Йеля. — Спасибо, что приехали.

Но та не собралась так легко сдаваться.

— Как насчет завтрака завтра около одиннадцати? Я живу в отеле «Уэльс» на Мэдисон — прямо над «Сарабетом». Их оладушки чертовски вкусны.

Нейт заметил, что у тренера из Йеля красивая грудь — большая, но упругая. Она была похожа на одну из тех обалденных волейболисток из олимпийской сборной. Он закинул сумку Йеля на плечо.

— Конечно, — согласился он. — Завтрак в одиннадцать — это то, что надо.

Настойчивость тренеров из двух самых престижных колледжей страны льстили самолюбию Нейта, и к тому же было забавно видеть, как сильно они его хотят.

ПОБЕГ ИЗ ВЕРХНЕГО ВЕСТ-САЙДА

— Только честно, это неприлично? — спросила Дженни. Она выбирала наряд для фотосессии, а Ванесса сидела на краю ее кровати и снимала. По идее, Ванесса должна была помогать Дэну упаковывать вещи, но он неожиданно обнаружил блокнот со стихами, которые написал в тринадцать лет, и сейчас был занят выискиванием каких-нибудь подходящих для переработки поэтических жемчужин.

Ну, пожелаем ему удачи.

Дженни убедила себя появиться на съемке без лифчика, чего она никогда не делала, по крайней мере на людях. И это еще не все: она решила надеть светло-голубую футболку, которая была, мягко говоря, обтягивающей.

— Ну, что скажешь?

— Да, это неприлично, — сухо ответила Ванесса, осторожно направляя камеру выше уровня плеч Дженни, чтобы ее фильм не попал в разряд фильмов для взрослых.

— Правда? — Дженни обернулась, чтобы осмотреть свою задницу в зеркале на двери гардероба. Ее новые джинсы «Эрл» удлинняли ее ноги гораздо больше, чем другие джинсы. Вот что значит новые технологии.

Ванесса прошлась камерой по комнате. Это была типичная комната девочки-подростка, с преобладанием розового и белого, на стенах были приклеены картинки, вырезанные из модных журналов, а книжный шкаф был заставлен книгами для тинейджеров и полуодетыми куклами Барби, которых до сих пор еще не выбросили. И при этом здесь же были репродукция «Поцелуя» Климта, впечатляющая копия «Ветряных мельниц» Ван Гога и потрясающий пейзаж с маками в духе Джорджии О'Кифф — все это было старательно нарисовано самой Дженни.

Ванесса снова навела камеру на главный объект съемки.

— Почему бы тебе не попробовать черную блузку? — предложила она. — И лифчик.

Улыбка на лице Дженни сменилась разочарованием.

— Всё так плохо?

В дверном проеме показался ее отец, седые жесткие волосы которого были затянуты на макушке одной из резинок Дженни.

— Господи, девушка, наденьте хотя бы свитер, что ли, — сказал он. — Что подумают соседи?

Дженни понимала, что Руфус просто прикалывается, но при этом было ясно, что о ней думают. Она взяла из гардероба толстовку и натянула ее на себя.

— Спасибо, народ. Приятно знать, что вам не все равно, — сказала она, глядя на отца. — Может, я тоже перееду к тебе? — спросила она у Ванессы.

— Однозначно «нет», — возразил Руфус. — Кто тогда будет выпивать весь апельсиновый сок еще до того, как я проснусь? Кто будет забивать отделение для масла в холодильнике лаком для ногтей? Кто будет из моих черных носков делать розовые?

Дженни закатила глаза. Ее отцу будет плохо в одиночестве. Да и не хотела она на самом деле жить с Дэном и Ванессой. Тем более тогда, когда они практически женаты. Это выглядело бы слишком странно.

Внезапно Ванесса почувствовала себя ужасно виноватой за то, что забирает Дэна у Руфуса, особенно если учесть, что мать Дэна бросила их несколько лет назад, чтобы жить в Праге с каким-то бароном или кем-то в этом роде.

— Мы будем приходить в гости по выходным, — запинаясь, предложила она. — Или, наоборот, вы можете приходить к нам и готовить. У Руби куча всякого кухонного барахла. Было бы неплохо, если бы меня кто-то научил всем этим пользоваться.

— Мы могли бы устраивать кулинарные занятия! — услышав слова Ванессы, просиял Руфус.

Ванесса поправила объектив камеры, пытаясь поймать Руфуса в кадр.

— Мистер Хамфри, вы не будете против, если я задам вам несколько вопросов? — спросила она.

Руфус сел на пол и потянул к себе Дженни.

— Мы любим внимание! — сказал он, подтолкнув дочь локтем в бок.

— Пап, ну перестань, — заныла Дженни, прикрывая грудь руками, хотя на ней уже была толстовка.

— Итак, что вы чувствуете сейчас, когда ваш сын уже достаточно взрослый для того, чтобы поступить в колледж и уехать из дома? — спросила Ванесса.

Руфус дернул себя за бороду, жесткую, растущую как попало и с отчетливо проступающей проседью. Он улыбался, но его карие глаза были влажные и грустные.

— Если хотите знать мое мнение, ему следовало уехать уже давным-давно. Американские семьи балуют своих детей. Они должны идти в школу, как только могут сами держать головы, а из дома уезжать лет в четырнадцать. — Он опять подтолкнул Дженни. —

Именно тогда, когда начинают спорить с отцами.

— Пап, — вновь захныкала Дженни. А потом просияла. — Эй, получается, я могу перебраться в комнату

Дэна? Она вроде как в два раза больше моей.

Руфус нахмурился.

— Давай не будем бежать впереди паровоза, — проворчал он. — Комната может понадобиться ему в любой момент. — Он повел бровью в сторону Ванессы. — Она может его выгнать. Его даже из колледжа могут исключить!

— Но ты же сам сказал... — начала Дженни, но тут же остановилась. Ее отец всегда сам себе противоречил. Ей уже надо к этому привыкнуть. — В любом случае, как только я начну зарабатывать как модель, я смогу сделать ремонт в своей комнате, — добавила она. Руфус драматически закатил глаза на камеру, и Дженни пихнула его в руку. Затем в двери появился Дэн. На нем была зеленая рубашка-поло от «Лакост», несколько лет назад присланная ему матерью. Она была мала размера на три, из-за чего Дэн был похож на обнюхавшегося кокаином гольфиста.

— Эта рубашка остается здесь, — сказала Ванесса не терпящим возражений тоном.

Дэн тихо засмеялся, снял рубашку через голову и бросил в мусорное ведро Дженни.

— Эй! — сказала она недовольно. — Пользуйся собственной мусоркой.

— Это всего лишь рубашка. Как-нибудь переживешь, — огрызнулся в ответ Дэн.

Услышав это, Дженни рассмеялась. Дэн считал себя таким крутым, потому что его стихотворение напечатали в «Нью-Йоркере» и он поступил во все эти колледжи, но без рубашки он выглядел настоящим дохляком, да и то, что он беспрекословно слушается Ванессу, разве не говорит о его слабости?

— Я буду так по тебе скучать, Дэн, — вздохнула Дженни с притворной печалью.

Руфус вытащил упаковку мини-сигар из заднего кармана брюк и без каких-либо объяснений раздал каждому по одной.

— Может, оно и к лучшему, — вздохнул он, закулив свою сигару и выпуская дым в потолок.

Ванесса выключила камеру и покатила губами незажженную сигару. Она чувствовала себя виноватой, видя печаль в глазах Руфуса, но опять-таки, дождаться не могла, когда Дэн окажется в ее полном распоряжении, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Ее глаза были прикованы к его бледной тощей груди. Это была грудь измученного поэта. Ее мужчины.

— Готов? — спросила она, одарив Дэна восторженной улыбкой.

Дэн улыбнулся в ответ. Он был на седьмом небе от счастья и в ближайшее время не собирался спускаться на землю.

— Готов, — ответил он игриво.

Надеемся, что он взял с собой запасную рубашку.

Примечание: Всё настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Надоедливая Девушка

Вы знаете, о ком я. О той, которая думает, что она красивая и умная и каждый парень влюблен в нее. Она кричит: «Меня, меня!» и высоко тянет руку всякий раз, когда учитель задает вопрос. Она всегда самая самодовольная из присутствующих, но при этом она боится выглядеть слишком самодовольной, потому постоянно хихикает и косит под дурочку, чтобы скрыть свою гениальность. И она самая шумная, самая безголовая пьяница из всех, кого вы знаете. Если бы не ее друзья, она бы отрубилась в луже блевотины на полу туалета или пошла бы домой с каким-то мерзким парнем гораздо старше ее. Но друзья всегда помогают ей, и на следующий день она еще энергичнее, чем раньше, улыбается, будто бы ничего не произошло. Прикол Надоедливой Девушки в том, что во всех нас есть что-то от нее, нравится нам это или нет. Именно поэтому мы так любим ненавидеть ее. Она — наш самый страшный кошмар. Подумайте сами, как часто вы хотели поднять руку, когда знали ответ на вопрос, но останавливали себя лишь потому, что не хотели выглядеть идиоткой? И как часто вам хотелось просто сесть мальчику на руки и начать целоваться с ним, но вы не сделали это из-за опасения, что он рассмеется вам в лицо? В своем роде Надоедливая Девушка — это мы минус неуверенность. Она так довольна собой, что вам хочется ее долбануть чем-нибудь тяжелым. Но при этом вы тайно мечтаете быть такой же несносной, без переживаний о том, что могут подумать окружающие. Признайтесь, люди всегда найдут причины ненавидеть нас, особенно если мы красивы. Все же существует одна конкретная девушка, которая, кажется, не способна сделать что-то не так. Она не только поступила во все невозможно-туда-попасть колледжи, в которые подавала документы, но и заставила всех мальчиков из этих колледжей стать в очередь, чтобы поговорить с ней.

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Я слышал об этом скандале с фальсификациями. Типа, ты можешь заплатить кому-то, чтобы он сделал абсолютно правдоподобные письма о приеме в, типа, Принстон или еще куда-

нибудь. И колледжи ничего не могут поделать, потому что письма совсем как настоящие.

— шшш

Дорогой шшш,

В наши дни можно купить все что угодно, но если твоих способностей недостаточно, чтобы честно поступить в такой престижный университет, как Принстон, то имеет ли смысл что-то подделывать? Тебе же, в конце концов, придется там делать все по-настоящему!

— Сплетница

Под прицелом

Только что пришло: С и заумный-но-хорошенький, носящий очки гарвардский мальчик кормят друг друга картошкой фри в одной из столовых Гарварда. Она четко придерживается критериев оценки колледжа: хорошенькие мальчики — есть; достойная картошка фри — есть. Б тусуется со своими новыми подругами в караоке-баре в Джорджтауне. У нее на самом деле нервный срыв! Н на приватной тренировке с длинноногой блондинкой, тренирующей команду Йеля по лакроссу. Вау, вау. Будто бы у него и без того мало секретов от Б. Малышка Дж в том невзрачном магазине нижнего белья в Вилладж, где, едва взглянув на тебя, тут же сообщат, что ты совершенно ошибаешься в выборе своего размера. В ее случае — размер Е! В и Д в Уильямсберге вместе покупают продукты. В общем-то, у них вышел спор о том, покупать спагетти или более интересно закрученную пасту, — получается, они действительно уже женаты.

Тем временем, возвращаясь к нашим пирогам, я подумываю надеть спортивный костюм и прикинуться тренером по лакроссу. Кто знает, вдруг мне повезет?! Будьте пайньками. Вы же знаете, что я не буду.

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

ТРИДЦАТЬ СЕКУНД НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Серена взялась руками за щеки Дрю и дыхла на стёкла его очков, после чего протерла их кончиком своего идеального носика.

— Пообещай, что приедешь в Нью-Йорк, — сказала она.

Всё время после обеда она провела на репетиции Дрю, сидя рядом с ним в оркестровой яме. Дирижер даже позволил ей поиграть на литаврах и колокольчиках! Конечно, ей с трудом удавалось выдерживать ритм, наблюдая за тем, как Дрю играет на ксилофоне. То, как он прикрывал глаза, сжимал губы и притопывал ногами во время игры, выглядело свержоcharовательно. После занятия он угостил ее капуччино в кафе, они даже съели одно печенье на двоих. К этому моменту Серена была уже настолько влюблена в него, что ей оставалось только одно — потащить Дрю в его спальню для индивидуального урока игры на ксилофоне.

Ага.

Ей не удалось снять с него аккуратно выглаженные брюки «Джей Крю» — он был не из таких, — но он точно умел целоваться. Теперь они лежали в обнимку на его узкой кровати в мягкой одежде и со включенными волосами. Серена хотела бы пролежать так до конца выходных; но, к сожалению, ей нужно было ехать.

Дрю снял очки и вытер их о подушку, затем снова надел их и откашлялся.

— Так как ты думаешь, ты вернешься сюда осенью?

— Однозначно, — выдохнула Серена. Она прижала свою голову к его груди. — Я не знаю, как я выдержу без тебя.

До конца второго курса Дрю оставалось всего две недели. После этого он должен был лететь на все лето в Мозамбик изучать ударные инструменты.

Дрю поцеловал ее волосы.

— Я приеду к тебе до своего отъезда, а потом буду писать тебе каждый день, — сказал он.

Вау.

Серена закрыла глаза и подарила ему длинный-длинный поцелуй. Время было обеденное и в общежитии было тихо. Но вдруг в холле раздались голоса студентов, возвращавшихся в свои комнаты, чтобы заняться тем, чем там занимаются студенты после обеда — учатся, флиртуют с кем-то в холле, учатся, зажигают с кем-то в холле, делают вид; что учатся, готовят «космополитен», играют в стрип-покер, заказывают пиццу.

Дверь распахнулась, и Дрю буквально отпрыгнул от Серены. В проходе стоял рыжеволосый парень в красной бейсболке и черных баскетбольных шортах.

— Привет. Че происходит? — спросил он с сильным массачусетским акцентом.

— Вейд, это Серена. Серена, это мой сосед по комнате Вейд. Серена из Нью-Йорка. Она сейчас едет в Браун, — рассказывая все это, Дрю явно волновался.

Серена села и вытерла губы.

— Просто заехала глянуть на Гарвард, — с насмешкой заметил Вейд. — Думаю, тебе здесь понравилось.

Серена покраснела еще больше. Она опустила ноги на пол и всунула их в свои коричневые замшевые балетки от Кельвина Кляйна.

— Я, пожалуй, пойду. Мой водитель ждет меня уже больше часа.

— Я провожу тебя, — предложил Дрю. Как только они вышли из комнаты и пошли по коридору, Дрю легонько сжал ее руку. — В последние два года Вейд постоянно чморил меня за то, что у меня нет девушки.

Он, наверное, не ожидал увидеть меня с кем-то настолько... — Он запнулся и закусил губу, словно испугавшись потока прилагательных, готовых сорваться с языка.

Сексуальной до умопомрачения? Неповторимой и непревзойденной? Страстно желанной? Женского пола?

Серена, щеки которой горели от любви, улыбнулась, когда Дрю открыл перед ней дверь. Дрю не нужно было заканчивать предложение. Она знала, что он чувствует, потому что чувствовала

тоже самое к нему.

Серый «линкольн», который должен был умчать, ее в Провиденс, ждал у входа. Серена обняла Дрю, прижалась щекой к его лицу и втянула воздух, пытаясь впитать так много его, как только можно.

— Я тебя люблю, — прошептала она ему на ухо, прежде чем сбежать по ступеням вниз и вскочить в машину.

Дрю помахал ей на прощанье, и машина увезла Серену, улыбающуюся, плачущую и такую счастливую, какой она не чувствовала себя очень, очень давно. В конце концов она все-таки нашла настоящую любовь.

Любовь, которая продлится по крайней мере тридцать секунд.

Б УЧИТСЯ ЧЕМУ-ТО В КОЛЛЕДЖЕ

— О'кей, хотите услышать кое-что совершенно стремное? — спросила у собравшихся Форест, одна из подруг Ребекки.

Блер вместе с Ребеккой и ее тремя соседками по комнате сидела в «Мони Мони», отвратительном караоке-баре в Джорджтауне. Толпа венгров-туристов в спортивных костюмах, вывалившаяся из огромного автобуса, оккупировала сцену, выкладывая все, что у них было, за «Staying Allive» от «Bee Gees». Блер и ее новые знакомые пили ледяные коктейли зеленого цвета со вкусом киви под названием «Киви-Снеговик» и делали вид, что эта дурацкая музыка их совершенно не трогает. Напитки были поразительно крепкими и связывать слова в предложения становилось все труднее.

— Ты ведь все равно расскажешь, даже если мы не хотим этого знать, — ответила Гэйнор. У Гэйнор черные волосы чередовались с белыми, а нос был таким курносый, что Блер могла заглянуть в него.

Хотя, по правде говоря, она и не думала заглядывать в нос Гэйнор.

— Ну ты скажешь, наконец? — не выдержала Ребекка.

— Ладно, — протянула Форест. Она закурила сигарету и выдержала драматическую паузу. Форест была наполовину корейкой, наполовину американкой, с крашенными под блондинку волосами, которые смотрелись бы намного лучше, если бы оставались коричневыми.

Что отнюдь не значило, что Блер это волновало настолько, чтобы она что-то сказала по этому поводу.

— Короче, вы знаете, каким дружным должен быть весь Джорджтаун, без всяких там братств, и не должно быть никакого соперничества и всего такого? Так вот, я только что узнала, что существует тайное братство команды по лакроссу, и в качестве испытания старшие мальчики заставляют младших съесть крекер с их спермой. Это вроде такой ритуал. И если ты, типа, не съешь крекер, тебя не берут в команду.

На лице девочек, в том числе и Блер, появилась гримаса отвращения. Иногда мальчики бывают такими... отвратительными.

За исключением Нейта, который никогда бы ничего такого мерзкого не сделал.

— Ты из Нью-Йорка? — проямлила Френ. Френ была всего метр пятьдесят ростом, весила меньше сорока килограмм и разговаривала шепотом с придыханием. Ее кожа была такой прозрачной, что Блер казалось — она вполне может увидеть, как «Киви-Снеговик» растекается по ее венам. — Я была там лишь однажды. Я отравилась в суши-ресторане и провела всю неделю на унитазе.

— Ха, будто ты и так не проводишь там все дни, — съязвила Форест, намекая на то, что именно является причиной миниатюрной фигуры Френ.

— Ты знаешь Чака Басса? — спросила Гэйнор у Блер.

Блер кивнула. Все знали Чака, нравилось им это или нет.

— Это правда, что он никуда не поступил? — спросила Ребекка, разгрызая лед своими кривоватыми зубами.

— Какой удар, — сказала Форест без тени сочувствия.

Блер молча сделала глоток. Так как Джорджтаун становился все менее и менее привлекательным, а других вариантов у нее не было, она почти сочувствовала Чаку.

— Ты знаешь Джессику Уард? — спросила Ребекка. — Она проучилась здесь семестр, а потом перевелась в Бостон.

Блер покачала головой. Она не знала Джессику, но Донимала, почему та перевелась.

— А знаешь Кэти Фаркас? — спросила Френ. — Мы вместе ездили в лагерь.

Блер устало кивнула. Эта игра ей уже надоела.

— Она моя одноклассница в Констанс, — ответила она.

— А как насчет Нейта Арчибальда? — спросила Гэйнор. Она подтолкнула Форест локтем и многозначительно выгнула бровь. — Припоминаешь?

Форест пихнула ее в ответ.

— Заткнись, — отрезала она, глядя взбешенной и

расстроенной одновременно.

Блер моментально ошетибилась.

— О чем это вы?

— Он однажды приезжал сюда. И серьезно, он — самый большой торчок в мире. Но я слышала, что благодаря лакроссу его приняли во все лучшие университеты, даже в Йель. Не думаю, что он подавал документы сюда. Ему это не нужно.

— Нейт Арчибальд, — повторила Френ. — Мы все были по уши влюблены в него. Особенно Форест, — хохотнула она.

— Заткнись! — снова разозлилась Форест.

Желудок Блер сжался. Венгры теперь переключились на Эминема. «На, на, на, на, на. На, на, на, на, на», — орали они, и это было невыносимо. Блер оттолкнула свой напиток.

— Нейта приняли в Йель? Это вранье, — сказала она, пытаясь в этом убедить прежде всего себя. Но опять-таки, когда дело касается Нейта, никогда не знаешь, чему верить.

— Зачем нам тебя обманывать? Мы тебя даже не знаем, — стервозно возразила Гэйнор.

Блер на мгновение уставилась на нее, а потом нагнулась, чтобы достать из-под стола свою сумку.

— Я сейчас, — сказала она и направилась в сторону туалета.

Н — ЗНАЧИТ НЕГОДЯЙ

Бриджит проводила собеседование с Нейтом минувшей осенью и уже знала, что каждое лето, с самого рождения, он проводил в Мэне, плавая на яхте. Именно поэтому она решила, что он любит лобстеров. Ей нужно было заманить его в Браун любыми средствами, и Бриджит повела Нейта в ресторан «Цитарелла», где заранее заказала огромного жареного лобстера на двоих, бутылку «Дом Периньон» и жареную картошку.

— Я выросла в Мэне, — сказала она, теребя свое жемчужное ожерелье. — В Кэмдене. Все, чем когда-либо занималась моя семья, — это плавала на яхте и ела лобстеров.

На самом деле Нейт считал лобстеров чем-то нелепым, вроде того дурацкого ракообразного героя мультика, танцевавшего на хвосте с микрофоном в клешне и рассказывавшего смешные анекдоты. И это уж точно не было то, о чем он мечтал, когда был голоден.

А голоден он был практически всегда.

— О'кей, — Бриджит подняла свой бокал, как только официант налил в него шампанское. Для этого вечера она надела оранжевое платье с глубоким декольте и нарядилась ярким блеском для губ и тушью. Ее расчесанные светлые с рыжеватым оттенком волосы выглядели даже лучше, чем тогда, в парке. Она нервно водила пальцами по ножке бокала. — Хватит обо мне. У тебя... э... — она закусил губу, — есть девушка?

Нейт поковырялся в салате, размазав козий сыр по листьям. Он был уверен, что глубокое декольте и флирт Бриджит вышли далеко за рамки ее задания — уговорить его стать студентом Брауна. Он подозревал, что нравится ей. Но она все еще была его университетским интервьюером, и он хотел произвести на нее хорошее впечатление.

— Да вроде того, — ответил он неуверенно. — Ну, типа, мы то встречаемся, то расстаемся.

Казалось, что такой ответ ей понравился.

— А сейчас вы вместе?

Нейт всегда предпочитал пиво шампанскому, но сейчас выпил свой бокал одним махом, в стиле Блер. Теоретически они с Блер были вместе опять, и это было хорошо, ура. Но они, в общем-то, не обсуждали условий своих отношений. Так что является ли флирт с работником приемной комиссии изменой — это еще вопрос.

В этот момент раздался звонок его телефона. Нейт вытащил его из кармана, ругая себя за то, что забыл выключить телефон до ужина. Он посмотрел на экран. Вспомни зло...

До этого Нейт сделал шесть затяжек марихуаны дома у Энтони Авульдсена, и потому голова его немного гудела. Разговор с Блер мог хотя бы слегка помочь ему прийти в себя.

— Мне нужно ответить, — извинился он перед Бриджит и сказал в трубку: — Привет.

— Здравствуй, — холодно произнесла Блер. — Прежде чем ты скажешь что-либо, я должна тебя кое о чем спросить.

Блер говорила так, словно старалась использовать как можно меньше слов. Нейт был уверен, что она выпила перед этим разговором.

— О'кей.

— Скажи честно — ты подавал документы в Йель?

Ох ты черт.

Нейт схватил свой бокал с шампанским и снова осушил его залпом. «Твою мать! — выругался он про себя. — Твою мать, твою мать, твою мать!» Что бы он сейчас ни ответил — все равно быть беде. Если он скажет «да» — он будет ублюдком и лжецом, а если скажет «нет» — все равно будет ублюдком и лжецом. Бриджит выжидающе улыбалась ему своими сияющими и ярко накрашенными губами. По крайней мере, Нейт мог утешить себя тем, что Блер была далеко от него, в Джорджтауне, а он ужинал со своим интервьюером из Брауна, которая умирала от желания увидеть его без одежды. Нейт решил сказать правду.

— Да, подавал. И кажется, меня приняли, — сказал бн наконец.

Блер издала странный булькающий звук, и Нейт понял, что она блюет в унитаз.

— Пошел ты, — прорычала она в трубку, прежде чем закончить

разговор.

Нейт отключил телефон и сунул его в карман. Появился официант с лобстером.

— Черт, выглядит аппетитно, — сказал Нейт, в душе думая совершенно обратное.

— Не хочешь разделить хвост? — спросила Бриджит, ловко расправляясь с горячим ракообразным. Она кивнула на щипцы для клешней, принесенные официантом. — Или начнем с клешни?

Все, чего на самом деле хотел Нейт, — еще пару раз затянуться, а затем втоптать огромное ведро шоколадного мороженого «Бреерс», сидя в совершеннейшем коматозе перед «Матрицей», которую он видел уже восемнадцать раз.

Бриджит оторвалась от лобстера.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

Нейт пожал плечами.

— Кажется, моя девушка только что опять порвала со мной.

Бриджит округлила глаза.

— Бедняжка. — Она подозвала официанта. — Мы можем взять это с собой? — спросила она, отодвигая свой стул, а затем снова обратилась к Нейту: — Идем. Я куплю тебе пива и сигарет.

Нейт пытался убедить себя, что пока Блер не было поблизости, чтобы прикончить его прямо на месте, он, по сути, был в безопасности и мог до ее возвращения наслаждаться следующими двадцатью четырьмя часами. Он мог даже позажигать с Бриджит, если бы захотел.

Но правда в том, что его достали постоянные разрывы с Блер, когда они оба знали, что им суждено быть вместе до конца своих дней. И в отличие от Блер ему было наплевать, в каком университете он будет учиться. Честно говоря, он вполне был бы рад обойтись вообще без университета, по крайней мере, еще пару лет. Выходило так, что лучшим способом примириться с Блер было его исключение и из Брауна, и из Йеля.

Насколько он понимал, единственным способом сравнять их с Блер счет было добиться аннулирования его зачисления в Браун и

Йель. А разве есть способ сделать это лучше, чем вести себя как полный козел?

— К черту, — произнес Нейт едва слышно. Он встал и помог Бриджит надеть ее джинсовый жакет, висевший на спинке стула. Его пальцы прошли по ее шее, когда он доставал ее волосы из-под воротника. Они стояли вплотную друг к другу, ее дыхание пахло фруктовым сиропом.

— Как сильно Браун хочет меня? — прошептал Нейт.

Зеленые глаза Бриджит расширились.

— Сильно, — ответила она дрожащим шепотом.

Ключ от ее номера лежал на столе. Нейт взял его и положил в карман.

— Сильно, — вновь прошептала она.

Официант подал Нейту пластиковый пакет с завернутым в фольгу девятикилограммовым лобстером. Нейт поставил его на стол и положил руки на талию Бриджит.

— Покажи мне, — хрипло произнес он, чувствуя отвращение к звуку своего голоса.

Кажется, он говорил не о лобстере.

С ВЫБИРАЕТ НЕПРОТОПТАННЫЕ ДОРОЖКИ

Через полчаса после отъезда из Джортауна Серена попросила водителя остановиться на заправочной станции. Магазин при ней был крошечным и с паршивым ассортиментом, тем не менее, там была кола, батончик «Твикс» и местная газета — все это Серена купила просто так, лишь бы чем-то занять себя, пока она предавалась мечтам о Дрю. На улице, сразу за колонами, стоял парень, державший в руках табличку с надписью «Браун». На нем были потертые джинсы, симпатичная рубашка в бело-голубую полоску и мокасины-доксайдеры на босу ногу. За спиной у него висел черно-фиолетовый рюкзак, из тех, которые люди обычно берут с собой в длительные походы. Его черные кучерявые волосы были чистыми, и выглядел он вполне нормальным.

— Подбросить? — крикнула она.

Парень покрутил головой по сторонам.

— Меня?

Серене сразу понравились его большие и широко распахнутые карие глаза.

— У меня машина, и я еду в Браун. Поехали, если хочешь, — предложила она.

Парень застенчиво улыбнулся и последовал за Сереной к машине. Он сел возле самой двери и поставил рюкзак между собой и Сереной. К рюкзаку был пришит маленький итальянский флаг. Серена пила свою колу и делала вид, будто увлечена чтением газеты. Парень вытащил из рюкзака блокнот и карандаш и стал делать какие-то пометки.

Серена подумала, что он делает домашнее задание или пишет письмо, но затем, затем когда она зевнула и запрокинула голову на спинку сидения, чтобы подсмотреть, что же он там делает, то, к великому удивлению, обнаружила, что он рисовал ее. Если точнее, ее руки.

— Я могу это взять себе, когда ты закончишь? — спросила она.

Парень подскочил, будто и вправду думал, что она ничего не заметит.

— Извини, — сказал он, закрыл блокнот и засунул карандаш за ухо.

— Да ладно. — Серена вытянула руки над головой, а затем положила их а колени. — Я все равно сейчас немного не в себе. Рисуй на здоровье.

Парень опять открыл блокнот.

— Ты не против? — спросил он.

— Не-а. — В конце концов, она была профессиональной моделью. Она села поудобнее и положила руки точно так же, как они лежали до этого. — Так нормально?

— М-м-м, — протянул парень, склонив голову над своей работой. У него была темно-оливковая кожа и крупные черные локоны. От него исходил аромат свежей мяты.

Серена прикрыла глаза, пытаясь вспомнить, какими были волосы Дрю. Она помнила, что его сосед Вейд был рыжим. А Дрю — что-то вроде... темно-русого? Шатена? Она действительно не могла вспомнить. Серена открыла глаза и вновь взглянула на парня. Сзади его загоревшая шея выглядела мягкой и нежной. «Если бы у нас были дети, у них был бы загар круглый год и тот песочный светло-коричневый оттенок волос, который так красиво смотрится на солнце», — размышляла она. А потом в ужасе отвернулась. Что с ней происходит? Она даже имени его не знает!

— Ты учишься в Брауне? — Парень снова поднял глаза.

Взгляд Серены был прикован к окну. Стекло было грязным, и она могла видеть в нем отражение своего попутчика. У него были красиво изогнутые ресницы и удивительно ласковые, как у Бемби, карие глаза.

— Пока нет, но, возможно, буду в следующем году.

Погодите, разве она не собиралась в Гарвард?

— Надеюсь, — тихо сказал он, прежде чем вернуться к своему рисунку.

Серена не могла понять, что на нее нашло, но она явно завелась.

«Что, если я просто возьму и поцелую его?» — думала она. Водитель слушал по радио репортаж о бейсбольном матче; он даже не заметит.

— Знаешь, из тебя бы получилась прекрасная модель для художника, — сказал ей парень. — Ты могла бы позировать на занятиях по рисованию в Брауне. Профессору Кофке всегда нужны хорошие модели.

— Спасибо. На самом деле я уже работала моделью, — начала было Серена, но осеклась, чтобы не создалось впечатления, будто она хочет выпендриться перед ним.

Парень сунул карандаш за ухо.

— Мне совершенно неважно, красива модель или нет. Обычно я рисую только руки, — сказал он.

Серена заглянула ему через плечо. От него и вправду исходил аромат мяты.

— Ты сделал мой руки намного красивее, чем на самом деле. Посмотри на мой большой палец: я совсем его сгрызла! А этот... — она выставила свой левый мизинец. — Взгляни на него!

Но парень не смотрел. Он расстегнул боковой карман своего рюкзака, вытащил сложенный лист бумага и протянул ей.

Серена развернула его. Это была вырванная страница журнала. «Крепкие мышцы за семь дней» — говорил заголовок.

— Переверни, — сказал парень.

Серена посмотрела на обратную сторону. Там была реклама «Слез Серены». И она сама, в желтом сарафане, плачущая среди заснеженного Центрального парка.

— Тебя действительно зовут Серена? — спросил он.

— Да.

Он забрал у нее страницу.

— Я солгал тебе, что рисую только руки. Когда ты подобрала меня на заправке, я подумал, что так не бывает, что мне это снится. Я рисую тебя уже два месяца.

С этой фотографии. И картина еще не закончена. Она в студии, в Брауне. — Он сложил страницу и положил обратно в рюкзак. А

потом протянул руку. — Меня зовут Кристиан.

Серена позволила своей руке задержаться в его ладони. Она должна была бы перепугаться, но на самом деле еще больше завелась.

— Ты не мог бы провести для меня небольшую экскурсию, когда мы приедем? — спросила она. — Я, по идее, должна встретиться со своим братом, но все равно опоздала, да и он наверняка уже в баре или еще где-нибудь.

Эрик не будет возражать, если она забьет на него. Братья и сестры часто забивают друг на друга. Кроме того, Кристиан, наверное, может устроить ей очень интересный тур, нечто большее, чем просто экскурсия.

Да, это уж точно.

Б ВСТУПАЕТ В ЗАКРЫТОЕ СЕСТРИНСТВО

Венгры ушли, и их место заняли три женщины в форме смотрительниц смитсоновского музея, завывавшие Уитни Хьюстон: «And leeeeeeeel will always love you!»

Просто издевательство.

Сразу после разговора с Нейтом Блер подошла к бару и заказала кувшин розовой грейпфрутовой «Маргариты».

— Девчонки, вы спасли мне жизнь, — сказала она Ребекке, Форест, Гэйноу и Френ и поставила кувшин на стол. Девушки, набравшиеся уже почти под завязку, послушно закивали в ответ. Блер села, прикурила сигарету, сделала затяжку и передала ее Ребекке, — Я так рада, что моим гидом оказалась именно ты, а не какой-нибудь лох.

Ребекка передала сигарету по кругу, и помады со всех губ смешались на фильтре в одно липкое пятно сливового цвета.

— В прошлом месяце Форест показывала кампус одному чуваку. Абитуриенту. Декан застукал их в прачечной, когда они практически делали это. После этого ее выгнали из приемной комиссии.

— Заткнись, — попыталась изобразить обиду Форест, хотя на самом деле на ее лице играла самодовольная улыбка.

Блер попыталась представить, какой бы получилась ее поездка, если бы ее гидом оказался парень. Но, с ее-то счастьем, наверняка ей бы попался полный тормоз. Она уставилась на Форест, размышляя о том, стоит ли сказать ей, что она дешевка и что ее выкрашенные в блонд волосы смотрятся пошло, так что нет ничего удивительного в том, что в приемной комиссии не захотели, чтобы она была гидом. Но сейчас Блер была пьяна вдребезг и потому сказала совершенно другое:

— Ну что, среди вас есть девственницы?

Четыре девушки захихикали и начали пихать друг друга под столом. Блер закурила еще одну сигарету, чувствуя раздражение от того, что сама практически призналась в своей девственности перед четверьмя явно невоздержанными девицами.

— Можете не отвечать, если не хотите, — сказала она, не дождавшись ответа.

Ребекка моргнула, пытаясь прийти в себя.

— Да вообще-то, все мы. Понимаешь, мы заключили договор. — Она обвела глазами своих подруг. — В Джорджтауне нет сестринств, но у нас вроде как есть. Мы называем это «сестринством целибата».

Глаза Блер округлились. Она готова была ввязаться во что-то типа культа девственности, и была настолько пьяной, что это казалось ей неплохой идеей.

— Мы, типа, не против позажигать, и все в таком роде. Мы делали все, кроме главного, — пояснила Гэйнор, почесав свой курносый нос. — Мы бережем это до свадьбы.

— Или, по крайней мере, до настоящей любви, — вмешалась в разговор Френ. — Я никогда не выйду замуж.

— И мать и отец Френ женились и разводились по три раза, — добавила Ребекка.

Блер затушила сигарету. К черту Нейта. К черту Йель. В этот момент она хотела только одного — вступить в это маленькое сестринство.

— Я тоже, — призналась она. — Ну, типа, я тоже девственница.

Четыре пары глаз в изумлении уставились на нее. Они не могли поверить, что у такой шикарной нью-йоркской девушки никогда не было секса.

— Ты обязательно должна к нам присоединиться, — сказала Френ хриплым громким шепотом. — И когда ты будешь здесь учиться, мы будем все вместе. Не только до выпуска, а на всю жизнь!

Блер положила локти на стол и нагнулась вперед, готовая действовать.

— Что нужно сделать?

Четыре девушки весело захихикали, они просто обожали свой обряд посвящения.

— Я вступила позже всех, — сказала Форест.

— До этого ее волосы были практически черными, — вставила

Гэйнор.

— Для начала ты дашь нам побрить тебе ноги, — сказала Френ.

— А потом мы покрасим тебя в блондинку, — добавила Ребекка.

И они считали ненормальным сперму на крекере?!

Блер откинулась на спинку стула. Ее жизнь была дерьмом, кроме того, ей всегда было интересно, как она будет выглядеть со светлыми волосами. Она взяла свой напиток и выпила одним махом, с грохотом опустив стакан на стол.

— Я готова, — сказала она своим новым сестрам.

— Ур-а-а-а! — хором завизжали девушки и осушили свои бокалы.

— Если я сейчас что-нибудь не съем, — застонала Ребекка, — меня стошнит.

— Меня тоже, — согласились остальные девушки.

— Надо успеть в аптеку, пока она не закрылась, — добавила Ребекка. — И захватить сухариков или чего-нибудь еще.

Ням-ням! Может, они еще сушеной рыбки захватят?

Блер схватила свою сумку и, изрядно покачиваясь, встала.

— Кто последняя в такси, та бухая конченная целка.

Пять девушек взялись за руки и нетвердой походкой направились в ночь.

Вопрос: Даже если они твои новые лучшие подруги, дашь ли ты четверем бухим конченным целкам побрить тебе ноги и покрасить волосы?

ДВОЕ — КОМПАНИЯ, ТРОЕ — ТОЛПА

— Это потрясающе, — восторгался Дэн, наблюдая за варившимися в кастрюле спагетти. Он взглянул на Ванессу, стоявшую рядом и нарезавшую лук на разделочной доске. Слезы от лука струились по ее лицу. Он поцеловал ее влажную щеку.

— Посмотри только на нас.

Ванесса засмеялась и поцеловала его в ответ. Да, жить вместе таки было весело. Руби уехала рано утром, и с помощью одного, правда забитого под завязку, такси Дэн сумел переехать на новое место. День они провели, затариваясь продуктами и дурацкими маленькими штучками для квартиры, вроде магнитов на холодильник в виде камушков и черного постельного белья с нарисованными на нем неоновыми зелеными НЛО. А теперь они вместе готовили кулинарные шедевры, как настоящая, живущая вместе пара.

Если, конечно, спагетти с луком и готовым соусом можно назвать кулинарным шедевром.

Дэн скользнул одной рукой Ванессе под рубашку, а другой выключил конфорку. Ужин подождет. Прижавшись друг к другу, они, пошатываясь, вышли из кухни в гостиную и упали на футон (матрас в японском стиле для сна на полу) Руби, который теперь служил им диваном. От него все еще пахло духами «Пуазон» от Кристиана Диора и тем лакричным чаем, который постоянно пила Руби, но теперь он принадлежал только им и они могли заниматься сексом на нем когда угодно.

— Что будем делать в понедельник, когда оба не захотим идти в школу? — произнесла Ванесса, пока Дэн покрывал поцелуями ее руку.

Руки Ванессы пахли луком.

— Прогуляем? О поступлении в колледж нам больше не нужно заботиться, — ответил Дэн.

Она вытащила пояс из брюк Дэна и хлестнула его по заднице.

— Плохой мальчик. Помнишь, что сказал твой папа? Если

оценки станут хуже, тебе придется вернуться домой.

— Эй, а это приятно, — пошутил Дэн.

— Да что ты? — засмеялась Ванесса и снова шлепнула его ремнем, на этот раз чуть сильнее.

В этот момент в комнате кто-то чихнул.

Дэн и Ванесса отскочили друг от друга, перепугавшись до смерти. На пороге стояла девушка. Фиолетово-черные спутанные волосы. Черные шорты. Черная порванная футболка фестиваля «Оззфест». Черные гольфы. Черные высокие конверсы (спортивная обувь). В руках она держала что-то вроде кирки и армейский вещмешок.

— Не против, если я войду? — она закрыла за собой дверь. — Меня зовут Тиффани. Руби говорила, что я здесь поживу?

На самом деле Руби ни словом не обмолвилась о подруге, приезжающей погостить, но, опять-таки, в этом нет ничего удивительного, ведь Руби была достойна звания самого неорганизованного существа на этой планете. Ванесса отодвинулась от Дэна.

— Руби сегодня уехала в Германию, — сказала она. В этот момент до нее дошло, что Тиффани сама открыла дверь. — У тебя что, есть ключ?

— Я раньше жила здесь, — пояснила Тиффани. — Мы с твоей сестрой какое-то время были соседками. — Она прошла в комнату и положила свои вещи на футон. Потом нагнулась и открыла сумку. Из нее высунулась маленькая голова с глазками-бусинками и усами. Тиффани взяла непонятное существо в руки и прижала к груди, как ребенка.

Дэн побледнел. «Это» было похоже на крысу.

— Что это за зверь? — заинтригованно спросила Ванесса. Руби никогда не говорила о Тиффани, но до того, как родители позволили Ванессе уехать из Вермонта и присоединиться к ней, она год жила в Уильямсберге. Наверняка за это время произошло много такого, о чем Ванесса не знала.

— Это хорек, а зовут его Пьянь. У него проблемы с отходом газов, и он, типа, любит грызть книжки. Но он спит со мной каждую

ночь, свернувшись клубочком, и вообще — он такой лапочка. — Тиффани прижала хорька к своему подбородку. — Хочешь поддержать?

Ванесса взяла зверька в свои руки. Хорек смотрел на нее своими коричневыми глазками-бусинками.

— Разве не прелесть? — спросила Ванесса, улыбнувшись Дэну. Тиффани казалась ей гораздо прикольнее и интереснее, чем все, с кем она училась в школе, это уж точно.

Однако Дэну было не до улыбок. С тех пор как он получил письма из колледжей, он буквально парил в небесах. Его взяли в университет, они с Ванессой опять были вместе. Они жили под одной крышей. Все было просто замечательно. Тиффани в этот сценарий не вписывалась.

— А это зачем? — спросила Ванесса, указывая на кирку.

Тиффани подняла ее и повертела в руках. А потом опять приставила к стене.

— Для работы, — сказала она. — Я занимаюсь строительством. Разрушением, в основном. У меня сейчас большой заказ от Бруклинского судостроительного завода, и я вроде как бездомная. Так что Руби молодчага, что позволила мне перекантоваться здесь. Ванесса обернулась к Дэну.

— Спагетти, — настойчиво сказал она.

Дэн встал и потопал на кухню. Он открыл банку соуса, перелил его в соусницу, добавил лук и включил конфорку на полную мощность. Потом пересыпал горячие спагетти из кастрюли в дуршлаг в раковине. И вытащил из шкафчика три миски.

— Кажется, все, кто хочет, уже могут есть, — позвал он.

— Умираю с голоду. Кстати, у меня есть маленький подарочек для нас всех. — Тиффани порылась в своей сумке и вытащила наполовину пустую бутылку «Джека Дэниелса». Она плеснула немного виски в крышку и поднесла ее Пьяни.

— У него от этого стоит, — сказала она Ванессе и сделала глоток из горла.

Ванесса отдала ей хорька и пошла помогать Дэну.

— С тобой все в порядке? — шепнула она.

Дэн не ответил. Он насыпал в чашку растворимого кофе и залил горячей водой прямо из-под крана. Тиффани отпустила Пьянь, зверек понесся к блокнотам с поэзией Дэна и принялся их обгрызать.

— Нет! — заорал Дэн, запустив ложкой в маленького пакостника.

— Эй, не ори на него! — закричала Тиффани, схватив Пьянь и прижимая к груди. — Он же просто ребенок.

Ванесса поставила ей миску со спагетти.

— Дэн — поэт, — сказала она так, будто это все объясняло.

— Это я вижу, — произнесла Тиффани без намека на сожаление. Она взяла свою миску и села на футон.

Пьянь сидел у нее на коленях, держа лапки на краю тарелки и громко всасывая спагетти.

Внезапно вся квартира наполнилась запахом тухлых яиц, скисшего молока и горячей серы. Тиффани прикрыла рот рукой и хрюкнула:

— Упс! Пьянь перднул!

Отличный способ убить веселье.

— Господи! — Дэн схватил кухонное полотенце и прижал к лицу.

— Да ладно тебе, — сказала Ванесса, зажав пальцами нос. — Не все так плохо. А она милая.

Дэн уставился на нее из-за полотенца. Он физически ощущал, как с огромной скоростью падает с небес, и был разочарован оттого, что его способна так раздражать девушка, которая, в общем-то, казалась довольно милой в своей сумасшедшей хорькообожаяющей манере.

Он отбросил полотенце, положил себе немного спагетти и пересел на другой конец футона.

— Ну, — начал он, попытавшись завязать разговор, — где ты учишься?

Тиффани захихикала и накрутила спагетти на вилку.

— В школе жизни, — радостно ответила она.

— Круто, — отозвалась Ванесса. — Ты должна дать мне интервью для моего фильма.

— Круто, — повторил Дэн слишком уж нарочито.

Хотя, наверное, это не так уж и круто.

Примечание: Все настоящие имена, названий мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Где наше место?

Задумывались ли вы над тем, какой была бы ваша жизнь, если бы вы ходили в другую школу в другом городе и имели совершенно другой круг общения? Вы, скорее всего, выглядели бы совершенно не так, как сейчас: говорили не так, одевались не так. Вы бы по-другому проводили свободное время, слушали бы другую музыку. Так вот, это именно то, что стоит за вопросом выбора колледжа. Конечно, и родители, и учителя будут говорить, что главное не то, куда вы пойдете, а то, как вы себя будете вести. Я уверена, это отчасти правильно. Но если я не впишусь в какой-нибудь университет потому, что там все носят джинсы «Севен», а не «Блю Культ» или считают, что носить с собой повсюду пушистого щенка карамельного оттенка в специальной сумке Бёрберри — претенциозно, я хочу знать это сейчас. Не то чтобы джинсы или собачка были главным в девушке. Но... на самом деле оно в некотором роде так и есть.

С другой стороны, если кто-то из нас случайно совершил или вот-вот совершит социальное самоубийство, колледж предоставит нам чистый лист бумаги, чтобы возродить себя. И похоже, некоторые из нас станут звездами возрождения. Помните мальчика, который не попал никуда! Его отцу пришла гениальная мысль, что военное училище подойдет как нельзя лучше. Еще четыре года формы. Никакой «Прада». Стрижка под ноль. И больше никаких монограмм!

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Я учусь в Джорджтауне и уверена, что видела эту Б, о которой ты вечно пишешь, тусующейся с этими жлобихами в жлобском караоке-баре, куда только жлобы и ходят, и она отрывалась там по полной. Они нажрались в хлам, а в кампус их отвозил какой-то скользкий тип на «лексусе».

— цру

Дорогая цру,

Я вижу зависть в твоём письме, не так ли? Чем эти так называемые жлобихи тебе так насолили? Думаю, это прекрасно, что Б решила развеяться и завести новых друзей.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Я думала, Н уже попал во все колледжи Лиги Плюща, но тут, ужиная в ресторане с родителями, я увидела его с женщиной, которая проводила со мной собеседование в Брауне, и было похоже, что они вроде как собираются уединиться. Что за фигня?

— селест

Дорогая селест,

Хороший вопрос. Может, он боится, как бы в Брауне не передумали. А может, ему надоело, что сама-знаешь-кто постоянно посылает его.

— Сплетница

Под прицелом

Дж с личным консультантом по шоппингу в «Блумингдейлс» опять пытается подобрать себе белье. По крайней мере, она наконец обратилась за помощью к профессионалу — слава тебе господи! Н и сотрудница приемной комиссии Брауна вместе поднимаются на

лифте в отеле «Уорвик Нью-Йорк». Дайте угадаю: она хочет назначить новое собеседование. Б и четыре пьяные блондинки в аптеке «Уолгрин», в Джорджтауне, покупают одноразовые бритвы и краску для волос цвета блонд. С лежит на крыше художественной студии в Брауне и считает звезды с каким-то мачо. Боже, эта девочка знает, как себя занять! Д, В и какая-то взрослая девушка с черно-фиолетовыми волосами и крыской в кофейне Уипьямсберга пьют эспрессо. Похоже, Д легко вписался в местное общество. Чувствую, эта ночь будет длинной и сумасшедшей — что, в общем-то, не странно. Пейте утром побольше «Ред Булла» и «Гаторейда», и к понедельнику вы будете как новенькие. Умираю, как хочу услышать все подробности!

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

— Кажется, мне повезло, что я уже в Брауне, а? — самоуверенно сказал Нейт. Он раскурил только что скрученный косяк, затянулся и передал его Бриджит. Затем он встал, натянул брюки и подошел к окну. Окно номера Бриджит в отеле «Уорвик Нью-Йорк» выходило на вентиляционную шахту. Комната была еще ничего, если, конечно, вас устраивают цветочные узоры и коричневый ковер, но «Плазой» тут и не пахло.

— В этой дыре кофе вообще подают? — спросил он.

Бриджит сидела на кровати абсолютно голая, прикрываясь одним одеялом.

— Внизу есть ресторан, но они берут пять баксов за чашечку кофе.

Нейт обернулся.

— И? — Он хотел дать понять Бриджит, что эта ночь была ужасной ошибкой. Как и его прием в Браун.

Она положила косяк на край стеклянной пепельницы.

— Знаешь, я обычно такого не делаю, — сказала она, пробежав своими зелено-голубыми глазами по его телу, словно пытаясь разгадать, что у него на душе.

Нейт открыл деревянный шкафчик напротив кровати, включил телевизор и уставился в новости на спортивном канале, всем своим видом демонстрируя равнодушие к Бриджит.

— Ты мне нравишься. Ты ведь понимаешь это, да? — спросила Бриджит, прожигая взглядом его спину. — И мы сделали это потому, что на самом деле нравимся друг другу?

Нейт не отвечал.

Бриджит натянула одеяло до подбородка.

— Ты же никому не расскажешь об этом в Брауне? — спросила она.

Он выключил телевизор и бросил пульт на кровать. Теперь Бриджит явно беспокоилась, а именно этого он и добивался.

— Может быть, — сказал он. — А может, и нет.

Она закусила губу. Ее рыжеватые, светлые волосы торчали во все стороны.

— Твой прием будет аннулирован, — попыталась припугнуть Бриджит.

То, что нужно. Нейт всунул ноги в туфли и натянул не до конца расстегнутую рубашку через голову.

— И меня могут уволить, — продолжила Бриджит.

Он взял из пепельницы косяк и глубоко затянулся, а затем лениво бросил:

— Мне пора. — Нейту предстоял завтрак с тренером из Йеля, и до этого он хотел успеть сделать хоть что-то полезное — а именно обкуриться. Он затушил косяк двумя пальцами и положил его в карман. — Наверное, стоило ограничиться лобстером, — сказал он, застегивая рубашку.

Бриджит беззвучно открыла рот. Ее глаза покраснели, будто она вот-вот расплачется.

— И это всё? — выдавила она наконец.

— Всё, — ответил Нейт, повернулся к двери и молча вышел.

Пока-пока!

В коридоре он нажал на кнопку лифта и прижался головой к стене. Никогда до этого он не был таким негодяем — во всяком случае, преднамеренно — и потому чувствовал себя ужасно. Все же он сделал это только ради Блер. Он никогда бы не пошел до конца и не допустил бы увольнения Бриджит. Все, что ему было нужно, — письмо из Брауна, где было бы сказано, что они не принимают его.

Вероятно, после своего маленького представления он действительно его получит.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, ЧАСТЬ 3

— Клин клином, сестра.

Блер открыла один глаз и увидела Ребекку, в одной руке которой был огромный бокал «кровавой Мери» с веточкой сельдерея и ломтиком лимона, а в другой — розовая соломинка. Вытравленные волосы Ребекки были уложены, на ней был розовый махровый костюм «Джуси кутюр», а на глазах — ядерно-голубая подводка.

Клин клином. Идеальное выражение для того, как чувствовала себя в этот момент Блер — как грязный, основательно побитый кувалдой клин. Она попыталась сесть, но тут же застонала и упала обратно на надувной матрас. Голова горела. Ноги зудели. Она странно пахла. Что с ней не так?

Без комментариев.

— Клянусь, ты почувствуешь себя намного лучше после того, как выпьешь это. — Ребекка опустилась на колени и погладила Блер по голове, как мама, которая хочет теплым бульоном накормить больного ребенка. — Это наш собственный секретный рецепт.

Убедительный аргумент.

Блер села и, зажмурив глаза, выпила густую красную жижу. На вкус — как водка, в которую намешали картофельных чипсов.

Фе-е-е!

— Твои волосы будут выглядеть гораздо лучше, когда немного отрастут, — сказала Ребекка. — И тебе стоит так же покрасить брови.

Блер совершенно забыла о волосах. Она знала, что теперь она — блондинка или, по крайней мере, нечто вроде блондинки, но она не могла заставить себя посмотреть на это до того, как окажется дома, недалеко от салона Элизабет Арден Ред Дор. Ребекке придется одолжить ей шапочку.

В комнате, где жили ее новые подруги, было две двухъярусные кровати, стоявшие друг напротив друга, так что девочки могли болтать и веселиться всю ночь напролет. Сейчас они пустовали.

— А где остальные? — прохрипела Блер. Ей казалось, что ее рот

был залит лаком для ногтей.

— Покупают рогалики, — ответила Ребекка, завязывая волосы в тугой хвост. — Каждое воскресенье мы едим рогалики и говорим о парнях, с которыми мы могли переспать накануне, но не переспали.

Очень весело.

У Блер было слишком сильное похмелье, чтобы обсуждать рогалики или парней.

— Мне пора домой, — пробормотала она. Дома она могла бы растянуться на кровати, смотреть старые фильмы и уплетать круассаны, которые принесет Миртл. Она могла бы написать Нейту гневное письмо. И ей бы не пришлось смотреть на кошмарного пасхального кролика из презервативов «Лайф стайл», которого девчонки прицепили к потолку.

— Ты не можешь уйти, пока они не вернутся, — возразила Ребекка. Она присела на койку, расстегнула розовый маникюрный набор и стала чистить ногти на ногах.

— Мы должны научить тебя нашему особому приветствию.

В этот момент Блер решила, что если и будет когда-нибудь жить в общежитии, то у нее однозначно будет отдельная комната. Ни за что на свете не будет она просиживать дни с девчонками, ковыряющимися в ногтях или делающими кроликов из презервативов. Она ходила в школу для девочек с первого класса — девчачьего общества ей вполне хватило, спасибо.

Она поднялась на ноги и попыталась оставаться спокойной, не обращая внимания на голубую ночнушку с мультяшными «Крутыми Девчонками», которую одолжила ей Гэйнор. Блер необходим был душ, а потом — домой. Хотя к черту душ. Душ обычно находится в ванной, а в ней есть зеркала. А видеть свое отражение Блер сейчас хотелось меньше всего на свете.

Она натянула джинсы, вздрагивая от прикосновения грубой ткани к ободранным ногам, а затем натянула через голову белую льняную блузу, чувствуя себя слишком мерзко для такой хорошей вещи, и повесила ночнушку на спинку чьего-то стула.

— Мне нужно уходить сейчас, — решительно заявила она. На полу лежала серая джорджтауновская бейсболка. — Это твоя? — спросила она у Ребекки.

— Бери, — щедро предложила Ребекка.

Блер подняла кепку и надела ее на голову.

— Передай от меня всем спасибо и пока, — слабо произнесла она.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетели Форест, Гэйнор и Френ, в руках у которых были пакеты с теплыми, свежеиспеченными рогаликами и горячими чашками кофе. Желудок Блер сжался от тошноты и голода одновременно.

— О господи, ты уезжаешь?! — закричала Форест. Она бросила пакеты и кинулась к Блер и Ребекке. — Девчонки, время обнимашек!

Блер сжала зубы как можно плотнее, так как рвота могла вырваться в любой момент. Она встала слишком быстро. А может, ей не стоило пить «кровавую Мери».

Или позволять четверем пьяным девицам брить ей ноги и портить волосы.

Девочки встали в тесный круг, взявшись за руки. Блер оказалась между Ребеккой и Форест, от смеси их духов ее затошнило еще больше.

— Что мы говорим?.. — хрипло прошептала Френ.

Это прозвучало так, словно они вслед за этим собирались затянуть какой-то церковный гимн.

«Что мы говорим, когда он говорит: „Давай, ты знаешь, чего ты хочешь“? — запели четыре девчонки. — Мы говорим: „Перебьешься, придурок“?»

Девчонки нагнулись в круг, сомкнув свои светловолосые головки.

— Нет любви — нет секса. Дружба сейчас и навсегда! — прокричав это, они отскочили в разные стороны, подпрыгивая, как девушки из групп поддержки.

— Мне пора, — пробормотала Блер, в сотый раз чувствуя приступ тошноты. Она пошла к двери, надеясь как можно быстрее добраться до туалета, но было уже поздно. Она быстро сняла с головы кепку и выблевала в нее.

— Я вызову тебе машину. — Ребекка схватила телефон и быстро

набрала номер. — Мы не хотим, чтобы ты опоздала на самолет.

Сестринство — это хорошо, но никому не нужна больная сестра, блюющая в их комнате.

— Вот, — Френ протянула Блер свою голубую бейсболку с белой буквой «Y» на ней. Бейсболка из Йеля. — Можешь забрать мою.

Блер взяла кепку и вошла в ванную. Ей достаточно было одного взгляда в зеркало, чтобы точно понять необходимость кепки. И очков. И новой жизни в целом.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, ЧАСТЬ 4

— Он собирается по утрам целую вечность, даже несмотря на то, что он всегда, ну знаешь, выглядит так, — услышал, проснувшись, Дэн голос Ванессы. Он лежал на спине в ее кровати и слушал доносившиеся с кухни голоса.

«Выглядит как?» — молча спросил сам себя Дэн.

— Эй, знаешь, сколько времени требуется, чтобы достичь совершенства в полузаправленной рубашке? — ответила Тиффани. Ванесса что-то ответила, что Дэн не услышал, и девчонки залились смехом.

Тиффани готовила яйца-пашот в микроволновке. А Ванесса держала камеру на плече.

— Так ты все-таки скажи, почему ты не захотела идти в колледж? — спросила она.

Тиффани завязала свои фиолетово-черные волосы в узел и достала из шкафчика тарелку.

— В общем-то, это было не совсем решение. Я просто так и не удосужилась подать заявления.

— И чем же ты занималась, когда все остальные пошли учиться?

Тиффани положила два кусочка хлеба в тостер и распахнула все шкафчики в поисках ножа.

— Ну, где-то около года я просто расслаблялась, — ответила она. — Поехала во Флориду. Жила на пляже и делала пирсинг всем желающим. Потом немного поработала официанткой на круизном лайнере. После этого ушла с лайнера и свалила в Мексику, где красила дома. Ну а потом вернулась и начала работать на строительстве. — Тиффани усмехнулась и слизала кусочек масла с ножа. — Это было потрясающее путешествие.

— Ого, — поразились Ванесса. Тиффани, по-видимому, была самым интересным и оптимистичным человеком из всех, кого она знала. Ванесса чувствовала, что влюбляется в нее. Не в сексуальном, а в хочу-быть-точно-такой-же плане.

— А если бы у тебя была возможность все изменить, ты бы пошла в колледж? — спросил Дэн, выходя из спальни. На нем была застиранная красная футболка и белые семейные трусы, волосы на голове были всклоочены.

— Привет, соня, — сказала Тиффани, игнорируя вопрос.

— Привет, соня, — произнесла Ванесса с точно такой же интонацией. — С тобой все в порядке?

— Все замечательно. — Дэн потянул за футболку. — Вы, ребята, только встали?

— Мы не спим уже какое-то время, — неопределенно ответила Ванесса.

Тиффани достала яйцо из микроволновки, положила его на тост и понесла тарелку в гостиную. На футоне под одеялом комочком свернулся спящий хорек. Тиффани вставила диск в музыкальный центр и увеличила громкость. Это было что-то звучное и резкое, Дэн раньше никогда не слышал такого. Однозначно не утренняя музыка. Тиффани протанцевала к Ванессе и взяла ее за руки. К удивлению Дэна, Ванесса начала скакать и трясти задницей в такт музыке.

Опа!

Ванесса никогда не танцевала. Ни за что. Чем это Тиффани ее накормила?

Пока Тиффани и Ванесса танцевали, Пьянь выбрался из-под одеяла и понесся к новым голубым с золотом кроссовкам «Пума» Дэна, припаркованным у входной двери. Он принялся к ним несколько раз, развернулся и стал писать.

— Эй! — закричал Дэн, рванувшись на спасение кроссовок.

— Пьянь! Детка, все в норме. Иди к мамочке. — Тиффани наклонилась и протянула руки к зверьку. — Не бойся.

Ванесса, с покрасневшими от танца щеками, присоединилась к ним.

— Ох, Дэн. Ты напугал его.

— Никого я не пугал. — Дэн гневно махнул рукой. И добавил: — Иди к мамочке, маленькая зараза.

В его голове уже рождался новый стих: «Убить Пьянь».

БОЛЬШОЙ ДЕБЮТ ДЖ

— Девочки, встаньте в ряд. По порядку, пожалуйста! — кричал Андре, ассистент фотографа.

Было одиннадцать часов воскресного утра. Дженни появилась в студии больше часа назад, после того, как встала в шесть и три часа провела за сборами. Она приняла душ, уложила волосы и нанесла макияж. Трижды. В первый раз она перестаралась, во второй — выглядела просто страшно, а в третий — благоразумно решила пойти вообще без макияжа, ведь, в конце концов, это была работа стилиста.

Съемка проходила в той же студии, что и кастинг. На этот раз белая ширма и красная кушетка исчезли, их заменили искусственная трава, покрывавшая пол, и волейбольная сетка над ней. Уже на месте Дженни обнаружила, что она была не единственной «моделью». Вместе с ней было еще пять девушек, и все они выглядели... моделями. Стилист передел ее в синий спортивный лифчик «Найк» и такие же лайкровые шорты. Он собрал ее волосы в хвост и нанес немного прозрачного блеска для губ. Дженни подумала, что такой прикид годится скорее для тренажерного зала, чем для фотосессии, но потом заметила, что другие модели одеты точно так же.

— Постройтесь в линию перед сеткой. Быстрее, девочки. Это же не высшая математика, — ворчал Андре.

Так как Дженни всегда была самой низкорослой, она встала в конце ряда, сразу за плоскогрудой девушкой, которая была выше ее всего на несколько сантиметров. Но Андре подошел к ней, потащил за руку в другой конец шеренги и поставил перед высокой девушкой с почти такой же грудью, как у Дженни. Потом он передвинул еще нескольких девушек.

— Вот так, — крикнул фотограф, размахисто вышагивая перед девушками. Он почесал свою бородку, изучая линию.

— Попробуйте положить руки друг другу на талию, — распорядился он.

Девушки так и сделали.

— Нет, слишком напоминает группу поддержки. Отойдите друг от друга и положите руки на бедра. Ноги на ширине плеч. — Он

поднял камеру и посмотрел в объектив. — Плечи назад, подбородки вверх... это все, — распоряжался он, щелкая, фотоаппаратом.

Дженни изо всех сил старалась выглядеть сильной и смелой, готовой к преодолению преград, такой, какой, по ее мнению, должна быть модель «Найк». У нее не было мышц скалолаза или бегуна, но их не было и у остальных.

— Для чего это вообще? — шепнула она своей соседке.

— Для какого-то журнала для девушек, — ответила та и спросила у фотографа: — Какое выражение лица нам сделать?

— Без разницы, — ответил фотограф, встал на табуретку и продолжил съемку.

Дженни расслабила свое готовое-к-преградам лицо. Что значит «без разницы»? Она закрыла глаза и надула губы.

— Молодец, коротышка! — крикнул фотограф.

Дженни распахнула глаза, совершенно запутавшись. Она показала зубы и сморщила нос. Потом выставила язык.

— Превосходно! — отреагировал фотограф.

Дженни хихикнула. На самом деле это было гораздо веселее, чем пытаться выглядеть красивой и соблазнительной. По крайней мере, можно проявить себя. И впервые в жизни перед камерой — в одном спортивном лифчике — она совершенно забыла о своей груди.

А это — чудо уже само по себе.

ЙЕЛЬ ХОЧЕТ УВИДЕТЬ И В БАНДАЖЕ

— Как оно, тренер? — небрежно спросил Нейт. В «Сарабетс», где тренер Йеля заказала столик, он пришел, опоздав на сорок минут. — Извините, я опоздал. До сих пор отходняк после вчерашней ночи.

С тех пор как Нейт ушел от Бриджит, он выкурил еще два косяка. Теперь его глаза напоминали крохотные щелочки, а с лица не сходила дурацкая улыбка.

В «Сарабетс» было много света, цветов и модных мамаш с детками и мужьями, читающими воскресные газеты. И буквально все здесь источало аромат кленового сиропа.

— Присаживайся, — указала тренер на место напротив. Грива ее светлых волос спадала на плечи, ее губы были накрашены красной помадой, на ней был какой-то серебристый топ. Она была похожа на старшую, давно пропавшую сестру Джессики Симпсон. —

Хорошая кепка, — добавила она с улыбкой.

На голове у Нейта была бейсболка с эмблемой, которую тренер подарила ему при первой встрече.

— Я и бандаж надел, — сказал он, изо всех сил пытаюсь сохранить невозмутимый вид. Играть роль негодяя ему удавалось все лучше и лучше. Он взял кекс из стоявшей на столе корзинки и целиком запихнул себе в рот. — Твою мать, я голоден как собака, — добавил он с набитым ртом.

— Ешь сколько угодно, — великодушно позволила тренер. — Я привыкла к команде голодных парней.

— Хм, — промычал Нейт. Это оказалось сложнее, чем он предполагал. Он взял руками целый кусок масла и запихнул его в рот, вдгонку к кексу. — Скажите, и почему я должен хотеть играть с этими хиляками, в конце концов?

Тренер пригубила свою «мимозу».

— Я вижу, ты из тех, кто любит трудности, — сказала она. —

Иначе тебе становится скучно. Ты совершаешь поступки, о которых потом сожалеешь. Моя задача — надрать тебе задницу, и обещаю, я буду это делать.

Нейт с трудом проглотил масло. Неудивительно, что команда Йеля так хорошо играла в этом году. Надо признать, он был впечатлен. Но, опять-таки, убедить его выбрать Йель — миссия тренера, единственная причина ее приезда в Нью-Йорк. А его миссией было разубедить ее.

Возможно, он избрал ошибочную тактику. Нейт вытер губы и посмотрел своими неотразимыми зелеными глазами в голубые глаза тренера.

— Вам говорили, что вы сексуальна? — сказал он, потянулся под столом к ноге тренера и положил на нее свою руку.

Тренер спокойно и уверенно улыбнулась.

— Мне часто говорят это, особенно моя команда.

Внезапно Нейт почувствовал дикую боль в руке.

— Твою мать! — заорал он, отдергивая руку и прижимая ее к коленям. Тренер проткнула ее своей вилкой. Он истекал кровью!

— Должна признать, ты меня привлекаешь, — сказала тренер, оставаясь совершенно спокойной. — Ты симпатичный мальчик. Но мне придется удовлетвориться только твоим видом в этом бандаже в раздевалке следующей осенью. — Она порылась в сумке и дала ему пластырь. — Договорились?

В этот момент Нейт понял, что Йель — это место как раз для него. А если и Блер туда попадет? Тогда они будут вместе учиться в Йеле и жить долго и счастливо до конца своих дней. Может быть, и Серена тоже туда пойдет, и они все втроем будут жить долго и счастливо до конца своих дней.

Слишком неправдоподобно.

— Договорились, — ответил он и подозвал официанта. Он заказал пиво и улыбнулся тренеру той самой самоуверенной, обкуренной улыбкой, от которой у девчонок текли слюни, а учителя ставили ему отличные отметки А вместо заслуженных С.

Тренер провела пальцем по зубцам своей вилки.

— Думаю, мне понравится иметь тебя в своей команде, — сказала она.

А нам всем понравится видеть его в бандаже.

ЙЕЛЬ ПЕНИЕМ ПРОКЛАДЫВАЕТ ПУТЬ К СЕРДЦУ С

Гид, который должен был сопровождать Серену, отсутствовал, что было неудивительно, учитывая ее опоздание на час.

— Приходи в три, — сказала женщина за стойкой администратора. — Будет экскурсия.

Серена вышла из центра посещений Йеля — исторического белого здания с черными ставнями — и размышляла, чем же ей теперь заняться.

— До, ре, ми, фа, соль, ля, си, до! — пропел где-то вдали хор мужских голосов.

— Ля, ля, ля, ля! — вновь пропели голоса.

Серена последовала туда, откуда раздавались эти удивительные голоса — вниз по Элм-стрит к величественной Баттельской часовне. Дойдя до часовни, она увидела группу молодых людей, выстроившихся перед арочным входом и упражнявшихся в пении. Она слышала об «Уиффенпуфах» — йельской мужской группе а капелла, но никогда не слышала, как они поют. И не имела понятия, насколько они хороши!

Неожиданно хор запел «Ночной поезд в Джорджию». Серена присела на нижнюю ступеньку, надеясь, что они не будут возражать, если она останется их послушать. И посмотреть — на веселого светловолосого тенора в первом ряду, который все время выступал вперед и исполнял короткие соло; на стоявшего позади мускулистого регбиста, у которого был самый глубокий баритон, который она когда-либо слышала; на веснушчатого ботана, который только что добился признания; на высокого, бледного, худого паренька с восхитительным английским акцентом и невероятно стильными туфлями по моде 1940-х годов.

Серене захотелось подняться и спеть свое собственное маленькое соло: «мальчики Йеля, мальчики Йеля. Ням, ням, ням!»

Певцы взяли последнюю длинную мелодичную ноту, они даже приподнялись на носки, чтобы вытянуть ее. А затем светловолосый

тенор, напевая, спустился по ступенькам к Серене. Подойдя к ней, он опустил на колени, поднял на нее глаза и пропел: «Раз, два, три... Красавица, ты влюбишься в меня?»

Серена захихикала. Он прикалывается?

«Красавица, ты станешь мне ближе, чем семья?» — подхватил регбист с верхней ступеньки.

«Красавица, ты потратишь на поцелуи со мной полдня?» — пропели в унисон остальные.

Серена покраснела и села на ступеньку. Теперь-то она поняла, почему Блер так хотела попасть в Йель!

«Сегодня — воскресенье, сегодня мы поем, а не говорим. Прекрасный день. Ты не прогуляешься со мной?» — пел светловолосый тенор, взяв ее за руку.

Серена даже немного засмушалась. Слишком уж это было самонадеянно — вот так вот подойти к ней и спеть серенаду. Молодой человек, видимо, понял, о чем она думает.

— Меня зовут Ларе, я учусь на втором курсе, — прошептал он так, словно боялся, что его товарищи услышат, что он говорит, а не поет. — Это была просто импровизация. Мы постоянно так делаем.

Серена немного расслабилась. У Ларса были поразительные глаза цвета морской волны и крошечные веснушки на переносице. А еще на нем были точно такие же желто-коричневые туфли «Кампер», какие она подарила своему брату на прошлый день рождения.

— Я пропустила свою экскурсию, — призналась она.

«Я буду твоим гидом, нет проблем», — пропел в ответ Ларе.

Серена посмотрела на старый Йельский кампус. На зеленой нью-хейвенской траве группа девочек играла во фрисби, а вокруг них виднелись острые окна старинных студенческих общежитий. Это было то место, о котором можно было только мечтать.

«Красавица, мы все будем твоими гидами», — хором пропели «Уиффенпуфы».

Серена снова рассмеялась и позволила Ларсу поднять себя на ноги. Если в Йеле ее так хотели, они могли ее заполучить!

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Малоизвестные факты

(или широко распространенное вранье)

В Джорджтауне существует организация проституток, которая маскируется под сестринство целибата. Это строго засекреченная группа, существующая уже полвека.

Серийная убийца, с ручным хорьком и экзотическим именем, вроде Фантазии или Тинкербелл, разгуливает по городу. Любимое оружие: кирка. Хитрая мошенница выдает себя за сотрудницу приемной комиссии Брауна, принимая студентов и собирая оплату. Когда студенты приезжают осенью в университет, там о них ничего не знают. На сегодняшний день властям не удалось выследить мошенницу.

В последнем номере журнала «Удовольствие» опубликована статья под названием «Размер груди имеет значение?» Вы думаете то же, что и я? Как стало известно, кафедра искусств Брауна поет дифирамбы своему молодому профессору, прибывшему из Венесуэлы, который специализируется на абстрактных изображениях деятелей поп-культуры, особенно деятелей молодежной поп-культуры. Опять-таки, вы думаете то же, что и я? Конечно, все это может быть полной чушью.

ВАШИ ПИСЬМА

Дорогая Сплетница,

Как это у тебя нет стресса из-за выбора колледжа? Я начинаю думать, что ты на самом деле, типа, восьмиклассница, и у тебя просто есть старшая сестра или брат, и от них ты узнаешь обо всем.

— птичка

Дорогая птичка,

Как же мне нравится, что все тратят столько времени на мысли обо МНЕ. Может быть, я стану одной из тех поп-икон, о которых пишут докторские диссертации, вроде Мадонны? Все же я скажу это: «Восьмиклассница? Помним, помним, проходили».

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Меня выперли из Брауна еще до начала моего первого курса. Я на самом деле удивился, когда они меня взяли, ведь я закончил школу с оценками D по всем предметам. Короче, оказалось, что я не поступил реально. Меня втянули в эту аферу, когда кто-то принимал детей в колледж и брал деньги родителей, а в университете об этом даже не знали. Теперь я мальчик на побегушках в гольф-клубе моего папы.

— клюшка

Дорогой клюшка,

Честно говоря, я надеюсь, ты просто скучающий планокур на побегушках, вроде тех, что работают в гольф-клубе МОЕГО папы, который любит постоянно рассказывать историю о том, как его приняли в Браун, а потом выгнали. Занятно. Я могу только надеяться, что это не произойдет со мной и моими друзьями.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

не могла бы ты объяснить разницу между девушкой, которой просто нравится тусоваться с разными парнями, и шлюхой? птм что я знаю: я могу казаться шлюхой, но что такого в том, чтобы иметь много друзей-мальчиков? никто из них не имеет ничего против, только девчонки.

— попдвчк

Дорогая попович,

Ничего. Ничего. Ничего. Честно говоря, горячо любимая мною девушка — известная здесь как С — как раз такая, и посмотри только, как славно ей живется!

— Сплетница

Под прицелом

В и Д шарятся по Чайнатауну в сопровождении шумной девицы с фиолетово-черными волосами и живой рыбой в голубом кульке. Одно скажу точно: в ближайшее время на ужин к ним я не загляну. Б в салоне Элизабет Арден Ред Дор, воскресным вечером, после закрытия. Читайте по губам: коррекция цвета. С спокойно посапывает, прилепив голову к окну поезда Нью-Хейвен—Нью-Йорк. Кажется, кто-то на этих выходных был занят чем-то поважнее сна — хе, хе. Н в темном переулке пытается обменять свою толстовку Брауна на пакет травы. А малышка Дж бегают по Риверсайд-парку. Пытается привести себя в тонус для следующей съемки?

Кто бы знал, что эти выходные будут такими важными?

Увидимся завтра в школе.

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

Б ЗАСЛУЖИВАЕТ МЕДАЛЬ

— Миссис М позвонили из Джорджтауна, — прошептала Рейн Хоффстеттер Кати Фаркас в библиотеке школы «Констанс», пока девушки делали вид, что выбирают книги для самостоятельного чтения по современному американскому рисунку. — В субботу вечером Блер и группу девиц из Джорджтауна поймали на проституции. Они пошли в какой-то бар для одиноких и всю ночь снимали мужиков. Ее маму вызвали в кабинет миссис М, потому что теперь Блер не берет даже в Джорджтаун.

Естественно, Блер только что сказала библиотекарше, что пропускает самостоятельное чтение ради важного разговора директрисы и ее матери.

— Мне показалось, она сегодня выглядит просто смешно, — задумчиво произнесла Изабель Коатес. — Наверное, если так долго ждешь потери девственности, можно по крайней мере подзаработать на этом.

— Но зачем она надела чулки? На улице не меньше 25 градусов! — заметила Кати.

— Может у нее, типа, синяки, — захихикала Лора Сальмон, — ну знаете, от секса на полу.

А может, она просто позволила четырем пьяным девицам побрить себе ноги?

Кабинет миссис М находился на первом этаже, за столом администратора. Проходя мимо, Блер заметила, что стол завален букетами цветов — в основном розами.

— Это еще для кого? — спросила Блер у Донны, нового сменного администратора.

Донна пожала плечами и поставила факсимиле подписи миссис М на очередном письме.

— Это лучше ты мне скажи, — ответила она.

Блер посмотрела на карточку в самом большом букете — шикарном сочетании желтых роз и фрезий. «Серена, Серена, — говорилось в ней. — Не могу прекратить имя твое петь». И подпись:

«С любовью, Ларе и „Йельские Уиффенпуфы“».

— Все ясно, — бормотала Блер, направляясь в кабинет миссис М. Возможно, если бы она была такой же шлюхой, как некоторые, и могла переспать с каждым из «Уиффенпуфов», ее бы тоже приняли в Йель.

Интерьер кабинета миссис М был выполнен исключительно в красных, белых и синих тонах. Китайские обои в сине-белую полоску. Красный ковролин. Темно-синий диван. Красно-белые ситцевые стулья. Довольно патриотично. Даже сама миссис М была красной, белой и синей — темно-синий льняной бабушкин брючный костюм, красная помада, нездорово-белая кожа, красный лак на ногтях. Только волосы, коричневые и кучерявые, выбивались из этой цветовой схемы.

— Тебе идет короткая стрижка, — заметила миссис М, когда Блер вошла.

«Конечно идет, лесбиянка долбаная», — подумала Блер, вежливо улыбаясь. Она пригладила волосы и ответила:

— Спасибо.

На самом деле она чувствовала облегчение от того, что за целый день никто — даже ее мать — так и не заметил, что ее натуральные каштановые волосы были выкрашены в ядовито-желтый цвет, а потом обратно в каштановый. Колористу пришлось постараться на славу, но ей казалось, что цвет получился неестественным, да и кожа под волосами дико чесалась после всех покрасок.

Стоило Блер присесть на диван, как в кабинет проковыляла ее мать; руки ее были сцеплены на животе, словно она боялась, что ребенок выпадет, если она не будет его удерживать. К ее щекам прилипли волосы, а по лицу пошли красные пятна. Она обмахнула себя рукой.

— Год назад я играла в теннис пять дней в неделю.

Теперь не могу и квартала пройти, чтобы не покрыться потом!

Миссис М улыбнулась своей вежливой, только-для-родителей улыбкой.

— Бегая за ребенком, вы моментально вернетесь в форму, — ответила она.

Ага, вроде нянечка уже не жила в комнате их горничной!

Блер закатила глаза и почесала порезанные бритвой икры. Она пришла сюда не для того, чтобы вести разговоры о беге за ребенком. Сквозь окно кабинета миссис М она наблюдала за женщиной в военной форме, шедшей по Девяносто третьей улице. Вдруг Блер осенило. Наверняка была какая-нибудь армейская, программа, спонсировавшая поступление в колледж. Она могла бы вступить в армию, пойти в Йель, а потом выполнять минимум требуемого. Блер представила себя по уши в грязи, отбивающейся от врагов, в то время как все остальные сидят себе в библиотеке, или что-нибудь в таком духе. Она могла бы стать героем, получить медаль за боевое ранение! А когда она окажется пропавшей без вести, Нейт, рискуя жизнью, отправится на ее поиски, чтобы вернуть ее и после стольких лет наконец-то заняться сексом.

«Спаси рядовую Блер». Ищите в ближайшем видеомагазине.

Миссис М умостила свою широкую мужеподобную задницу на красный стул и села за большой стол из красного дерева.

— Пока вы обе здесь, — сказала она, — я бы хотела поздравить Блер с ее блестящими достижениями в «Констанс». Ни одной оценки ниже В. Прекрасная посещаемость. Превосходное проявление лидерских способностей и работы в команде. Блер, вполне возможно, в июне тебя ждет целый ворох наград.

Мать Блер рассеянно улыбалась директрисе. Ее мысли были сосредоточены на других вещах.

— Так почему в таком случае я не попала в Йель? — спросила Блер. — Какой смысл так тяжело работать и все такое, если колледж вроде Йеля вместо меня принимает некоторых моих гораздо более тупых одноклассниц?

Миссис М пролиستала бумаги на своем столе.

— Не могу говорить за Йель, — ответила она, — и не могу сказать, что понимаю их решение. Но, как говорят наши записи, тебя поставили в лист ожидания. И есть еще вероятность того, что тебя примут.

Блер сложила руки на груди. Этого было недостаточно. Она бросила взгляд на мать. В этот момент она должна была осыпать миссис М деньгами на развитие «Констанс», а та сделает пару

звонков главе приемной комиссии Йеля и выбьет место для Блер. Но Элеонор продолжала сидеть на своем месте, паять в окно и пыхтеть через рот, как собака в жаркий день.

— Мам? — позвала Блер.

— У-у-х! — громко выдохнула Элеонор, неистово обмахивая себя. — Дорогая, вы не вызовете мне машину? — Она с трудом поднялась со стула и опустилась на темно-красный ковер миссис М в позе, знакомой Блер по занятиям на курсах беременных. — У-у-х! Кажется, это произойдет быстрее, чем все предполагали!

Подходящий момент, да уж.

Когда мать всерьез углубилась в состояние дыхательные-упражнения-с-курсов-для-беременных, Блер не выдержала и скорчила рожу.

— Ух, ух, ух!

— Мам!

Миссис М вызвала администратора:

— Донна, вызови «скорую», пожалуйста. У миссис Уолдорф-Роуз начались роды.

— Не надо! — крикнула Блер. — «Ленокс Хилл» совсем рядом. А мамина машина ждет под школой.

Мать схватила ее за руку и сильно сжала. Блер почувствовала, что сказала то, что нужно.

— Отменяется, — скомандовала миссис М своим генеральским голосом, часто бывшим объектом для шуток среди ее учениц. — Машина миссис Роуз ждет возле школы. Пожалуйста, скажи водителю, что она сейчас выйдет и ее нужно отвезти в больницу «Ленокс Хилл».

— Ух, ух, ух! — громко пыхтела Элеонор.

— Быстро, — рывкнула в трубку миссис М.

Блер достала из сумки мобильный телефон и набрала Сайруса.

— Мама рожает, — сказала она спокойно его голосовой почте. — Мы едем в больницу. — Она отключилась и взяла мать подмышки. — Ты ведь не хочешь родить здесь, а, мам?

— Нет, — заныла Элеонор и встала на ноги. Одной рукой она оперлась о плечо Блер, а второй взялась за талию миссис М. — Ух, ух, ух, — не прекращала пыхтеть она всю дорогу до голубых дверей «Констанс Биллард».

— Я позвоню в больницу и сообщу, что вы уже в пути, — вполне разумно заявила миссис М.

— Сердечный приступ? — спросил водитель, открывая дверь. Он выглядел почти счастливым.

— Нет, идиот, — отрезала Блер. — Она рожает. И если бы ты заткнулся, мы бы уже были в больнице.

— Ух, ух, ух! — тяжело дышала Элеонор, вцепляясь в руку Блер мертвой хваткой.

Когда машина отъехала от тротуара, Блер бросила взгляд на окна библиотеки на третьем этаже «Констанс». В них виднелись лица девочек, наблюдавших за происходящим.

— О боже! Наверное, она родила прямо в офисе миссис М! — закричала Рейн Хоффстеттер.

— Кто? Блер? — спросила Лора Сальмон.

— Нет, дура. Ее мама, — поправила Рейн.

— Однозначно, это вина Блер. Я слышала, что стресс может вызвать преждевременные роды, — заметила Изабель Коатес.

— Бедная мать, — добавила Ники Баттон. — Типа: о, кстати, ваша дочь — проститутка. И, упс, вот и следующий ребенок, чтобы испоганить на хрен и его!

— Ребенок выходит! Ш-ш-ш! — свистела Элеонор, становясь на четвереньки на заднем сиденье машины. — Ребенок выходит прямо сейчас! — орала она, вгрызаясь в кожаное сиденье.

Блер отвернулась от окна и погладила мать по плечу.

— Мы почти на месте, мам, — промурлыкала она, радуясь тому, что в такой момент оказалась рядом именно она, а не какая-то надоедливая продавщица из «Сакс» или кто-нибудь еще. — Просто представь, что... — Она попыталась вспомнить хоть что-то, что говорила на своих занятиях Рут, но единственным, что приходило на ум, было «ягодицы-это-шарики-из-ко-торых-выпустили-воздух», а

вот это она не скажет ни за что свете. Вместо этого она попыталась подумать о том, что может расслабить ее саму.

— Просто представь, что ты ешь огромное ведро шоколадного мороженого и смотришь «Завтрак у Тиффани», — наконец придумала она.

— Ребенок выходит прямо сейчас! — опять закричала мать, ее суставы побелели, а лицо покраснелось от напряжения.

Блер поняла, что ее слова не имели никакого значения. Ребенок уже пробирался к выходу — это был только вопрос времени. Машина остановилась, на светофоре на перекрестке Восемьдесят девятой и Парк. Блер подалась вперед и наклонилась к уху водителя:

— Ты хочешь, чтоб мы вконец засрали твою машину, или ты проскочишь этот светофор и примчишь нас в больницу в следующие тридцать секунд?

Водитель нажал на газ и одновременно с силой надавил на клаксон. Ребенок выходит!

Н И С СКУЧАЮТ ПО СТАРОЙ ТРОИЦЕ

Нейт вышел из школы, чтобы купить буррито и пакет травы на обед, как вдруг замер на месте. Возле входных дверей на коричневой кожаной скамейке сидела женщина со светло-рыжими волосами. Ее маленькая черная сумочка от Кейт Спейд лежала на коленях, а спортивная сумка с эмблемой университета Брауна стояла у ног. В руках женщина держала толстый дамский роман, и казалось, что она сидит здесь не первый час. Нейт крадучись вернулся к лестнице, ведущей в подвал со шкафчиками. На этот раз ему придется игнорировать чувство голода и забыть о своем обычном косяке перед тригонометрией. Либо так, либо риск попасться на глаза Бриджит.

— Чувак, от кого ныкаешься? — спросил наблюдавший за ним снизу Джереми.

— Да ни от кого, — пробормотал. Нейт. — Слушай, а ты уже ел? — с надеждой спросил он.

— Не-а. Я как раз иду взять чего-нибудь. Ты со мной? — Джереми похлопал по своему карману широких брюк, и Нейт услышал хруст папиросной бумаги и полного пакета травы. — Может, немного аперитива для начала?

Нейт вытащил из кармана двадцатидолларовую купюру и протянул Джереми.

— Просто принеси мне сэндвич с тунцом и «Гаторейд» или что-нибудь в этом духе, — сказал он.

Джереми взял деньги.

— Что, опять не доделал домашку по тригонометрии? — спросил он.

— Еще даже не начинал.

Джереми достал из рюкзака свою тетрадь и протянул ее Нейту.

— Давай переписывай, — предложил он. — Я принесу тебе сюда еду, когда вернусь.

— Спасибо, чувак, — с благодарностью сказал Нейт. Правда

была в том, что Джереми шарил в тригонометрии еще меньше, чем сам Нейт, но все же по части дружбы ему не было равных.

— Эй, — позвал Джереми, остановившись на верхней ступеньке. — Ты слышал о матери Блер? Говорят, она родила ребенка прямо во время собрания в школе.

Нейт посмотрел на друга, но отвечать не стал, испугавшись, что услышит Бриджит. Он поднял руку и сухо кивнул, прежде чем отойти к шкафчикам, где было полно народу. Господи, что за херня? Может жизнь Блер быть еще более дра-твою-мать-ичной?

А ты попробуй узнать.

Нижняя часть раздевалки была единственным местом в школе, где можно было использовать «портативные устройства». Мальчики собирались здесь, слушая МРЗ-плееры или толпились вокруг чье-нибудь ноутбука. Нейт уселся на холодный, блевотно-зеленый линолеум напротив своего шкафчика, достал телефон и набрал Серену. Конечно же, Блер позвонить он не мог. По крайней мере, не тогда, когда она в больнице, переживает за свою мать и все такое.

Можно подумать, он позвонил бы ей при других обстоятельствах. Трус несчастный.

Серена сидела у окна в библиотеке «Констанс Биллард», делая вид, что ей нет никакого дела до сплетен, даже несмотря на то, что они отчасти касались и ее. Она прекрасно знала, что стол администратора больше напоминал цветочный отдел «Мейсис» и что все цветы были от ее поклонников из Лиги Плюща. Но разве можно наслаждаться влюбленностью в трех разных мальчиков, если ей не с кем было поделиться своим восторгом? И как ей выбрать одного, не имея объективного мнения лучшей подруги?

Подождите, подождите, она же вроде как колледж выбирать должна!

Естественно, Блер была зла на нее как черт, из-за всей этой фигни с Йелем и совершенно не собиралась разговаривать с ней. К тому же все шло к тому, что в ближайшее время Блер в любом случае будет занята своей неожиданно появившейся сестричкой. И тем более Серена не могла подойти к одной из своих так называемых подруг и одноклассниц, вроде Изабель Коатес и Кати Фаркас, потому что, если верить громкому шепоту, носящемуся по школе, общее мнение сводилось к тому, что Серена переспала с целым оркестром из

Гарварде, каждым профессором кафедры искусств Брауна и всеми «Уиффенпуфами» Йеля.

— Я слышала, она даже сделала это с первой скрипкой, — ляпнула одна девочка. — Он, типа, пятнадцатилетний гений из Японии.

— Знаете этого профессора, с которым она замутила в Брауне? Так он там самый старый. Он там работает с тех пор, как университет был основан.

С 1764-го? Ого, он действительно старый.

— Я слышала, она украла у Блер сценарий об Одри Хепберн, который та написала для Йеля. Так она попала туда. Блер узнала, и теперь они, типа, опять непримиримые враги.

Быть объектом таких, фантастических басен для Серены было не внове. Ее таинственное возвращение в «Констанс» этой осенью после практически двухлетнего отсутствия превратило ее в ветерана слухов и недалеких сплетен. Но она знала, что лучшая реакция на все это — просто забить.

В этот момент в ее розовом холщовом рюкзаке от Лулу Гиннесс зазвонил и завибрировал мобильный. Серена взглянула на экран и узнала номер Нейта.

— Привет, — прошептала она, прячась за огромным учебником по химии. — Ты слышал о матери Блер?

— Я потому и звоню, — ответил Нейт. — Что случилось?

Что-что, но любительницей придумывать сказки Серена никогда не была.

— Я точно не знаю. Слышала только, что Блер пошла на встречу с директрисой, а потом вдруг они с мамой, типа, бежали к машине. Администратор сказала некоторым девчонкам из моего класса, что у нее начались роды, и машина поехала в «Ленокс Хилл».

— Боже, — пробормотал Нейт.

— Знаю, — ответила Серена. — Она должна была родить не раньше июня.

— Как ты думаешь, может, нам стоит поехать в больницу? Ну, типа, завтра? Можно цветов принести...

— Я не знаю, — неуверенно ответила Серена, хотя, несомненно, сейчас у нее было множество цветов. — Это же вроде как их личное семейное событие. Нас могут не ждать.

На самом деле мать Блер всегда относилась к ним как к членам своей семьи. Это Блер была той, кто не ждал их, и они оба это знали.

— Ну да, — согласился Нейт. — Пожалуй, ты права. Думаю, я просто... — произнес он и осекся.

— Я знаю, — мягко ответила Серена.

Им очень хотелось, чтобы они с Блер снова были неразлучной троицей, всегда поддерживать друг друга в такие моменты. Как жаль, что Блер была злой как черт на них.

— Самое хреновое, что я вроде как склоняюсь в сторону Йеля, — признался Нейт. — Блер меня убьет.

Серена выглянула в окно. Какой-то человек, запрокинув голову назад и что-то напевая, вел одновременно двадцать собак в сторону Центрального парка.

— Я, честно говоря, тоже туда собираюсь, — ответила она, хотя и не была уверена в этом на сто процентов. Дрю, Кристиан или Ларе? Как тут можно выбрать? — А может, я отдохну годик.

— Может, мы все в итоге окажемся в Йеле, — задумчиво произнес Нейт.

А это уже что-то.

— Может быть, — согласилась Серена. Вдруг она заметила, что в библиотеке воцарилась абсолютная тишина. Она глянула поверх книги, и тут же от нее быстро отвернулись сорок пар глаз. Вся комната была занята подслушиванием ее разговора.

Что ж, это ей наказание за разговоры по телефону в библиотеке, что, как известно, против школьных правил.

— Мне, пожалуй, пора, — быстро сказала она Нейту. — Скоро звонок.

— Эй, — сказал Нейт, прежде чем она отключила вызов, — эта девчонка, бритоголовая, все еще берет интервью в парке?

— Думаю, да, — ответила Серена.

— Клево, — ответил Нейт рассеяно. — Увидимся, — добавил он и отключился.

Серена закрыла свой учебник. Она подумала, что можно было бы засушить несколько из присланных цветов между страниц этой самой книги и сделать потом маме Блер какую-нибудь милую открыточку или что-нибудь в этом роде.

Нейт положил телефон обратно в карман и понесся вверх по лестнице, чтобы купить у ближайшего торговца букет и отправить матери Блер. Тут он вспомнил, и как раз вовремя, почему, собственно, сидел внизу у шкафчиков: Бриджит по-прежнему была на своем месте.

Он развернулся и медленно спустился по ступенькам, набирая на ходу номер справочной. Блер всегда говорила, что когда у них будет своя квартира, она будет заказывать цветы из «Такашимайя» три раза в неделю. Она была немного подвинута на цветах. Он узнал в справочной номер и набрал его.

— Я бы хотел отправить цветы пациенту больницы «Ленокс Хилл» на Манхэттене, — сказал Нейт женщине на другом конце.

В этот момент появился Джереми.

— Мило, — заметил он, протягивая Нейту коричневый бумажный пакет и горсть сдачи. Нейт между тем продолжал давать указания:

— Просто напишите «С любовью», запятая, «Нейт».

Мило.

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Объявления о новорожденных в «Нью-Йорк Таймс»

Я объявляла об их свадьбе, и вот теперь... хм, пять месяцев спустя я сообщаю о рождении ребенка. Итак:

«Йель Джемайма Дорис Роуз, дочь. Ее появление предполагалось в июне, но малютка просто не могла дождаться. Взамен она решила родиться в больнице „ЯеноксХилл“ в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена в 14:17, 20 апреля — то есть вчера. Общее время родов: сорок пять минут. Вес: три килограмма девятьсот граммов. Рост: сорок восемь сантиметров. Если бы она подождала еще немного, то была бы „Биг Маком“, а не просто громадиной. Счастливые родители — Элеонор Уитон Уолдорф Роуз, светская дама, и Сайрус Соломон Роуз, застройщик, с Восточной Семьдесят второй улицы. Ближайшие родственники: Аарон Элихью Роуз, 17 лет; Тайлер Хью Уолдорф Роуз, 12 лет; Блер Корнелия Уолдорф, 17 лет, которая ответственна за необычное первое имя ребенка, Блер, очевидно, надеется, что ее новорожденная сестра принесет ей удачу с университетом того же имени — одному Богу известно, как пригодится ей эта удача. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо, и счастливое семейство возвратится в свой пентхаус завтра после обеда».

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Вчера я застучала своего старшего брата, читавшего в кровати мой журнал «Удовольствие». Я отобрала его, но он показал мне страницу, которая его проперла. Там эта девочка из «Констанс» в крохотном лифчике, стоявшая с другими моделями, типа, по размеру буферов. Мой брат спросил, может ли он вырвать эту страницу и прилепить в своем шкафчике. Я не разрешила, но мне кажется, он все равно купит себе журнал и сделает это в любом случае. Если бы я была ею, я бы умерла.

— феникс

Дорогая феникс,

Давай понадеемся, ради спокойствия твоей одноклассницы, что у твоего брата не слишком много друзей.

— Сплетница

Под прицелом

Целая толпа старшеклассниц из «Констанс Биллард» в «Уикер Гарден» на Мэдисон-авеню умиляются детскими штучками. Им достаточно любого повода для шоппинга. Дж и Э случайно садятся в один автобус и игнорируют друг друга всю дорогу. Всё еще в ссоре, а? В делает фиолетовое колорирование в парикмахерской Уильямсберга, Стойте, как можно сделать колорирование, если у тебя нет волос?! Н крадется из школы для мальчиков «Сент Джуд», когда ушел уже даже вахтер. Черт, у него точно паранойя. Б в «Зитомер» на Мэдисон покупает подгузники и трехсотдолларовый кашемировый детский комбинезончик. Угадайте, кто будет любимой старшей сестрой этой малышки? С гуляет по парку и раздает цветы бездомным. Само благородство.

Побежала покупать тот журнал!

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Когда Дэн во вторник пришел на первый урок английского, то обнаружил, что все мальчики его класса заняты чтением какого-то журнала для девочек.

— Чего люди не понимают, так это того, что в жизни они еще больше, — заметил со своей задней парты Чак Басе, самый нелюбимый Дэном человек в школе «Риверсайд», а может быть, и в целом мире. На голове Чака был зеленый армейский берет, который он взял в Уэст-Пойнте в эти выходные. Это был его новый любимый аксессуар, помимо, конечно же, снежной обезьянки, которую он таскал за собой повсюду, даже в туалет. Чак поднял глаза. — Я прав?

У Дэна было смутное ощущение, что Чак обращается к нему.

— Они выглядят так, будто их гелием наполнили или что-то типа того, — добавил другой парень, наклоняясь к парте Чака, чтобы заглянуть в журнал.

Чак покачал головой. Его темные волосы отросли и имели вид мужского боба длиной до подбородка, он явно гордился своей прической.

— Чувак, если бы они были наполнены гелием, она бы, твою мать, улетела в космос. — Чак снова наклонился к журналу, его кольцо с монограммой на мизинце сияло под ярким светом ламп. Он опять взглянул на Дэна. — Чувак, она твоя сестра. Что с ней, твою мать, такое?

Инстинкт подсказывал Дэну, что Чака прямо сейчас надо послать на хер, но тут была замешана его младшая сестра Дженни, которая вечно вляпывалась во всевозможные неприятности, и он понимал, что сначала должен разобраться в происходящем. Он сел на парту перед Чаком и поставил ноги на стул. На полу у ног Чака шевелилась его оранжевая курьерская сумка от Прада. Неожиданно из нее высунулась белая голова с глазами, похожими на золотые шарики. Это была обезьянка Чака, на морде которой играла какая-то дьявольская улыбка.

Дэн посмотрел на Чака.

Чак усмехнулся и протянул ему журнал.

— Только не говори, что не видел этого, — сказал он.

Журнал был открыт на статье с названием «Размер груди имеет значение?». Статья была откровенной дискуссией о том, как социальный статус девушки зависит от размера груди. Если твоя грудь, говорилось в статье, слишком плоская или, наоборот, слишком большая, то твоя участь — быть изгоем. Если у тебя большая, но не огромная грудь, ты будешь считаться шлюхой. Девушки, популярные у парней, должны иметь замечательный средний 34-B. Дэн внимательно посмотрел на фотографию. Дженни и пять других девушек в одинаковых спортивных лифчиках и лайковых шортиках выстроились перед волейбольной сеткой по порядку размера груди — от самого большого до самого маленького. Все остальные девушки были моделями — блондинки, с банальными идеальными улыбками, плоскими животами и золотистым загаром. У девушки рядом с Дженни явно были имплантаты, но ее грудь все равно не была такой большой, как стопроцентно натуральная грудь Дженни. Ее же грудь, втиснутая в спортивный лифчик, который был ей явно мал, выглядела ненормально, даже пугающе. Но что еще хуже, ее язык был высунут, а глаза сияли, и возникало ощущение, что она безмерно наслаждается всем происходящим.

— Ох ты блин, — пробормотал Дэн и швырнул журнал Чаку. Его руки начали потеть и трястись, так бывало всегда, когда ему хотелось покурить. Он понимал, что статья, по идее, должна придавать уверенности девушкам с большой грудью. И что Дженни выглядела хоть и неприглядно, но гордо. Но все же каждый парень, который увидит фото, непременно вырвет его, нацарапает какую-нибудь пошлятину и прилепит на дверь кабинки туалета.

— Здесь пишут, что восемь из десяти парней больше предпочитают красивую девушку со средним размером, нежели обычную, но с огромными буферами, — сказал Чак.

Спасибо за информацию, Капитан Говнюк.

Дэну было совершенно ясно, что его сестра так страстно желала стать моделью, что даже не подумала, как будет выглядеть фото. Ко всему прочему, не так давно компрометирующее фото Дженни попало в Интернет. Люди поговорили о нем день или два, а потом забыли. И кажется, Дженни никогда особо о нем не переживала. Она, как мультяшный мистер Магу, имела свойство попадать в самые неловкие, позорные ситуации, но потом выбиралась из них

невредимой и при этом никого ни в чем не обвиняла. Скорее всего, сейчас будет то же самое, но на всякий случай Дэн решил ее предупредить.

Дженни сидела в одиночестве за столом у зеркальной стены в столовой «Констанс» и ела поджаренный сэндвич с сыром и кусочками маринованных огурцов. Она сосредоточилась на выравнивании огурцов на хлебе, делая вид, будто совсем не против есть в одиночестве. В воздухе витала подозрительная тишина, которую она не могла объяснить, но каждый раз, когда она смотрела в зеркала, то видела остальных школьниц, склонившихся над своими тарелками.

Вот-вот. С каких, это пор школьницы едят в абсолютной тишине? На самом деле помещение жужжало, жужжало ох звуков самых сочных: утренних наблюдений.

— Я слышала, ей за это даже не заплатили — она вызвалась добровольно, — прошептала Вики Рейнерсон.

— Но ее на это Серена подбила, помнишь? В подшефной группе? — выдохнула Мэри Голдберг. — Она вся такая: «О, Дженни, кто угодно может быть супермоделью».

— Легко ей говорить, — поддержала подругу Кэсси Инвирт. — Хотя мне лично Дженни совсем не жалко. Ясно, что она просто хочет обратить на себя внимание.

— Ага, никто не хочет такого внимания, — заметила Вики.

Три девушки одновременно посмотрели в спину Дженни. Как она может просто сидеть и обедать так, будто ничего не случилось?

Б сумке Дженни тихо зазвонил мобильный телефон.

— Привет, — ответила она, не глянув даже, кто звонит. Ей могли звонить только Дэн и Эллис, а с Эллис они больше не дружили. Она прикрыла телефон волосами, чтобы не заметили буфетчицы. — Как дела?

— Я звоню удостовериться, что у тебя все в порядке, — промычал Дэн.

Дженни уставилась на свое отражение в зеркале. Сегодня на ее волосах были розовые металлические заколки, и ей казалось, что она выглядит немного ретро и очень клево.

— Думаю, да, — ответила она.

— Так тебе никто ничего не сказал или...

Дэн замолчал.

— О чем? Что ты уже натворил, Дэн? — спросила Дженни.

— О твоём фото в журнале. У меня тут все ребята постаскивали его у своих сестер. Они вешают его в свои шкафчики и все такое.

По коже Дженни побежали мурашки. Дэн не беспокоился бы, если бы фотография была такой хорошей, как она себе представляла.

— Ты видел? — спросила она. — Что там не так?

Он не ответил.

— Дэн! — Дженни уже перешла почти на крик. — Что там не так?

— Она просто... — промямлил Дэн. — Ладно, все эта фигня — то, как непопулярны девушки без груди или с очень большой грудью. Кажется, статья должна помочь тебе чувствовать себя лучше, но рядом с этими девушками ты похожа на... экспонат шоу уродов. Ну, знаешь, они фактически сделали ее настолько большой и страшной, насколько возможно.

Дженни отодвинула поднос с едой и положила голову на холодный деревянный стол. Неудивительно, что столовая казалась такой тихой. Все были заняты перешептываниями о ней — большегрудом уроде.

Ну да.

Это даже хуже, чем реклама прокладок «Стейфри». Она была цирковым уродом. Может быть, ей стоит сбежать к своей психованной мамаше в Европу или еще куда-нибудь. Сменить имя. Покраситься в рыжий цвет.

— Дженни? — мягко сказал Дэн. — Мне очень жаль.

— Забудь, — несчастным голосом ответила Дженни и отключилась. Она продолжала держать голову на столе, мечтая провалиться сквозь землю.

Внезапно она почувствовала, что рядом кто-то стоит, а через мгновение поняла, кто именно — фирменный аромат Серены не

спутать ни с чем.

— Привет, соня, — сказала Серена. — Слушай, мне тут звонил Джонатан Джойс — знаешь, кто это, да? — весь, типа, в восторге от твоих снимков. Он знает, что мы подружки, и просто мечтает снять нас вместе на этой неделе!

Это что — злая шутка? Дженни зажмурила глаза так крепко, как только смогла, надеясь, что когда она их откроет, Серена исчезнет куда-нибудь.

— Ты сможешь оставить себе кое-что из шмоток, — добавила Серена.

Дженни подняла голову и, пошатываясь, встала.

— Оставь меня в покое, — пробормотала она, а потом вылетела из столовой и пошла к медсестре, с надеждой, что та отправит ее домой.

МАЛЕНЬКИЕ ПУШИСТЫЕ ДРУЗЬЯ

Д

— Пьянь, посмотри только! — Тиффани посадила хорька на плечо и помахала его лапкой маленькой снежной обезьянке Чака Басса. На обезьянке была крошечная красная футболка с буквой «П». — Привет, обезьянка, давай дружить!

Ванесса и Тиффани пришли забрать Дэна из школы. «Может, не надо», — предостерегла Ванесса, зная, как сильно Дэн ненавидел Чака.

— Привет, милашка, как тебя зовут? — Чак подошел и почесал Пьянь по шейке. Он держал Пупсичка так, что два зверька находились нос к носу. — Я — Пупсичек. Не бойся, я не кусаюсь. Я на самом деле похож на пупсика.

— А я — Пьянь, — пропищала Тиффани. — И осторожно, я на самом деле пьяная! — добавила она, дико заржав.

В этот момент в дверях школы появился Дэн. Увидев встречающую его компанию, он замер на верхней ступеньке, закинул черную курьерскую сумку за плечо и прищурился от яркого апрельского солнца. Весь день он беспокоился о своей сестренке. Дженни, скорее всего, сейчас дома, лежит, уткнувшись лицом в подушку, одна-одинешенька. Его дом — в двадцати кварталах; может, ему стоит пойти туда и ободрить ее. Но, опять-таки, когда Дженни было паршиво, она хотела только одного — чтобы ее все оставили в покое. Так же, как и он. Это у них семейное.

— Эй, красавчик, мы тут! — позвала его Тиффани своим громким, разбивающим стекла голосом. Внизу стояли Ванесса, Тиффани и Чак Басе. Хорек Тиффани и обезьянка Чака сидели на плечах своих хозяев, копошась в шерсти друг друга.

— Господи, — прошипел Дэн. Может, Чак тоже поселится с ними, и все они будут одной большой, счастливой семьей? Или, может, он прямо сейчас скажет Ванессе, что поживет дома какое-то время? Его сестра нуждалась в нем.

— Тебя проводить? — выступила вперед Ванесса, когда Дэн, с лица которого не сходило угрюмое выражение, спустился по

ступеням к ним. Она быстро чмокнула его в щеку. — Эй, солнышко, не будь вечно таким нервным. — Дэн выглядел подавленным и раздраженным с тех пор, как они съехались и появилась Тиффани. Это довольно утомительно — играть в паре роль оптимиста.

Солнышко? Всего за несколько дней Ванесса переняла чрезмерно жизнерадостную манеру общения Тиффани, что раздражало Дэна еще больше.

— Я не нервный, — буркнул он в ответ, глядя на Чака и Тиффани, сюсюкающих со своими животными. — Я просто...

Тиффани сложила пальцы в виде пистолета и направила на Дэна.

— Знаешь, Дэнни, — сказала она, — я думаю, то, что сделала твоя сестра, — это просто бомбово. Оголить грудь — самое крутое феминистическое заявление, которое только может сделать девчонка!

Тиффани пригладила волосы спереди, оставив заднюю часть своей прически похожей на какое-то немыслимое фиолетово-черное крысиное гнездо, что, видимо, по ее мнению, тоже являлось каким-то феминистическим заявлением.

Ванесса старалась не смотреть, когда минуту назад Чак показывал Тиффани фотографию Дженнифер, но ничего не могла с собой поделать. И что самое смешное, она на самом деле была согласна с Тиффани. Пусть Дженни не выглядела как модель, но она точно выглядела жестко.

— Я тоже так думаю, — поддержала она Тиффани, прежде чем увидела выражение лица Дэна.

— Ничего она не оголяла, — зло ответил Дэн. — Господи, ей всего четырнадцать!

— Слушайте, я тут вспомнила, — сказала Ванесса, пытаясь сменить тему неприятного разговора. — Если вы забыли, у меня день рождения на этих выходных. Мне будет восемнадцать!

Дэн нахмурился. Они с Ванессой никогда не делали из своих дней рождения большого события.

— И я подумала, что теперь, когда мы живем вместе, мы можем устроить вечеринку! — закончила Ванесса.

Дэн заметил фиолетовый оттенок в цвете волос Ванессы, которого раньше не было. «Вечеринку?» — подумал он. Ванесса

всегда ненавидела вечеринки лютой ненавистью. Это однозначно было идеей Тиффани.

— Это будет бомбово! — закричала Тиффани. Она схватила лапку Пьяни и ткнула ею в обезьяну Чака. — Ты ведь придешь? — спросила она своим дурацким голосом.

— Несомненно, — ответил Чак за Пупсичка.

Добро пожаловать в ад.

— Идем, — Ванесса подтолкнула Дэна в сторону Бродвея. Стоял очередной солнечный день, и ровный поток парней прокладывал свою дорогу в сторону парка. — Для начала я хочу взять еще несколько интервью. А потом можем пойти домой и отправить приглашения.

— Но...

— Не волнуйся за сестру, — перебила Ванесса, читая его мысли. — С ней все гораздо лучше, чем ты можешь себе представить. — Она поцеловала его, пытаясь передать улыбку его поджатым губам. — Наша первая настоящая вечеринка!

Дэн позволил увести себя, но ноги его были словно налиты свинцом. Он терпеть не мог вечеринки, и у них не было других друзей. В общем, список гостей будут составлять Чак, Тиффани, обезьянка Чака, Пьянь и изгой общества в лице Дженни. Вечеринка удастся на славу.

Ванесса толкнула его под ребра:

— Ну давай же, улыбнись. Ты знаешь, ты хочешь.

— Если ты не улыбнешься, я покажу тебе свою грудь, — попыталась испугать его Тиффани, шедшая рядом с ними в своих фиолетово-черных стеганых ботинках от Джона Флювога. Она расстегнула армейский жакет цвета хаки, который одолжила в гардеробе Руби, и засунула Пьянь под черную майку.

— А можно и я свою покажу? — поддержал идею Чак. Пупсичек дважды обернул свой длинный белоснежный хвост вокруг его шеи. В армейском берете из Уэст-Пойнт он был достойной парой для Тиффани.

Дэн слабо улыбнулся, только бы заткнуть их.

— Он улыбнулся! — радостно закричали Ванесса и Тиффани и дали друг другу пять.

Дэн продолжал улыбаться, но думал он не о предстоящей вечеринке, а о колледже «Эвергрин» по другую сторону континента, на Северо-Западном побережье. Там все время лил дождь, и там жили подверженные депрессии люди. Дэн никогда всерьез не задумывался об идее поступить в «Эвергрин», но сейчас это место казалось ему раем.

И ОБНАЖАЕТ... СВОЮ ДУШУ

В солнечный день Центральный парк был традиционным местом сбора роллеров, скейтеров, любителей фрисби и девочек в топах от купальников, которые, очевидно, думали, что они находятся не в Нью-Йорке, а где-нибудь на пляже в Сен-Тропе.

Ванесса установила камеру на привычном месте у фонтана Вифезды. Тиффани вытащила Пьянь из-под майки и стала купать его в воде. Дэн покинул их, чтобы купить у торговца на аллее некое огромное подобие мороженого. Затем он сел на скамейку, ожидая Ванессу и надеясь, что Тиффани оставит их в покое.

— Ну, я думаю, мне может понравиться в Уэст-Пойнте, — изливал душу Чак камере Ванессы, — По крайней мере, если поблизости будет кто-то, кто сможет присматривать за Пупсичком. Чтобы я мог его проводить. И пока они не заставят меня побрить голову — без обид. И у меня будет кровать больше, чем те жалкие койки, на которых заставляют спать несчастных лузеров.

Кажется, он не возражает против подъемов по тревоге.

— Мама пообещала открыть мне счет в «Бальдуччи», чтобы они присылали мне каждую неделю посылку с сыром бри, икрой, шоколадом и сигарами, — продолжал он. — Мне будет не хватать моей квартиры, но это лучше, чем ничего... — Чак замолчал и спрятал лицо в белый мех на шее Пупсичка. — Уэст-Пойнт, — сказал он приглушенно. — Уэст, твою мать, Пойнт! В этот момент рядом появился Нейт Арчибальд. Чак, который за мгновение до этого едва не разрыдался, посмотрел на него и растянул губы в наглой ухмылке.

— Я закончил, если хочешь — ты следующий, — сказал он, явно не желая раскрывать душу перед другим парнем. Он встал и понес обезьянку к тому месту, где Тиффани купала Пьянь. — Помочь? — пропищал он от имени обезьянки.

Нейт постоял немного, засунув руки в карманы и переминаясь с ноги на ногу, а затем сел на место Чака.

— Кажется, я реально облажался, — признался он камере. — Ну, типа, жизнь моей девушки похожа на железнодорожную аварию, а я даже позвонить ей не могу. — Его зеленые глаза грустно наблюдали

за Тиффани, купавшей Пьянь в потоке бьющей из фонтана воды.

— Ты уже решил, куда пойдешь учиться? — спросила Ванесса. Она была не против послушать о любовных переживаниях этого парня, однако ее фильм-то был не об этом, а о поступлении в колледж.

Нейт нахмурился.

— В этом вся фигня, — начал объяснять он. — Йель. Теперь я хочу в Йель. — Он покрутил головой и с грустью уставился в землю. — В Браун не пойду, ни за что. А в остальных колледжах нет хороших команд по лакроссу. Но если я пойду в Йель, а Блер не выберется из листа ожидания... — Нейт откинулся назад, облокотился на локти и поднял глаза к небу. — Я знаю, она это говорила, но, наверное, я тоже в это верил — в то, что мы, в конце концов поженимся. — Он снова сел, снял свою поношенную коричневую бейсболку «Сент Джудс» и устало потер глаза. — А теперь я не знаю...

Тиффани принесла Пьянь к Ванессе и положила его — холодного и мокрого — ей на шею.

— А-а-а! — завизжала Ванесса, едва не уронив камеру, после чего они с Ванессой залились истерическим хохотом.

Нейт, углубленный в свои размышления, поднялся и пошел прочь.

А Дэн, сидевший на своей лавочке, выкинул мороженое в урну и закурил. Странно, но его мысли были во многом похожи на мысли Нейта. Дэн все время считал, что Ванесса всегда будет рядом с ним. Теперь он не был так в этом уверен.

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

<i>Глинда, добрая волшебница</i>

О'кей, все хотят иметь крестную — волшебницу. Что ж, юной,

неугомонной девочке родом из Верхнего Вест-Сайда, совершающей еженедельно самые или не самые позорные ошибки своей жизни, посчастливилось иметь такую в лице высокой беловолосой красивой старшеклассницы. Как нам всем известно, С — мастер по части превращения дурной славы в волшебство. Не судите об этом сейчас, но Дж вполне может быть следующей Джессикой Симпсон! Или, что еще лучше, следующей С...

Странная компания

Одна из причин, по которой мы не можем дождаться того момента, когда наконец попадем в колледжи, — то, что мы будем жить совершенно самостоятельно — без родителей, или нянечек, или домработниц, или охранников, или кого угодно, кто следит за нами. Даже если у некоторых из нас есть свои собственные крылья или этажи, собственные кухни или что угодно дома, фишка в том, что мы хотим на свободу. Разве что вы уже на свободе — как кто-то, хорошо нам известный, — но все идет не так из-за некоторых незваных гостей...

Правда о Либерти, или Лолите, или как там она себя называет сегодня

Я расскажу то, что я слышала. Девушка с хорьком и странно заплетенными фиолетово-черными волосами? Когда-то она была хорошей девочкой. Под этим я имею в виду то, что она училась в частной школе для девочек в Верхнем Ист-Сайде, жила в городском доме и занималась теннисом. В выпускном классе она решила взбунтоваться, «забыла» подать документы в колледж, бросила школу, была изгнана из семьи и начала скитаться по стране, зарабатывая тем, что делала людям пирсинг. Каждый раз, когда у нее заканчиваются деньги, она возвращается в город, ошиваясь у своих старых друзей и ворует их одежду. И все это она делает с таким очарованием, что люди далеко не сразу понимают, в чем дело.

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Я заведую акушерством и гинекологией, в родильном отделе больницы «Ленокс Хилл». Как раз во время моей смены к нам влетела беременная женщина в сопровождении своей несовершеннолетней дочери. Через минуту я был вызван на другой неотложный вызов, но я был впечатлен тем, как дочь наставляла свою мать, я хотел узнать ее имя, чтобы порекомендовать ее Йельскому медицинскому факультету, где я когда-то учился. Мать была зарегистрирована под именем Роуз, но я нигде не могу отыскать дочь. Ты можешь помочь?

— дрпеппер

Дорогой дрпеппер,

Кажется, чей-то день, нет, жизнь— не прошла даром.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Тебе не кажется это, типа, невежливым, вступить в реально эксклюзивное сестринство, которое реально что-то значит для остальных его членов, а потом, типа, отмораживаться и все такое? Вроде, зачем вообще вступать тогда?

— роднаядвшк

Дорогая роднаядвшк,

А ты когда-нибудь совершала ошибки?

— Сплетница

<i>Под прицелом</i>

Б гуляет по Овечьему Лугу в Центральном парке со своей новорожденной сестричкой, уложенной в «кенгуру» от Бёрберри. Кажется, Б открыла в себе белую и пушистую сторону. С и очень известный модный фотограф в «Джефри» выбирают наряды для

съемки. Был замечен определенный, расшитый кристаллами корсет, на который у С просто не хватит денег. Либо она планирует вставить имплантанты, либо они будут использовать накладки, либо корсет предназначен для другой девушки... Н выбирает серебряные детские подарки в «Тиффани». Он может подарить мне погремушку когда угодно. В и та девица с фиолетово-черными волосами танцуют конгу с Ч и его обезьянкой в «Файв энд Дайм» в Уильямсберге. Без комментариев. А где же Д? Без комментариев.

Остался всего один день до выходных, а до меня уже доходят слухи о вечеринке.

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

ПОКАЖИ-РАССКАЖИ

— Это Йель в одеяльце, которое я купила ей в «Гермес». А это она и Кошечка-Норочка смотрят со мной «Завтрак у Тиффани» на кресле-качалке. Видите, у нее кошачьи носочки с крошечными ушками и усиками!

Классное время в пятницу было священным получасом, во время которого старшеклассницы «Констанс Биллард» сидели на полу комнаты отдыха — малюсенькой пустой комнаты на пятом этаже, — пили капучино, обменивались сплетнями и вели оживленные дискуссии о своих последних модных приобретениях. Эта пятница была первым днем Блер в школе после появления на свет ее сестры, так что полчаса были целиком посвящены ее «покажи-расскажи».

— А вот тут она спит в своей плетеной кровати.

— Ох! — раздалось одновременно тридцать вздохов.

— А откуда у нее этот потрясающий серебряный мобиль с коровой, перепрыгивающей через луну? — спросила Лора Сальмон.

— Из «Тиффани». Это подарок.

«От Нейта», — добавила про себя Серена. Нейт даже позвонил ей из «Тиффани», чтобы она помогла ему выбрать подарок.

— Кровать, в которой она спит, просто прелесть, — добавила Изабель Коатес. — Мне нравится, как розовая лента вплетена в ручки.

«Спасибо», — подумала Серена. Она заказала эту кровать в детском бутике на юге Франции.

— Она была вручную сплетена эльзасскими монахами из ивовых веток, — сказала она вслух. — По идее, она, как семейная реликвия, должна всегда оставаться в семье.

То есть это подарок и для Блер.

Блер оторвала взгляд от своей цифровой камеры. Они с Сереной не разговаривали со времени провальной вечеринки открытия писем из университетов, и совершенно очевидным было то, что щедрые детские подарки, которые прислали Нейт и Серена ее матери, были

попытками примирения. Но Блер не из тех, кто легко прощает.

Прозвенел первый звонок, и сидевшие тесным кругом девочки застонали и принялись собирать по комнате книги, ручки, резинки, расчески — в общем, все, без чего невозможно себе представить повседневную жизнь ученицы элитной школы. При этом им страшно хотелось остаться здесь, в комнате, чтобы своими глазами увидеть ссору Серены и Блер.

Серена оставалась на своем месте, обняв колени и наблюдая, как Блер перекладывает школьные вещи в слишком-маленькой-для-учебников светло-голубой сумке от Фенди.

— Она красивая, — искренне сказала Серена.

Блер ответила ей чопорной полуулыбкой. Да, Йель была красивой.

— Как прошли выходные? — спросила она. — Куда ты решила идти?

Это был вопрос с подвохом. Если Серена ответит, что в Йель, Блер начнет метать огонь глазами, так что от нее и мокрого места не останется. Если Серена назовет другой колледж, она соврет, так как еще не приняла решение. Но Йель был ближе всего, и там был Ларе и «Уиффенпuffy», и эта сдержанность Новой Англии, которая напоминала ей о доме. К тому же было бы весело, если бы она, Нейт и Блер снова стали друзьями и вместе учились в одном университете.

Она пододвинулась к Блер и принялась объяснять:

— В общем-то, я влюбилась. Во все. В каждый колледж.

Серена залилась краской и заправила выбившуюся прядь волос за ухо.

— Я влюбилась во всех моих гидов, — продолжала она. — Они все были мальчиками и такими...

Блер подняла руку и закатила глаза. Кто-нибудь или что-нибудь когда-нибудь изменится?

— Не хочу это слышать, — сказала она, хотя на самом деле ей этого очень хотелось. Правда, она понимала, что Серена в любом случае сама все расскажет.

— А ты как? — с любопытством спросила Серена. — Как

съездила в Джорджтаун?

Блер вновь закатила глаза и смущенно пригладила волосы.

— А какая тебе разница? — ответила она.

Серена пожала плечами.

— Не важно. Ты все равно попадешь в Йель, — уверенно заявила она.

Прозвенел второй звонок, пора было идти на занятия, но все остальные девушки медлили, искоса наблюдая за Сереной и Блер, притворяясь, что пьют капучино из своих абсолютно пустых чашек.

— Я слышала, Серена подписала крупный контракт на следующий год и свое место отдаст Блер. Блер только придется прикидываться ею, — тихо сказала Кати Фаркас Изабель Коатес.

А Серена кем будет прикидываться? Кейт Мосс?

— Я слышала, что они с Блер возьмут своих детей с собой в Йель и откроют группу помощи для лесбиянок с детьми, — прошептала в ответ Изабель.

— Бог мой, я вчера видела Серену в гинекологии моей мамы, — встряла в разговор Лора Сальмон. — Я жду маму и вдруг слышу, как Серена рассказывает, сколько всяких болячек подцепила от тех парней, с которыми переспала на этих выходных. Вау!

— Слушайте, а я-то думала, что они поссорились, — сказала Кати. — Но смотрите — они обнимаются!

Как по команде девочки обернулись на обнимающихся Серену и Блер.

— Нейт звонил, типа, по десять раз в день и спрашивал о тебе, — промурлыкала Серена, прижимаясь щекой к щеке Блер.

Блер закусила нижнюю губу.

— Он послал Йель очень милые подарки.

— Ты знаешь, он тебя любит, — сказала Серена, хотя в этом и не было нужды. — И ведь нам гораздо лучше, если мы не ругаемся друг с другом, да?

— Ага, — признала Блер. Но Нейту придется еще доказать это.

Что отнюдь не означало, что ее трудно будет завоевать снова.

ГЛИНДА, ДОБРАЯ ВОЛШЕБНИЦА, И ЕЕ ПОМОЩНИЦА — ЛИЛИПУТ

— Могу я присесть? — спросила Эллис у Дженни, подходя к ней во время обеда в пятницу.

— Чего это вдруг? — резко ответила Дженни. С того момента, как ее унижительное фото появилось в том журнале, она незаметно прокрадывалась с опущенной головой, избегая любой ценой скопления людей. Уже одно присутствие в школе было испытанием. Но отец заставил ее пойти на занятия, и теперь она сидела за своим привычным столиком у зеркала, уставившись на свое отражение.

— Я принесла тебе мороженое-сендвич. — Эллис села напротив и подтолкнула мороженое к Дженни.

— Я не хочу есть, — ответила Дженни и отодвинула мороженое. — И вообще, я уже собиралась уходить, — недовольно добавила она. Эллис пыталась опять стать ей подругой? Но нет — она не в настроении.

Эллис вылила в чай мед из пластиковой упаковки и приступила к маленькой чайной церемонии — для нее это стало ежедневной традицией с тех пор, как она поссорилась с Дженни.

— Просто посиди со мной чуть-чуть, — попросила она с отчаянием в голосе.

Дженни сдвинула брови.

— С какой стати?

Эллис подула на чай и осторожно отпила.

— Не знаю. — Она обвела взглядом столовую, словно кого-то искала. — Просто посиди, а?

Дженни тяжело вздохнула и встала.

— Слушай, я пойду в компьютерный класс, ладно? — По крайней мере, там она сможет спрятаться от осуждающих взглядов, делая вид, что отправляет е-мейлы своим друзьям, которых у нее на самом деле не было. — Еще увидимся.

Эллис схватила ее за руку.

— Погоди. Сядь. Всего на минутку.

Дженни оттолкнула ее руку.

— Ты нормальная вообще?

Веснушчатое лицо Эллис стало свекольно-красным.

— Я просто...

В этот момент Серена опустила свою прекрасную задницу за их столик, и Эллис выдохнула с облегчением.

— Я уже думала, мне придется усесться на нее, чтобы удержать, — проворчала она.

— Что происходит? — спросила Дженни. Получается, теперь Эллис и Серена вроде как объединились, чтобы доставить ей еще больше неприятностей, которых и без того хватало с головой? Просто прелестно.

Серена достала из сумки стопку журналов.

— Прежде чем ты что-либо скажешь, я хочу просто показать тебе некоторые работы Джонатана Джойса. — Она пролистала журналы и стала демонстрировать фотографии. — Вот. И вот. Разве не круто?

Дженни остекленевшими глазами посмотрела на снимки. Модели, скачущие на кровати с минимумом макияжа или совсем без него, в старых футболках и мешковатых мужских штанах. Девушка, подобрав под себя ноги, пьет из стакана молоко. Мужчина целует собаку. Стюардесса спит в зале ожидания аэропорта с накинутым на плечи пальто пилота. Ничего провокационного в этих снимках не было. Они были просто хорошими.

— Он хочет снять нас на карусели в Центральном парке в субботу, — продолжала Серена. — Одежда — потрясная, Джонатан уже набрал целый мешок тряпок, которые мы с ним вместе выбрали. — Она улыбнулась Дженни. — А самое классное — все, что мы наденем на съемке, мы можем оставить себе.

Дженни не знала, что сказать. Конечно, звучало захватывающе и вот это «оставляем одежду себе» было однозначным плюсом, но откуда ей знать, что это не очередная уловка, чтобы сделать

унизительные, «посмотрите-на-эту-грудастую-девицу» снимки?

— В субботу я иду на день рождения в Уильямсберге, — продолжала вяло Дженни.

— Но это же не начнется раньше полуночи, — встряла в разговор Эллис. — Я могу пойти с тобой на съемку и кричать или свистеть, если вдруг тебя опять попытаются скомпрометировать.

Только Эллис способна все сводить к сухим условиям, вычитанным в одной из книг своей матери по психологии. Дженни скрестила руки на той части своего достоинства, которое компрометировалось чаще всего.

— Я взяла с него слово, что снимки не будут слишком откровенными, — добавила Серена. — Он на самом деле заинтересовался только нашими лицами.

Дженни посмотрела на свое отражение в зеркальной стене напротив. У нее было симпатичное лицо, и этот известный чувак хотел ее сфотографировать. Что тут такого?

Она сделала глубокий вдох.

— Ладно. Я согласна.

— Ура! — крепко обняла ее Серена. — Это будет потрясно, вот увидишь!

Остальные девочки в столовой смотрели на них с любопытством.

— Наверное, Дженни согласилась пожертвовать жировую ткань из своей груди на имплантаты для Серены, — предположила Мэри Голдберг.

А может, Серена нашла отличный способ избежать толпы визитеров из Лиги Плюща, приезжающих к ней в субботу!

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Что там за вечеринка?

Итак, она проходит в Бруклине, и ее устраивают люди, скажем, не совсем нашего круга общения, но на этих выходных особых вариантов нет, а вечеринку создают не те, кто ее устраивает, а те, кто на нее приходит. Так что идем сами, берем всех, кого можем, и делаем эту вечеринку бомбовой. Ясно?

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Я учусь в Джорджтауне и слышала, что очень многие используют его как свою подстраховку, и колледж делает все для того, чтобы люди выбрали его. Вроде, они отправляют группу девочек в Нью-Йорк на этих выходных, чтобы они притащили всех, кого приняли.

— дж-шок

Дорогая дж-шок,

У этой конкретной группы девочек случайно некрашенные ли белые волосы и шрамы от бритвы на ногах?

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Я участвую в программе учебного корпуса офицеров запаса в Йеле; это означает, что мое обучение здесь спонсировано армией и Х одновременно прохожу курс подготовки молодого бойца. Офицер, заведующий моей, программой, получил письмо от одной девушки, которая написала, что ее поставили в лист ожидания в Йеле и она готова присоединиться к нашей программе, если они пообещают ей место. Так что офицер решил отправить меня в Нью-Йорк, чтобы встретиться с ней. Ее письмо было на такой странной бумаге, изрисованной туфельками, и она приложила фотографию своей новорожденной сестры. Которую зовут Йель. Кажется, она совсем чокнутая, а?

— солдетка

Дорогая солдетка,

Ты даже не знаешь, во что ввязалась. Мой тебе совет: не забудь шлем.

— Сплетница

Под прицелом

Н в магазине «ФАО Шварц» выбирает между игрушечной лошадью в натуральную величину и развлекательным центром для колыбельки, читающим DVD и MP3. Приятно, что он такой щедрый и все такое, но это уже просто смешно. С и Дж в «Бенделс», опустошают прилавки, в то время как подруга Дж Э исполнительно таскает сумки. Б знакомит свою новорожденную сестричку с обувным отделом «Барниз», где все знают ее по имени. Десять симпатичных парней в поезде из Нью-Хейвена поют песню из «Вестсайдской истории». Подруга В, любительница хорьков, затаривает целый армейский мешок выпивкой из ликероводочного магазина в Уильямсберге. Кажется, кто-то готовится оторваться по полной. Д сидит один в Уильямсбергской забегаловке поздним вечером и что-то строчит. Праздничный стих для В? Не забудьте и скажите всем, кого вы знаете, чтобы они не забыли — завтрашняя ночь всецело посвящена плохому поведению в Бруклине. Увидимся!

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница

А ОН И НЕ ДУМАЛ, ЧТО КТО-ТО ПРИДЕТ

— С днем рождения. — Дэн протянул Ванессе стихотворение, написанное специально для нее, и прислонился к дверному косяку. — Я хотел подарить его тебе до того, как кто-то придет.

— Не смей говорить «если кто-то придет», — ответила Ванесса. — Они придут.

Ванесса нагнулась над раковиной и стала наносить на губы темно-бордовую помаду «Тиффани». Затем она присела на унитаз и начала громко читать стихотворение:

список того, что любишь ты:
черный
ботинки с металлическим носком
мертвых голубей
грязный дождь
иронию
меня

список того, что люблю я:
сигареты
кофе
тебя и твои яблочно-белые руки

но особенность списков такова
они пропадают неизвестно куда

— Спасибо, — сказала Ванесса, сложила листок и положила в ящик под раковиной, где Руби хранила все свои штуки для волос и макияжа.

Довольно странный ответ на стихотворение, которое, по идее, было горько-сладким.

— Господи, чувак, начни принимать таблетки счастья, — слышался из коридора голос Тиффани. — Как можно писать своей

девушке на день рождения стихотворение, которое звучит так меланхолично? — Она отодвинула Дэна с дороги, схватила с раковины тюбик помады и нанесла немного на губы. — Красные розы, синие фиалки. — Она притянула Ванессу к себе и поцеловала в щеку, оставляя жирный темно-бордовый отпечаток губ. А потом поцеловала и вторую щеку. — Детка, ты такая сексуальная с этими поцелуйчиками по всему лицу!

Девушки захихикали и принялись рассматривать друг друга в зеркало. На Тиффани была черная шелковая туника, позаимствованная из гардероба Руби.

— Классная кофта, — кивнула Ванесса.

— Классные штаны, — отозвалась Тиффани. Ванесса взяла у Руби пижамные леггинсы с расцветкой под зебру, и они в общем-то неплохо смотрелись с черной джинсовой мини-юбкой, черной майкой и армейскими ботинками. Получилось нечто среднее между «Блонди» и «Секс Пистолс».

Дэн вышел, думая о том, что Тиффани не мешало бы быть повежливей, да и его стихотворение было предназначено не для ее ушей. Ну и что, если оно не было радостным, милым и веселым? Оно, тем не менее, все равно было любовным стихотворением. И в нем был смысл, если бы только Ванесса попыталась в него вдуматься.

— Я подумала, что сегодня хороший вечер для небольшого пирсинга, — заявила Тиффани.

Ванесса глянула на нее в зеркало. У Тиффани даже уши не были проколоты.

— Правда? А где?

Тиффани ухмыльнулась и грозно сдвинула брови.

— Я не о себе, дурочка. Я говорю о тебе!

В этот момент раздался звонок домофона, и Тиффани, схватив Ванессу за руку, выволокла ее из ванной.

— Я пригласила кое-кого. Ты же не против? — спросила она.

— Конечно нет, — ответила Ванесса, радуясь тому, что удалось отвлечься от темы пирсинга.

Дэн открыл дверь, и в квартиру, не снимая ботинок, ввалилась

группа здоровых парней в грязных, заляпанных краской комбинезонах.

— Привет, мальчики, — сказала Тиффани и принесла в комнату свою армейскую сумку. Она была доверху забита бутылками водки «Грей Гуз».

— Это моя команда строителей. Они не особо говорят по-английски, — сказала Тиффани и подала каждому из пришедших по бутылке, взяв одну себе. — Время набраться!

Дэн вышел на кухню — сделать себе чашку классного кофе. От «строителей» несло растворителем краски, и, очевидно, они были такими же психопатами, как и Тиффани. Но, если они не говорят по-английски, то значит, ему не придется разговаривать с ними, а это плюс.

Ванесса не возражала против толпы незнакомых чуваков в своей квартире, по крайней мере, до тех пор, пока они сами себя могут развлечь. В любом случае, происходящее уже было похоже на вечеринку. Ванесса подошла к музыкальному центру и поставила песню группы Руби. Был ее день рождения, и присутствия сестры ей не хватало.

«Обожги мне пальцы, попусти меня!» — вырвался из динамиков голос Руби.

В этот момент с улицы послышались другие, гораздо более мелодичные голоса: «Серена! Я встретил девушку Серену!»

Входная дверь все еще была открыта. На площадке перед ней стоял блондин в сопровождении девяти парней. Они как один были одеты в темно-синие костюмы, галстуки из Йеля, а в петлички у всех были вставлены красные розочки.

— Серена уже здесь? — спросил блондин. Точнее, не спросил, а пропел.

— Н-е-е-т е-ще-е-е, — пропела в ответ Тиффани. Она дала каждому по бутылке водки и спросила: — Вы, ребята, танцуете или только поете?

Дэн на кухне курил сигареты одну за другой и без остановки пил кофе. Вечеринка превращалась в какую-то «Вестсайдскую историю» — команда строителей против певцов. Возможно, не обойдется без драки.

Ванесса села на подоконник и начала снимать людей. Вечеринка уже была в той стадии, когда трудно себе представить, что произойдет дальше.

Входная дверь немного приоткрылась и в комнату заскочила белая обезьянка в красной футболочке с монограммой «П».

— Пупсичек! — закричала Тиффани, схватив обезьянку на руки. — Пьянь спит в кладовке. Но если бы он знал, что ты пришел в гости, то наверняка вышел бы поиграть с тобой.

— Кому сигару? — спросил Чак Басе, размахивая полной пригоршней сигар. — Папин лакей только что привез целый чемодан с Кубы.

Лакей?

«Уиффенпуфов» и строительную команду уговаривать долго не пришлось. Тиффани отнесла обезьянку в кладовку, где, свернувшись на любимом сером свитере Дэна, спал Пьянь.

— И попрошу не обезьянничать, ладно, детки? — сказала она, прикрывая за собой дверь и давая им уединиться. Затем Тиффани повернулась к Ванессе. — А теперь как насчет пирсинга?

Ванесса нервно улыбнулась.

— Ну, я, типа, всегда хотела губу проколоть.

— Заметано! — Тиффани схватила за футболку одного из строителей. — Лед, иголки, водку, спички. В ванну. Пошел, — распорядилась она.

В следующее мгновение в дверях появились державшиеся за руки четыре блондинки в серых футболках Джорджтауна.

— Блер Уолдорф уже здесь? — спросила одна из них.

— Еще нет, — ответила Тиффани так, словно она знала Блер Уолдорф всю жизнь. Она протянула блондинкам по бутылке водки. — Но я делаю пирсинг в ванной, если хотите.

Четыре девушки заинтригованно переглянулись блестящими глазами. Они всегда хотели иметь одинаковые татуировки. Одинаковые проколотые пупки будут даже лучше.

— Мы готовы! — закричали они хором.

Ванесса отложила в сторону камеру и пошла вслед за ними в ванну. В конце концов, это ее день рождения. Почему бы и нет?

Может быть, потому, что боль будет адской?

Б И Н

Нянечка по имени Миртл, жившая в комнате вместе с горничной, была нанята специально для присмотра за Йель. Но стоило Блер услышать плач, как она тут же влетала в детскую и гладила лысую головку, пока малышка не утихала. Блер делала это с таким постоянством, что няня в конце концов перестала реагировать на плач, доносившийся по бэйби-монитору. Ведь за этим тут же следовало мурлыканье Блер: «Кто тут моя маленькая принцесса?» До этого родные и не догадывались, что Блер способна на такое.

Впрочем, сегодня няне пришлось-таки выполнять свою работу, потому что Блер шла гулять.

— Я вернусь через два часа, — пообещала она своей крошечной сестричке.

Такси высадило ее в той части Бродвея в Уильямсберге, для описания которой достаточно одного слова: убожество. Тротуар был усыпан мусором, а каждая дверь обрисована граффити. Наверное, эта бритоголовая ненормальная Ванесса и ее сестра считали, что жить в подобном месте было урбанистично, жестко и круто, но Блер вполне могла обойтись без урбанистики, жесткости и крутизны, всем спасибо, все свободны. Пятой авеню было вполне достаточно.

Блер поднялась на облепленную голубиным пометом бетонную плиту, служившую ступенькой, и позвонила в квартиру Ванессы. Ни ответа ни привета. Она позвонила еще раз. Опять без толку. Ну и что ей теперь делать?

— Думаю, они не запирали, — произнес знакомый голос.

Блер обернулась и увидела перед собой Нейта. Вот они и встретились. Лицом к лицу. В Бруклине, что самое невероятное.

Будто это не ради него она вообще пошла на эту вечеринку.

— Я только заехала посмотреть, кто здесь. Я не могу оставаться надолго, — выпалила она. Нейт выглядел немного уставшим и взъерошенным, причем это придавало ему некоторой привлекательности. Словно он задремал в одежде. Собственно, он выглядел именно так, как она себя чувствовала.

— Я тоже, — сказал он, разглядывая ее своими блестящими зелеными глазами. — Ты хорошо выглядишь. Мне... мне нравятся твои волосы.

Блер провела рукой по волосам. Он был единственным человеком в целом мире, который заметил, что они стали чуточку темнее.

— Спасибо, — ответила она.

— Как дела дома, ну, там, ребенок и все такое? — спросил Нейт. Он опустил руки в карманы, словно не знал, куда бы их пристроить.

Кто-то выкинул бутылку водки из окна, и она разбилась о тротуар всего в двадцати шагах от них. Блер спустилась с бетонной плиты. Она не собиралась идти наверх, не сейчас.

— Йель... — Ее голос оборвался, она никак не могла подобрать правильные слова, чтобы описать свою маленькую сестричку. — Она идеальная, — наконец произнесла она.

Во взгляде Блер появилось счастливое сияние, которого раньше не было.

— Я бы хотел познакомиться с ней как-нибудь, — сказал Нейт.

Блер дотронулась до его руки. Что им делать на вечеринке в Бруклине, на которую они оба не хотели идти?

— Идем, сейчас.

Как только Блер произнесла это, подъехало такси, и из него вышли Серена, Дженни, Эллис и два парня в одинаковых бананово-желтых костюмах «Дольче и Габбана». Следом появилась еще одна машина, на которой приехали четыре модели в нарядах, как у Кармен Миранды, и головных уборах в виде фруктовых чаш. За этой машиной подъехало еще одно такси, полное моделей, а затем появились «Рейве» — да, вся группа, минус фронтмен, который только что покинул их.

— Наш «хаммер»-лимузин сломался, и нам пришлось добираться на такси, — радостно хохоча, объяснила Дженни.

Блер сжала руку Нейта и подтолкнула его в сторону первого пустого такси.

— Идем, — сказала она.

— Вы двое, будьте паиньками, — подмигнула им Серена, когда они забирались на заднее сиденье.

Блер улыбнулась и расслабилась. Нога Нейта прикасалась к ее ноге, и все ее тело горело от его тепла. Она чувствовала себя как Сэнди в фильме «Бриолин», когда она и Дэнни улетают в небо на нафаршированной тачке, оставляя всех остальных на школьном празднике. У Блер никогда не возникало сомнений насчет того, чем Сэнди и Дэнни собирались заняться дальше, учитывая те черные виниловые леггинсы на Сэнди и все такое. Он не мог оторвать от нее рук.

«Ты — все, что я хочу, — йоу, йоу, йоу, детка!»

Рука Нейта скользнула между коленей Блер. Убирать ее оттуда он явно не собирался.

О, а жизнь налаживается.

ДЖ ПУТЕШЕСТВУЕТ СО СВИТОЙ

Дэн с трудом узнал свою сестру. Они с Сереной ворвались на вечеринку, разодетые, как кинозвезды, в одинаковых леггинсах в бирюзово-черную полоску, белых ботильонах и бирюзовых кожаных жилетах. Их волосы были уложены, на глазах — накладные ресницы, а губы накрашены ярко-розовой помадой.

Что-то между подружками байкеров из восьмидесятых и отрядом «Стиляги».

Но что еще лучше, их сопровождал полный состав моделей и прочего богемного народа со съемки, а кроме того, члены очень клевой новой группы под названием «Рэйве». Эллис тоже была среди них, одетая в оранжевый комбинезон, который подарил ей Джонатан Джойс. Это была награда за то, что она была такой лапочкой во время съемки.

Дженни подлетела к Дэну и поцеловала его в щеку.

— С днем рождения! — закричала она, хотя прекрасно знала, что это не его день рождения. Сегодня она наслаждалась жизнью по полной и источала адреналин. — Где же Ванесса?

Дэн всунул в рот свою девяностую сигарету за этот вечер и быстро прикурил.

— В ванной, делает пирсинг, — ответил он с горечью в голосе.

— Ого! — Дженни вновь чмокнула его в щеку. — Здесь клевое!

В гостиной «Рэйве» начали расставлять свое оборудование. К Дженни подошла Эллис, намереваясь утащить ее от Дэна.

— Если ты простишь нас, Дэниэл, я бы хотела кое-что показать Дженнифер, — сказала она и схватила Дженни за локоть. — Ты должна это увидеть. В кладовке.

Она случайно не о двух маленьких зверушках, занимающихся чем-то очень пушистым?

Дэн не понимал, почему он так нервничает. С Дженни все было в полном порядке. Вот вам и разница между четырнадцатью и восемнадцатью. Когда тебе четырнадцать, что-то, что кажется

концом света сегодня, завтра совершенно забудется. Когда тебе восемнадцать, твоя жизнь гораздо ближе к своему финалу.

Ох, да ладно! Ему еще нет восемнадцати!

Группа начала играть, и народ в комнате сразу задвигался. В последний час гости прибывали сплошным потоком, и теперь квартира была забита детками из всех частных школ Манхэттена. Теперь, когда они были в двух шагах от выпуска, не имело никакого значения, знали они Ванессу или нет. Только дайте им повод посходить с ума, как они будут тут как тут, Дэн был не в настроении для танцев или для того, чтобы сходить с ума. Вместо этого он решил напиться. Зайдя в гостиную, Дэн взял бутылку «Грей Гуз» из полупустой сумки Тиффани и присел у стены, чтобы пить и наблюдать за группой одновременно. Чак Басс танцевал с девушкой из Джорджтауна. Ее только что проколотый пупок был заклеен лейкопластырем, а на шее висел металлический свисток, постоянно подпрыгивавший и бивший ее по невероятно курносому носу.

Учитывая, кто был ее партнером по танцу, этот свисток ей очень даже пригодится.

Когда Дэн размышлял об этом, к нему подошла девушка в армейской форме, в шлеме и с солдатским жетоном.

— Ты видел Блер Уолдорф? — спросила она, отдав Дэну честь.

Дэн покачал головой и сделал большой глоток водки. Он точно не знал, каким образом это выплывет, но его личное сумасшествие было не за горами.

С НЕ МОЖЕТ СПРАВИТЬСЯ С МАЛЬЧИКАМИ

Серена танцевала с двумя стилистами-геями. Их бананово-желтые костюмы сталкивались с ее бирюзово-черными леггинсами в кричащей манере восьмидесятых, и она никак не могла успокоиться.

— Серена?

Высокий парень в очках в серебряной оправе подошел к ней и взял за руку. Серена прекратила танцевать, чувствуя, как бьется ее сердце. Это был Дрю из Гарварда. Или он из Брауна?

— Привет, — медленно протянула она, хлопая накладными ресницами. — Видишь, как я обычно одеваюсь, — сказала она, показав глазами на свои вызывающие полосатые леггинсы и белые ботильоны. Она отчаянно пыталась вспомнить, кто же такой Дрю.

Лица всех мальчиков совершенно смешались в ее голове. Он художник или музыкант?

Дрю натянуто улыбался. Похоже, ему было не слишком комфортно в своем аккуратно выглаженном костюме от Джей Кру и коричневых замшевых туфлях. Он выглядел так, будто хотел сказать ей: «Давай свалим отсюда и пойдем пить кофе тет-а-тет в каком-нибудь тихом и милом местечке».

Серена не знала, что делать. Она хотела быть именно такой девушкой, действительно хотела этого. Девушкой, которая пьет кофе со своим парнем. Парой. Но она не жаждала этого настолько, чтобы пропустить вечеринку.

Внезапно кто-то схватил ее за талию и сильно дернул назад. У Серены перехватило дыхание, когда она увидела квадратную рожу тупорылого соседа Дрю.

— Ой! — вскрикнула она, шокированная таким обращением.

— Ты помнишь Вейда? — спросил Дрю, явно смущенный поведением друга. — Он увязался за мной, и я не смог отговорить его.

Вейд прижал ее к себе и поцеловал в губы. Чмок!

— Разве ты не рада? — спросил он.

Серена не собиралась быстро сдаваться, но надо признать — она была рада. Чем больше, тем лучше, а кроме этого ее ничего не волновало. В этот момент невысокая женщина со светлыми рыжеватыми волосами и аккуратной черной сумочкой от Кейт Спейд похлопала ее по плечу.

— Ты знаешь Нейта Арчибальда? — спросила она.

— Знаю, — кивнула Серена, — но он уже свалил.

Дрю по-прежнему стоял рядом с ней, держа руки в карманах. Он был совершенно растерян, не зная, что же ему делать.

— Это мой друг Дрю, — представила его Серена. — Он учится в...

— В Гарварде, — выручил Серену Дрю и протянул руку женщине. Сделал он это в своей манере — очаровательной и занудной одновременно. В противоположном конце комнаты запели «Уиффенпуфы». Звучали они фантастически. Серена приподнялась на носочки, чтобы помахать им, и в ответ все десятеро «Уиффенпуфов» послали ей воздушные поцелуи. Но, кажется, кого-то не хватало... Художника из Брауна! Разве он не любил ее так же, как и все остальные?

О, а любил ли вообще?

Серена заметила, что народ столпился у окон и с интересом наблюдает за чем-то происходящим на улице.

— Подсадишь меня на плечи? — мило попросила она Вейда.

Вейд поднес Серену к окну. Внизу кто-то зеленым и золотым спреями рисовал картину. Это был Кристиан, серьезно склонивший голову над работой. Когда рисунок приобрел очертания, стало ясно, что это портрет Серены. В ее волосах художник нарисовал флуоресцентных зеленых бабочек, а за спиной были крылья, так что весь образ напоминал какого-то божественного ангела.

Серена засмеялась, она была смущена, но одновременно явно довольна столь открытым обожанием Кристиана. В конце концов, возможно, ей и не нужна настоящая любовь? Может, ей нужна просто... любовь? А она была повсюду.

ПОГРЕМУШКА Б ЗАВОДИТ Н

— Иди по этой стороне комнаты, — прошептала Блер. — А то там половицы скрипят.

Нейт шел за ней через детскую, освещаемую только ночником с бумажным абажуром, туда, где в своей белой кружевной кровати спала Йель. В углу, у окна нес караул пятнистый серый пони в натуральную величину из «ФАО Шварц».

Малышка лежала на спине и была укутана в розовое одеяльце, ее красное личико было сморщенным и красным.

— Видишь, как шевелятся ее глаза под веками, — прошептала Блер. — Ей что-то снится.

Нейту трудно было представить, что именно может сниться существу, совсем недавно появившемуся на этот свет, но, наверное, думал он, это было похоже на то, что происходило с ним во сне, когда он сильно обкуривался. Он ничего не видел, он просто чувствовал. И всегда просыпался голодным.

Блер достала из кровати маленькую серебряную погремушку. Она выглядела как крошечная гантель.

— Когда-то эта игрушка была моей, — сказала она и перевернула погремушку. — Видишь эти маленькие отпечатки зубов?

Блер протянула игрушку Нейту. На первый взгляд, она казалась гладкой, но если присмотреться, то можно было увидеть сотни крошечных зарубок. Ничего удивительно, что с самого старта Блер была воинственной пираньей, агрессивной и маниакальной. Но теперь в ней появилось какое-то спокойствие, казалось, что, успокаивая ребенка, она научилась успокаиваться сама.

Нейт отдал погремушку, и она громко затрещала. От резкого звука Йель начала шевелиться и хныкать, дергая руками и ногами во все стороны и морща лицо, похожее на сушеный абрикос.

Блер нагнулась над кроватью и достала сестричку.

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Ничего страшного. Спи, моя маленькая. — Она покачала ее, и Йель успокоилась. Затем Блер положила малышку обратно и поправила одеяльце, — Вот так.

Спи, — сказала она и взглянула на Нейта.

— Она такая красивая, — сказал Нейт срывающимся голосом, а затем взял Блер за руку и вытащил в коридор. Она закрыла дверь в детскую, после чего Нейт страстно обнял ее. — Моих родителей нет дома, — прошептал он ей в волосы.

Пентхаус был таким безмолвным, что Блер казалось, будто она слышит стук своего сердца. Тайлер и Аарон смотрели кино в библиотеке, а мама с Сайрусом куда-то ушли. Но она никак не могла заниматься сексом с Нейтом, когда Йель невинно посапывала в соседней комнате. Она закрыла глаза и поцеловала его еще раз, прежде чем прошептать: «Да, я готова».

Наконец-то.

ДЖ ГОТОВИТСЯ К СКАНДАЛЬНОМУ БУДУЩЕМУ

Дженни никогда не считала, что умеет хорошо танцевать, но разве можно было удержаться от танца в этих сумасшедших белых ботильонах? А самым потрясающим в ее бирюзовом кожаном жилете было то, что он все держал на своих местах. Никаких скачков груди. Никаких случайных прикосновений. Никакого уханья-буханья. Собственно, и без жилета она бы нормально себя чувствовала. Гораздо, лучше, чем нормально.

«Рэйве» прекратили играть и объявили о коротком перерыве. Но «Уиффенпuffy» только входили в раж.

«Раз, два, раз, два, три...» — начали они и обратили свое внимание на Дженни. «Дженни, о Дженнифер. Младшая сестра Серены, Дженнифер. Они не похожи. Одна высокая, другая нет, но они прекраснее всех на земле».

К Дженнифер подошла Серена и, покачиваясь в такт песни, положила ей руку на плечо. Остальные гости двигались по комнате, не обращая внимания на то, что настоящая музыка закончилась.

«Дженнифер, у нее здоровенные буфера!» — громко пропел Чак Басе, проходя мимо двух девушек и тряся перед ними задом. В комнате послышалось несколько смешков.

О-о-х.

— Ты знаешь, она сделала с ним это однажды, — прошептала девушка из «Ситон Арме» своей подруге. — В октябре их поймали на вечеринке, в туалете. Она была, типа, абсолютно голой, а Чак вставлял ей прямо на унитазе.

— Я думала, он голубой, — ответила девушка в новенькой футболке колледжа Вассара.

«Все хотят прижаться к большим сиськам Дженни!» — продолжал Чак.

— У Чака Басса волосатая жопа! — громко пропела в ответ Серена. — Не обращай внимания, — сказала она Дженни.

Но вместо того, чтобы покраснеть от гнева и дикого стыда, Дженни рассмеялась от всей души. Две недели назад подобное выступление Чака было бы унижительным. А сейчас все смеялись над ним, и не вместе с ним. И теперь, когда скандал — или два, или три — был позади, она гордо расправила плечи, поверила в себя. У нее было прошлое, своя история. Она была девушкой, о которой говорили. Большие буфера и все такое, но она, Дженнифер, была обречена на успех.

И если жизнь повернется хреново и все пойдет куда-то не туда, она может попасть в интернат, чем ее не раз пугал отец. И там она возродится из пепла. А может, даже вернется из интерната и возродится еще раз, так же как Серена.

У нее, возможно, даже будет столько же бойфрендов, сколько у Серены. Когда-нибудь.

Д ОТКРЫВАЕТ В СЕБЕ НОВЫЙ ТАЛАНТ

— Не угостишь сигареткой, дружище? — спросил у Дэна Дамиан Полк, лидер-гитарист «Рэйвс» и один из его любимых музыкантов. Но Дэн был слишком пьян, чтобы благоговейно трепетать при виде такой суперзвезды. Он протянул смятую полупустую пачку «кэмел», которую открыл всего полчаса назад, и Дамиан прикурил сигарету от желтой биковской зажигалки Дэна. Дамиан был одет в нечто вроде холщового коричневого военного пальто, на котором сзади черной краской были написаны слова на финском или еще а каком-то подобном странном языке. Это пальто выглядело настолько безобразно, что носить его могла только знаменитость. — Не в курсе, кто здесь живет? — спросил он.

— Я, — пьяным голосом ответил Дэн. — Типа, со своей девушкой. Это квартира ее сестры, но она в отъезде.

Дэн решил не упоминать Тиффани. Он предпочитал думать, что Тиффани и вовсе не существует. И если вспомнить, он весь вечер не видел ни Ванессу, ни Тиффани. «Сколько времени может занять пирсинг?» — вертелось в его затуманенном от водки мозгу.

Дамиан задумчиво кивнул.

— Ты не в курсе, кто написал все те песни, ну те, в черных кожаных блокнотах, которые я нашел в другой комнате? — спросил он.

Дэн вдруг задумался, не отключился ли он окончательно и не видит ли весь этот разговор во сне.

— Это стихи, — поправил он, пытаясь отмахнуться от пропитанных счастьем мелодичных звуков, издаваемых «Уиффенпуфами», которые все еще пели серенаду его сестре. Высокий парень в очках в широкой оправе и невысокого роста женщина с рыжеватыми светлыми волосами танцевали танго. — Это мои стихи. — Дэн попытался встать, но его колени подогнулись, и он опять сполз по стене. Если в ближайшее время он не поднимется, то обмочит штаны.

Дамиан собрал полы своего пальто в руку и присел перед Дэном.

— Я тебе говорю, чувак, это песни.

Дэн остекленевшими глазами уставился на знаменитый десятисантиметровый шрам на не менее знаменитом лбу Дамиана. Говорили, он получил его после падения с велосипеда. У него что, от этого крыша поехала?

— Чувак, — продолжал настаивать Дэн, — я написал их. И это стихи.

— Песни. Песни, песни, песни. — Дамиан протянул руку и поднял Дэна. — Идем, я покажу.

Дэн потащился следом, спотыкаясь об окружающих и бормоча извинения.

— Эй, когда вы снова будете играть? — крикнул кто-то.

— Скоро, придурок, — гаркнул Дамиан, показывая средний палец.

Комната Ванессы была так же забита людьми, как и гостиная. Остальные участники «Рэйвс» собрались на кровати, перебирая блокноты Дэна.

— Ты видел эту? Называется «Шлюхи», — сказал Дамиану бас-гитарист. — Получится отличная, типа, баллада о доставшей любви. Вроде идеальной песни для середины выступления. Особенно после этой смешной «Убить Пьянь».

Дэн уставился на них. Он по-прежнему думал, что спит, а может, просто умер, после того как на него наступил один из здоровых друзей-строителей Тиффани.

Дамиан подтолкнул его вперед.

— Я нашел чувака, который написал, их, — сказал он. — И вид у него нормальный, вполне подходит для фронтмена.

Дэн покачнулся. Фронтмен?

— А петь он хоть может? — спросил барабанщик, оглядывая Дэна с ног до головы и подергивая свои странного вида, пугающие усы. Стил «Рэйвс» был полной кашей. Что-то от клевого старшего брата, что-то от серийного убийцы.

Петь?

Дамиан хлопнул Дэна по спине.

— Попробуешь, да? В конце концов, это твои песни. Пой как хочешь. Мы играем довольно громко, и тебе все равно придется орать изо всех сил. — Он еще раз хлопнул Дэна по спине. — Постарайся только, о'кей?

Когда Дэн шел с группой в гостиную, ему казалось, что его тело находится в руках какого-то маниакального кукловода с очень извращенным чувством юмора. Он знал: следующее, что он должен сделать, — сорвать с себя рубашку.

Конечно, он же теперь фронтмен все-таки.

Барабанщик ударил несколько раз своими палочками, и комната притихла в ожидании.

— Первая «Убить Пьянь», да? — спросил он у Дэна.

Дэн кивнул. Он едва помнил слова, но был пьян вдрызг, да и к тому же это все равно не поэтическое чтение.

Группа издала бурные, ритмичные, резкие звуки с вибрирующей басовой линией. Идеально для стихотворения или песни, или чем там они это хотели считать.

«Хочешь есть? Я приготовил кое-что! Умри, Пьянь, умри! — заорал в микрофон Дэн. — Ты устал? Я уложу тебе спать! Умри, Пьянь, умри!»

«Умри, Пьянь!» — поддержали «Уиффенпуфы».

Комната была забита под завязку. Как только прозвучали первые аккорды, ее охватило сумасшествие — гости как по команде стали дергаться в такт музыке и срывать с себя одежду.

Дэн сорвал рубашку. Какого черта? Он показал всем средний палец. «Хочешь еще? Иди и возьми! Умри, Пьянь, умри!»

Ладно, может, он и нажрался в жопу, но это все же намного лучше, чем купаться в жалости к себе и пыли в том углу.

И теперь он понимал — все эти годы он писал не стихи, а больные, мрачные песни.

В ВЫШВЫРИВАЕТ ВСЕХ ВОН

— Эй, есть тут кто по имени Ванесса? — крикнул парень из-за дверей ванной.

— Да, а что? — крикнула в ответ Ванесса и приоткрыла дверь. Последние полчаса она провела, наклонившись над раковиной и держа губу под холодной водой, но та продолжала кровоточить.

Парень всунул ей в руку телефон. Он был без рубашки, и на его груди можно было увидеть татуировку в виде змеи.

— Эта конченая звонит уже, типа, в пятисотый раз, — сказал он. — Она че, не врубается, что мы пытаемся послушать музыку?

Ванесса взяла трубку и зажала между плечом и ухом, пока Тиффани прикладывала лед к ее губе.

— Алло?

— Эй, это твоя сестра, помнишь меня еще? — кричала Руби. — Что за хрень там происходит?

— У меня вечеринка, — пояснила Ванесса, хотя это вряд ли это что-то объясняло. Руби прекрасно знала, что, кроме Дэна, друзей у Ванессы было ровно ноль.

— О, да что вы говорите, мисс Именинница?! И кто же пришел на эту вечеринку?

Ванесса взглянула на Тиффани.

— Это твоя сестра? — одними губами произнесла Тиффани. Ванесса кивнула, и Тиффани положила горсть льда ей в руку.

— Потом поговорим, — сказала Ванесса, отшвырнула ногой залитые кровью полотенца, устилавшие пол ванной, и вышла, оставляя дверь открытой. В ту же секунду она остолбенела от доносившихся из комнат какофонии — музыки, криков, сигаретного дыма и запаха водки.

— Это что, «Рэйвс»? Вживую? Тебя что, наняло MTV для съемок клипа? — спросила Руби.

— Точно не скажу, — честно ответила Ванесса. Она знала, что вечеринка сильно изменилась с тех пор, как она исчезла в ванной, но

она и близко не представляла себе ее масштабы. — В любом случае, Тиффани живет со мной.

— Какая еще Тиффани?

— Тиффани. Ты дала ей ключ. Она сказала, ты разрешила ей пожить здесь сколько нужно. Она спит на твоей кровати.

На мгновение Руби замолчала.

— погоди, я, кажется, знаю, о ком ты. У нее еще хореk есть, да? Она всем рассказывает эту историю, как путешествовала по миру и делала всякие клевые штуки, а теперь ей просто нужно место, чтобы перекантоваться?

В точку.

— Поверить не могу, что у нее до сих пор есть ключ, — продолжала Руби. — Ты что, забыла историю о той девице, которая, типа, оккупировала квартиру, когда я вселилась? В конце концов, я заставила домовладельца избавиться от нее, хотя при этом она все время вела себя так, будто мы лучшие подружки.

Это было похоже, на Тиффани.

— Но она даже не местная, — пробормотала Ванесса. — Она живет везде. У нее страсть к путешествиям. — Это было одно из любимых выражений Тиффани, но, блин, из уст Ванессы оно звучало по-идиотски.

— Она сволочь, — сказала Руби. — И использует людей. Спорю, она ни разу не покупала еду или что-то еще. Ну за исключением разве что алкоголя.

Ванесса не знала, что сказать. Это была правда. Они с Дэном действительно кормили Тиффани всю неделю.

— Кроме того, нам нельзя держать животных в доме. Из-за этого хорька нас могут выселить. Вышвырни ее, детка. Ладно?

Ванесса готова была расплакаться. Как она могла быть такой дурой и позволить этой девице, которую даже не знала, руководить ее жизнью? Совсем как в «Ядовитом плюще» — ужасном фильме с Дрю Берримор. Ванесса никогда не признавалась, что смотрела этот фильм. Там стерва Дрю начинает жить с милой и невинной девушкой и полностью разрушает ее жизнь.

— Я позвоню завтра, ладно? — пообещала Руби.

— Ладно.

Ванесса отключила вызов. Ее руки тряслись. Она бросила телефон в раковину и влетела в гостиную, совершенно забыв о своей кровоточащей губе.

Бог ты мой.

В квартире было не протолкнуться. Девицы из «Констанс Биллард», «Ситон Арме» и всех остальных школ, с которыми Ванесса не желала иметь ничего общего, изгибались и трясли задницами перед парнями из «Сент Джудс» и «Риверсайд». «Строители» из «бригады Тиффани», которые, наверное, на самом деле были профессиональными ворами, а может, и чего хуже, рушили стену с помощью кирки Тиффани. Хорек и обезьяна Чака Басса носились друг за другом и трахались на футоне Руби. А Тиффани собственной персоной сидела перед телевизором и показывала всем фильмы, которые Ванесса снимала несколько месяцев назад. Но где же Дэн? Это она игнорировала его или он игнорировал ее?

Продравшись сквозь толпу, Ванесса подскочила к Тиффани и выхватила пульт у нее из рук.

— Это личное! — крикнула она, выключая телевизор. Мало-помалу она чувствовала, как возвращается грубая, раздраженная прежняя Ванесса..., и это было круто. И то, что Тиффани украла это у нее, только добавляло злости.

Наша девочка!

Тиффани захохотала своим глупым, громким, ну-разве-мы-не-самые-лучшие-подружки смехом.

— Дэн — скучный поэт и просто ужасный актер, — сказала она и показала в другую сторону комнаты. — Но если это соединить — посмотри, что получается!

Ванесса уставилась на нее, а потом развернулась посмотреть, что там такое. Там был Дэн, стоявший на перевернутом ящике из-под молока. Полуголый и потный, он кусал микрофон, выплевывая слова своих стихов так, будто они были песнями. С этим она разберется позже.

— Это кофта моей сестры, — сказала Ванесса ровным

голосом. — Положи на место.

— А ты в ее штанах, — ответила Тиффани.

— Она — моя сестра. Отдай, — распорядилась Ванесса. — А потом бери своих друзей и гребаного хорька и вали отсюда на хрен.

Ярость, нараставшая после разговора с Руби, наконец-то полностью захватила Ванессу. Это был ее день рождения, а никому не было ни малейшего дела, что происходило с ее домом. Она даже не знала большинства из этих людей.

— Пошли на хрен! — крикнула Ванесса. — Убирайтесь все вон!

Как бы она ни старалась, но громкую музыку и пьяное завывание Дэна перекрычать ей было не под силу.

Но у Ванессы все же оставался еще один козырь. Это была ее квартира, и она знала, где находятся предохранители. Оттолкнув полураздетого потного парня и его еле стоящую на ногах пьяную подружку, она ворвалась в кухню, залезла на кухонный стол и открыла металлическую коробку над плитой. После нескольких щелчков выключателями музыка смолкла, а единственная горевшая лампочка осталась над ее головой.

— ВСЕ ПОШЛИ ВОН! — заорала Ванесса снова, открывая рот так же широко, как Люси из комикса «Орешки», когда она серьезно злится на Чарли Брауна. И делать это в реальности адски больно, особенно с только что проколотой губой.

— Что за фигня? — спросил парень, на котором из одежды были лишь семейные трусы с эмблемой Принстона.

— Это еще кто такая? — спросила его подружка.

Но так или иначе, кому приятно быть непрошеным гостем? Медленно, но верно участники вечеринки выходили на лестничную площадку. Ванессе даже показалось, что она услышала звук падающей кирки. Она села на плиту и, постукивая своими армейскими ботинками по духовке, наблюдала за тем, как все уходят из ее квартиры.

— Почему бы ей просто не попросить нас быть потише? — спросил кто-то.

— И что нам теперь делать? Сейчас только двенадцать, — поддержал его другой голос.

Естественно, что у Чака Басса нашлось идеальное решение.

— Мы можем пойти ко мне! — закричал он, хватая свою обезьянку и засовывая ее под рубашку. Он приобнял двух блондинок из Джорджтауна. — Вы можете переночевать у меня, если хотите.

Тиффани прошла мимо кухни в одном черном лифчике, который, скорее всего, тоже принадлежал Руби. Она швырнула чем-то в Ванессу.

— Вот твоя гребаная кофта.

Но Ванесса не собиралась отвечать на грубость. Ей вполне достаточно было видеть, как Тиффани берет своего хорька за шкурку и тащит армейский вещмешок к выходу.

Впрочем, без крыши над головой она не останется. У Чака достаточно места для всех.

Д И В ДЕЛАЮТ НА СЛОВАХ

Теперь оставалась всего пара отбившихся от толпы. Ванесса включила свет и занялась оценкой разрушений, постигших ее дом. Ей придется воспользоваться услугами фирмы по уборке квартир, чтобы справиться с этим. Может, она даже найдет какой-нибудь способ повесить расходы на Тиффани.

Дэн стоял на четвереньках, пытаясь отыскать свою рубашку и обувь. Его склокоченные темные волосы прилипли к глазам, и он почти ничего не видел.

Ванесса спрыгнула с плиты.

— Ты можешь остаться, — нежно сказала она ему. В конце концов, все произошло только по ее вине. Если бы она так не увлеклась бреднями Тиффани, они с Дэном прекрасно бы жили вместе, а не утопали в этом кошмаре.

Дэн нашел одну кроссовку «Пума» и натянул ее. Одна все же лучше, чем ничего. Он встал. Нижняя губа Ванессы была покрыта кровавой корочкой, но она выглядела гораздо лучше, чем он себя чувствовал.

— Нужно группу догнать. Они хотят сделать меня своим фронтменом, — невнятно объяснял он.

Ванесса понятия не имела, о чем речь. Может, если бы они просто сели и поговорили, как раньше, все бы вернулось на свои места.

— У меня же день рождения, — напомнила она, стараясь не расплакаться. — Не хочешь прочитать стихотворение, которое ты посвятил мне?

Дэн покачал головой. Почти все, что он писал когда-либо, было посвящено ей.

— Это песни. Это все песни, — сказал он.

— Не важно.

Ванесса достала лист бумаги из шкафчика в ванной, радуясь, что какая-нибудь наглая девица в поисках геля для волос не наткнулась

на него и не унесла с собой.

Она протянула Дэну листок и села напротив. Какое облегчение — опять оказаться наедине, даже если вокруг обваливались стены.

Сердце Дэна все еще билось с бешеной скоростью, Но все остальное тело было заторможенным. Он пытался читать как можно четче, медленно двигая тяжелым от алкоголя и усталости языком.

список того, что любишь ты:
черные ботинки с металлическим носком
мертвых голубей
грязный дождь
иронию
меня

список того, что люблю я:
сигареты
кофе
твои яблочно-белые руки

но особенность списков такова
они пропадают неизвестно куда

— Это же песня, разве нет? — размышлял Дэн. Ну, типа, с музыкой это же звучит гораздо лучше.

Он попытался прочитать стихотворение еще раз, но слова начали плясать на бумаге, и он уже не видел в них никакого смысла. Он знал, что написал их зачем-то, но вот зачем — вспомнить уже не мог.

Ванесса всхлипнула, и Дэн поднял на нее глаза. Она плакала, всхлипывая и лоя ртом воздух, как тот, кто плачет совсем нечасто. Всего минуту назад Дэн веселился, кричал из всей дури в микрофон. Но теперь все так серьезно?

Ванесса взяла его за руку. Ее мокрое от слез лицо покрылось пятнами, из носа текло, а над верхней губой висело серебряное окровавленное колечко.

— Слушай, я знаю, все сейчас испорчено, но все будет хорошо. Как в твоём стихотворении. Мне нравятся отвратительные вещи. Нам обоим нравятся. Когда все не идеально, да?

Рука Дэна безжизненно лежала в ее руке. Он знал, что Ванесса говорит о чем-то важном, но не мог сосредоточиться. Сигарета — все, чего он хотел, и, насколько он помнил, он уже уходил. А может, сигареты лежали во второй кроссовке.

— Мне кроссовку надо найти, — сказал он.

Ванесса продолжала плакать. Она крепко сжала его руку, ей хотелось закончить начатое, объяснить, что, по ее мнению, означало стихотворение, насколько оно соответствовало тому, что происходило в их жизни.

— Нам не нужно учиться в одном университете и даже жить вместе. Мы можем просто быть, — сказала Ванесса и утерла нос тыльной стороной руки. На ее леггинсах раскраски под зебру были видны маленькие капельки крови от пирсинга. Она с силой потерла их.

— Неважно, что мы делаем, мы всегда будем вместе, да? — спросила Ванесса.

— Да, — по инерции кивнул головой Дэн. Нет, он не чувствовал боли, просто в данный момент он не был способен на серьезный разговор.

Плечи Ванессы дрожали от немых всхлипываний. Она опять вытерла нос, наклонилась вперед и поцеловала его в губы. Дэн попытался ответить на поцелуй, но побоялся сделать ей больно.

— Ладно, — она выпустила его руку и выдавила улыбку. — Убирайся. Становись рок-звездой или кем угодно.

Дэн уставился на нее. Она отпускает его? Нуда.

— Ты уйдешь, наконец?! — Ванесса, сопротивляясь очередному приступу всхлипываний, толкнула его в грудь.

Дэн поднялся на ноги. Пол был засыпан слоем окурков, пустых бутылок, забытой одежды и разбитого барахла.

— Я могу вернуться завтра и помочь убрать все это, — без намека на энтузиазм предложил он.

Можно подумать, что завтра он будет полон сил и энергии и готов натянуть резиновые перчатки и драить полы на пару с «мистером Клином».

Б И Н ЗАНИМАЮТСЯ ЭТИМ НА САМОМ ДЕЛЕ

— Оно по-прежнему у тебя?

Блер взяла со спинки стула болотно-зеленый кашемировый джемпер, подаренный Нейту больше года назад и оставленный здесь прошлой ночью. Она вывернула его наизнанку, проверяя, есть ли с внутренней стороны рукава пришитое ею малюсенькое золотое сердечко. Есть.

Нейт стоял посреди комнаты и наблюдал за Блер. Сейчас ему больше всего хотелось сорвать с себя одежду, схватить Блер и швырнуть ее на кровать. Но он знал, что Блер любит все делать по-своему и ему нужно быть терпеливым.

Блер положила джемпер и провела рукой по стоящей на столе Нейта модели корабля. Рядом была фотография, на которой Нейт с друзьями по «Сент Джудо» с гордостью демонстрировал двух рыбин, пойманных во время рыбалки в Мэне. Сильные накачанные руки, широкая белозубая улыбка, золотистые волосы и сияющие зеленые глаза — Нейт однозначно был самым красивым из всех. Хотя это она прекрасно знала и так.

Блер не понимала, чего ждет, и она вовсе не увиливала. Просто она давно не оказывалась рядом с ним в такой романтической, идеальной во всех отношениях обстановке. Самое смешное то, что во все остальные разы — а их было достаточно — она думала, что они будут заниматься сексом, и так нервничала, что говорила без умолку. Но не сейчас.

— Может, поставить музыку, или фильм, или еще что-нибудь? — спросил Нейт, размышляя, как бы помочь ей настроиться на нужный лад. Если бы только у него были свечи, или благовония, или еще что... Массажное масло? Наручники? Ладно, лучше не увлекаться.

Блер подошла к книжной полке и включила дурацкую лампу-глобус — ту самую, которую Нейту подарили, когда ему было пять лет. Потом она выключила верхний свет. Свет от лампы-глобуса смешивался с лунным сиянием, падающим сквозь стеклянный

потолок, от чего комната словно купалась в мягком голубом блеске. — Бот так. — Блер сняла свои черные балетки от Кейт Спейд. Ее темно-красные ногти даже ей самой казались очень сексуальными. Она улыбнулась Нейту. — Иди сюда.

Он сделал так, как она просила, а потом запустил руки под ее кофту, помогая ей избавиться от нее, в то время как она, раздевая его, едва не оторвала ему голову. Ее лифчик — простой кусочек прозрачной белой ткани — упал на пол, как лист бумаги.

Нейт до сих пор не верил в реальность происходящего. Они доходили до этого момента много раз, и он бы не удивился, если бы в этот момент мама Блер вдруг постучала в дверь и сообщила, что на самом деле у нее тройня и оставшиеся дети появятся буквально в эту минуту.

Блер обняла его за шею и прижалась к нему всем телом. Каждый раз, когда она представляла себе это, она ставила себя и Нейта на место актеров из старых фильмов. Одри Хепберн и Гари Купер в «Любви после полудня». Кэтлин Тернер и Уильям Харт в «Жаре тела». Но сейчас все было гораздо лучше, потому что это происходило по-настоящему и это было приятно.

Он не мог перестать целовать ее. Она направила его руку вниз к поясу своих джинсов, а следом потянулась к нему. Ну ладно, может, никто и не постучится в дверь, а небо не обрушится. Может, на этот раз это произойдет на самом деле.

Она потянула его на кровать. И они избавились от своего белья. И не осталось ничего, кроме них самих. Они целовались, как только и где только возможно, пока не настал момент принятия определенных мер. Нейт открыл свой прикроватный столик и достал презерватив.

А теперь неловкая часть.

Только она не была неловкой. Без лишних слов Блер взяла презерватив, поцелуями проложила путь вниз по его телу и осторожно надела. Вот так. Теперь хорошо.

Нейт уже забыл, как это — быть с Блер. Как ее тело не было похоже на дом с привидениями, где ты слепо должен угадывать, где что и что именно, и в итоге все равно врезаешься в стены. С Блер он просто знал. И все было идеально.

Блер даже не нужно было просить Нейта сбавить скорость. Они

все делали синхронно, ей оставалось только закрыть глаза и обнять его, немного выгнуть спину и почувствовать.

Тада!

Когда все закончилось, они лежали, держась за руки и улыбаясь в потолок, потому что знали, что через несколько минут смогут все повторить. Они могли, если бы захотели, провести всю оставшуюся жизнь, занимаясь этим. Еду им будет приносить посыльный. Экзамены они сдадут онлайн.

— Может, я даже и не пойду в колледж, — задумчиво протянул Нейт. Зачем ему идти туда, если вокруг было столько удовольствий? Он поцеловал ее руку; — Мы могли бы поехать в кругосветное путешествие вместе. Поискать приключений.

Блер закрыла глаза и попыталась представить кругосветное путешествие с Нейтом на яхте, которую он построит специально для них.

— Я буду каждый день надевать новое бикини «Миссони», и у меня будет потрясающий загар, — прошептала она.

Это было только начало фантазии, Блер продолжала мечтать, и мечты были все более и более прекрасными. Их тела будут сильными и гибкими от работы на яхте и диеты из сырой рыбы, морских водорослей и шампанского. По ночам они будут заниматься любовью под звездами, а по утрам — заниматься любовью под крики чаек. У них будут красивые, загорелые, золотоволосые, зеленоглазые дети, они никогда не будут носить одежду, и будут плавать, как дельфины. Они будут останавливаться в экзотических портах, где местные жители будут танцевать для них и подносить дары в виде драгоценностей и мехов. В конце концов они соберут такую огромную коллекцию сокровищ, что станут известны по всему миру как самые богатые покорители морей, и пираты будут охотиться на них, чтобы отобрать трофеи и украсть их немислимо прекрасных детей, таких же, как в рекламе Ральфа Лорена. К тому моменту, не зная, чем себя занять на корабле, они с Нейтом займутся карате, получают черные пояса и будут отбиваться от пиратов, отправляя их прямо на съедение акулам. А потом они уплывут в лунное сияние, невредимые и влюбленные друг в друга даже больше, чем прежде. Да, вполне возможно.

— А может, мы вместе пойдем в Йель, — с надеждой сказала

Блер. Какой-то доктор из больницы, где лежала ее мать, оставил сегодня записку у дворецкого, в которой говорилось, что он хочет написать рекомендательное письмо для медицинского факультета Йеля. Она никогда не думала о карьере доктора, но если это поможет попасть в Йель, то почему бы и нет?

— Я буду играть в лакросс и учиться на геолога, — пробормотал Нейт ей в волосы.

— Да, — мечтательно согласилась Блер.

Нейт будет проводить раскопки в лесах Коннектикута, искать драгоценные камни и носить красивые аранские свитера, которые она будет вязать во время длинных лекций по медицине. Все студентки медфака будут влюблены в гениального молодого биолога, который окажется куратором Блер, но она не будет обращать на него никакого внимания — для нее будет существовать один только Нейт.

— И мы будем жить вместе, — вслух добавила она. В старинном доме в викторианском стиле прямо возле кампуса. Они будут готовить горячий сидр на дровяной печи и сладкие сэндвичи из крекеров, зефира и шоколада над огнем.

— И заведем немецкого дога, — улыбнулся Нейт.

— Нет, двух немецких догов и двух котов, — поправила его Блер. И они будут так заняты своей учебой и сексом на старинной кровати в скрипучей викторианской спальне, что забудут о стрижке, перестанут покупать новую одежду, и будут похожи на хиппи, но все равно окончат университет с отличием.

— И мы поженимся, — прошептал он.

— Да, — ответила Блер и сжала его руку под одеялом.

У них будет грандиозная свадьба в соборе Святого Патрика, и, когда они вернутся из своего медового месяца на юге Франции, который будет продолжаться целый год, они будут жить в пентхаусе на Пятой авеню с видом на парк. Она будет главой департамента здравоохранения мэрии Нью-Йорка, а он будет сидеть дома с их четырьмя золотоволосыми, зеленоглазыми детками, конструируя яхты в гостиной. И он всегда будет добавлять «Шоколадный поцелуйчик» от «Хершиз» к ее обеду, чтобы продемонстрировать ей свою любовь.

Блер перевернулась и положила голову на грудь Нейта. Их

возможности не имели границ, но они не обязаны были принимать решение немедленно. Единственное решение, которое нужно принять прямо сейчас, — это заняться этим снова, или подождать еще пару минут и потом заняться.

Его сердцебиение отдавало в ее ушах сильным, вибрирующим звуком. Она подняла голову и поцеловала его.

Зачем ждать?

Примечание: Все настоящие имена, названия мест и событий были изменены или сокращены, чтобы не пострадали невиновные. В том числе и я.

ЭЙ, НАРОД!

Передвижной фестиваль

Когда я проверяла последний раз, все по-прежнему дышали. Едва. Прошедшая ночь — которая тянулась до сегодняшнего раннего вечера — считается одной вечеринкой или двумя? Это на самом деле были «Рэйвс» или какая-то конченная местная группа, которая только прикидывалась ими? И наш любимый поэт с Верхнего Вест-Сайда был действительно таким пьяным, что не мог найти свою вторую кроссовку? Конечно, это отнюдь не повлияло на его пение. На Манхэттене он звучал даже лучше, чем в Бруклине, но, возможно, это только потому, что мы к тому времени набухались вдрызг. Больше всего мне понравилось, когда блондинки в одинаковых футболках Джорджтауна, со свистками и пластырями на пупках, исполнили небольшой танец группы поддержки, а потом позвали всех мальчиков в спальню поиграть в бутылочку. А я-то слышала, что все девушки в Джорджтауне — воплощение целомудрия.

Две окончательно пропавшие личности оставались пропавшими весь вечер и продолжают считаться пропавшими без вести. Поговаривают, пропали они вместе, и до конца учебного года нам предстоит смотреть на их сюсюканье, потому что любовь прекрасна, и бла, бла, бла: Но я уверена, мы сможем придумать несколько сюрпризов, чтобы их жизнь не была такой скучной, правда?

Ваши письма

Дорогая Сплетница,

Я просто волнуюсь за свою сестру. Вчера у нее в Бруклине была сумасшедшая вечеринка и там случилось много всякого дерьма. Я думаю, что и ты тоже была там. С ней все в порядке?

— рб

Дорогая рб,

Она выглядела слишком расстроенной, когда выгоняла нас, и вряд ли сейчас находится в своей тарелке. Хотя мы, девушки, отходчивые. Правда, ее губе понадобится время, чтобы зажить, да и от помощи в уборке она бы точно не отказалась.

— Сплетница

Дорогая Сплетница,

Короче, мы все поехали в Нью-Йорк, чтобы уговорить эту девочку выбрать наш колледж, и потом она исчезла. ЗАТЕМ мы, типа, почти нарушили наш договор, который, фактически, был смыслом нашей жизни уже два года. Это все ее вина, и мы реально не хотим, чтобы она училась у нас или была в нашем сестринстве.

— бекс

Дорогая бекс,

Не уверена, что могу чем-то помочь. Вы ведь все еще вместе. Или нет?

— Сплетница

Под прицелом

С устраивает небольшой чисто мужской прием в своей квартире на Пятой авеню. По последним данным, стол накрыт на четырнадцать персон. Дж и Д раздают автографы перед студией MTV. Может, они

еще и не стали знаменитостями, но если вести себя как знаменитость, то мир будет у тебя в руках. В развешивает объявления «Ищу сожителя» по всему Уильямсбергу. Ч и его фиолетово-черноволосая подружка толкают игрушечную коляску со своими зверушками по Центральному зоопарку. Кажется, он нашел идеальную няню для своей обезьянки на то время, пока он сам будет учиться в Уэст-Пойнте в следующем году. Пропавшие без вести: Б и Н. Последний раз замечены около половины двенадцатого вчерашнего вечера несущимися от ее дома на Семьдесят второй к его на Восемьдесят второй.

В моей голове все еще вертятся фигуры обезьянок, крыс и девочек в бирюзовых кожаных жилетах, но даже похмелье не помешает мне задать вопросы: Будут ли Д и В по-прежнему вместе или это уже «давай-останемся-друзьями»? И какого именно «сожителя» она ищет?

Станет ли Д всемирно известным идиолом рока? Попадет ли наконец Б в Йель? Придется ли ей для этого вступить в армию или стать доктором?

Будут ли Б, Н и С учиться в Йеле вместе? И хорошая ли это идея?

Станет ли Дж известной и несравненной супермоделью или опять облажается и сбежит в интернат, чтобы избежать испепеляющих взглядов окружающих?

Будет ли Н опять изменять Б? И если да, не решит ли он сделать это со мной?

Я знаю, что вы умираете от любопытства. Но сперва, пожалуйста, идите домой и немного отдохните.

Ты знаешь, ты меня любишь,

Сплетница